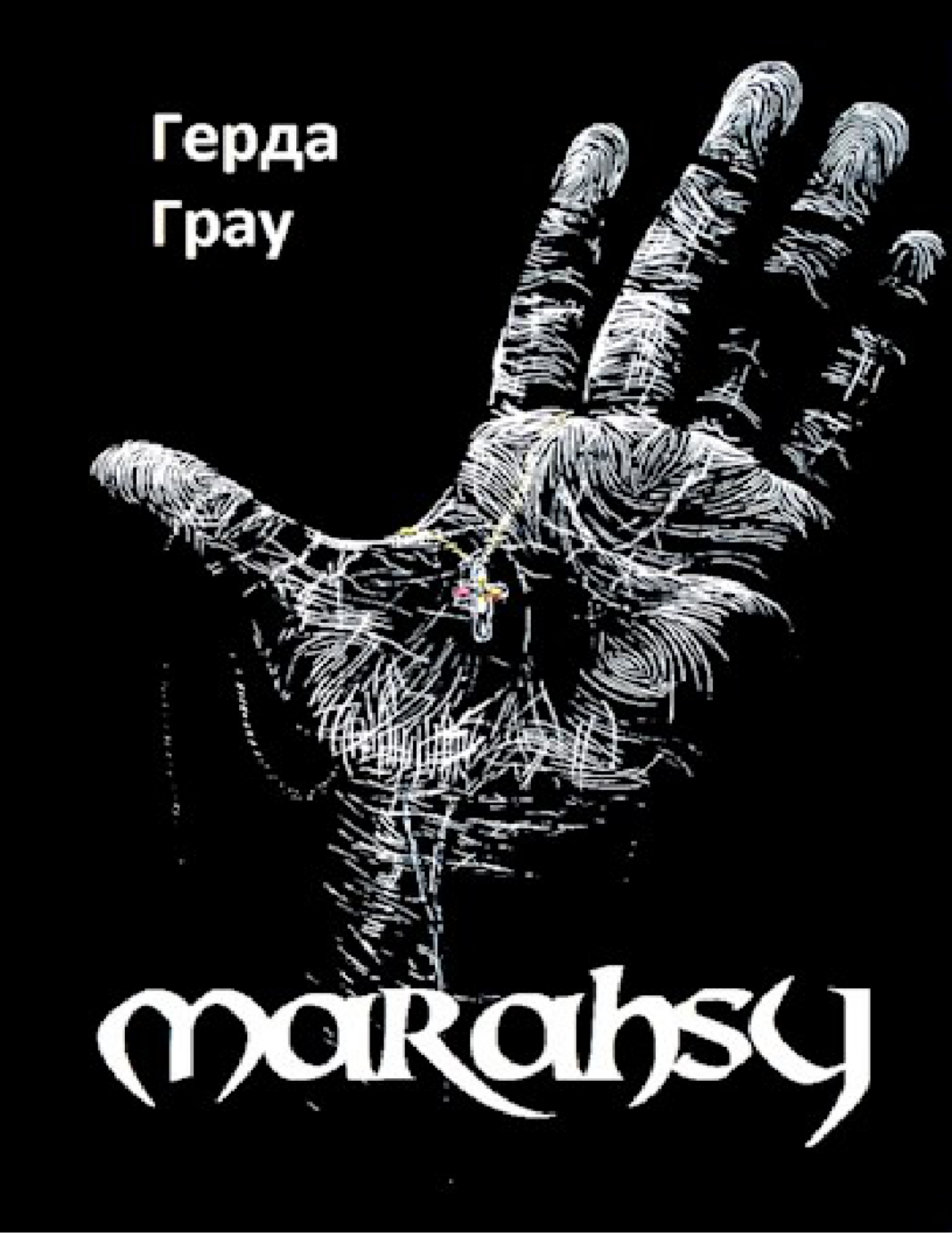
Герда
Грау



Marahsy

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Марахси - планетоид, больше похожий на кусок черной пемзы, подвешенный в темноте вечной ночи. И хотя он пересекает границы сразу трех государств, жизнь на планетоиде шикарной не назвать. Именно там борется за выживание маленькое рабовладельческое предприятие.

- Вместо предисловия
- Глава 1. Шум внизу
- Глава 2. Проблемы спортивных и зрелищных мероприятий
- Глава 3. Несколько вопросов образования
- Глава 4. Кадровые нюансы
- Глава 5. Дартсаршери и Ялмунд
- Глава 6. Лягушачьи лапки
- Глава 7. ...и их противники
- Глава 8. Электрическая расправа
- Глава 9. Улучшение балансовых показателей
- Глава 10. Войлочный червь
- Глава 11. Lucky, lucky, lucky me…
- Глава 12. Убийство с отягчающими обстоятельствами
- Глава 13. Techno band
- Глава 14. Новые горизонты
- Глава 15. Пополнение оборотных средств
- Глава 16. Подозрения и перспективы
- Глава 17. Шоу должно продолжаться
- Глава 18. Белый медведь
- Глава 19. Сны и видения
- Глава 20. Плацц
- Глава 21. Крах Марахси
- Глава 22. Кубик Рубика
- Глава 23. Richard of York gave Battle in vain…
- Глава 24. «Европа» отправляется по маршруту
- Вместо эпилога

Марахси

Вместо предисловия

— Славьтесь, повелитель!

Самое стандартное приветствие на планетоиде им.Д.Марахси вызвало у представителя этих самых повелителей гримасу отвращения.

— Ради всего святого, избавьте меня от марахсийского диалекта! — поморщился гость, усаживаясь в кресло и кладя ногу на ногу.

Ромул промямлил что-то невнятное и умолк, вопросительно глядя на то, как гость в дорогом костюме отстукивает ногтями по ручке кресла нечто, похожее на секунды, отсчитанные метрономом.

— Я здесь по поводу вашей задолженности Веге, — начал гость, но Ромул его перебил.

— Вопрос с вежским контрактом мы урегулировали своими силами.

— Не совсем так, — отозвался его собеседник, глядя в стекло, непроглядное как ночь, расчерченное только кое-где белесыми нитями войлоканита, пронизывающего внутренности жилого слоя. — Вы получили сверку их бухгалтерии?

— Да, но там какая-то ошибка, — с бараньим упрямством покачал головой Ромул, и его отражение тоже покачало головой между двумя столбами войлока. — Мы погасили все штрафы и пени, как положено. Я ее не подписал, ждал вас.

— Я ее видел, — сигарета осветила лицо гостя с полуприкрытыми то ли от дыма, то ли для сокрытия истинных мыслей веками. — Она, к сожалению, верна. В порядке досудебного урегулирования должен вам напомнить некоторые пункты вашего контракта, чтобы не быть голословным. По договору вы должны были внести предоплату в размере восьмидесяти процентов от суммы заказа в установленные сроки, которые вы пропустили.

— Совсем немного!

— Сорок девять вежских суток, шестьдесят два марахсийских дня, — бесстрастно напомнил гость, выпуская дым в округлый выдолбленный из массива камня потолок. — Согласно пункту восемь три ноль пять из первого поступившего платежа в первую очередь погашаются штрафные санкции, во вторую — просроченные проценты, в третью — срочные проценты, и только потом остаток идет на оплату товара. К производству сырья завод приступает при оплате не менее чем семидесяти процентов от суммы заказа. За сорок девять суток ставка пеней составляла в

первые тридцать дней один процент в сутки, а оставшиеся девятнадцать при отсутствии погашения ранее начисленных санкций ставка повышалась до пятнадцати процентов за каждый день, причем в сумму задолженности включалась и сумма неоплаченного штрафа. Штраф, если вы помните, составлял двадцать процентов от неуплаченной в срок суммы.

— Что? — мертвым голосом спросил Ромул.

— Войдите в их положение, — пожал плечами гость, глядя на него водянистым взглядом. — Гормональные препараты продукт капризный, с небольшим сроком годности и особенностями хранениями, плюс по истечении этого самого срока требуются расходы на нормативную утилизацию, которую оплачивает виновная сторона, то есть вы. В общей сложности сумма вашей задолженности на текущий момент составляет…

— Восемьдесят процентов от суммы контракта, — вдруг гаркнул Ромул, грохнув кулаком по столу. — Мы им, сукам, восемьдесят процентов отстегнули, и опять должны по самые гланды? А они даже к производству не приступали?

— Мистер Ромул, — гость приподнялся, но хозяин толкнул его назад в кресло пятерней, совсем не дружески толкнул, хотя постарался скрыть это тем, что положил обе руки на плечи гостя и с отчаянием заглянул в глаза.

— Мистер Хиотис, — проникновенно сказал в эти самые глаза Ромул, сдерживая гнев под бьющейся на виске жилой, — я помню, что вы просто посредник, но передайте им, что они больше ни гроша у меня не получат, пока не начнут производство и поставки. Ни единого сраного ломаного виртуального кредита, чтобы я сдох! Двадцать процентов от неуплаченной суммы? Даже если я весь планетоид на торги выставлю вместе с этим живьем, которое тут обитает, я столько не наберу.

— Я понимаю ваше негодование, — Хиотис сделал сигаретой движение в воздухе, огненная точка описала круг и замерла, ее огонь, как ни странно, успокоил Ромула, который словно зачарованный, следил за этим светлячком. — В какой-то мере даже я нахожу условия контракта жесткими, и поэтому готов выступить от вашего имени по вопросам реструктуризации задолженности и погашения долга. Два процента от суммы долга. Если у вас есть встречные предложения, я слушаю.

— У меня нет никаких предложений, — Ромул тоже достал сигареты и трясущимися руками затянулся, закашлялся и выдохнул дым в сторону клубами, точно неуклюжий джин попытался исчезнуть, но не смог. — Разве что засунуть этот контракт им в глотку и протолкнуть в кишки ломом.

— Вы сами его подписывали, — напомнил ему Хиотис. —

Было бы неплохо вашим юристам и экономистам читать то, что подсовывают вежцы, и если имеются сомнения, обращаться к консультантам. В будущем буду всегда рад вам помочь.

— Помогите сейчас, — вдруг горячо и страстно сказал Ромул, развернувшись и неловко тыча сигаретой в пепельницу. — Я в долгу не останусь.

Хиотис взглядом оценил степень желания в его глазах.

— Мне нужны все обстоятельства вашей сделки, — медленно сказал он. — Включая и те, которые вы находите нужным держать при себе. Посредники, размеры взяток и откатов, и так далее. И зачем вам понадобились гормоны — тоже.

Ромул кивнул. В дверь, словно по команде, вломилось странное создание, будто собранное на живую нитку из обломков андроидов, не подлежащих ремонту. В руках уродца был поднос с выпивкой. Один из стаканов с янтарным содержимым оказался перед Хиотисом, но тот только повертел его в руках и поставил обратно. Ромул выпил свой одним залпом и сдавившая череп невидимая веревка отчаяния на время ослабла. Он распустил узел галстука и уселся боком на край стола, за которым сидел Хиотис.

— Я могу рассчитывать на ваше молчание? — не хмуро, а как-то иначе, но не менее веско спросил он, разом перестав быть разъяренной деревенщиной.

— Можете, — благосклонно кивнул Хиотис. — Я всегда на стороне клиента.

— Знаю, — коротко отозвался Ромул.

Хиотису пришлось проглотить своё «откуда», он не был уверен, что действительно хочет знать ответ. В конце концов, меньше знаешь — крепче спишь.

Ромул тем временем вытолкал перештопанную жестянку за дверь и прижался спиной к косяку — его немного вело.

— У меня есть еще кое-какие обязательства, — негромко сказал он. — Марахси в силу своего географического положения имеет неоспоримые преимущества в некоторых сферах бизнеса, если вы понимаете, о чем я говорю.

— Эллиптическая орбита и транзитный ход, — кивнул Хиотис.

— Да, — неохотно выдавил Ромул. — Из нашего года, равного двенадцати годам земного оборота вокруг светила, Марахси находится в системе Мумбаев всего шесть, три в одну сторону, три в другую. Оставшееся время мы движемся по территории Новой Виктории и нейтральной полосе.

— На пару недель вы пересекаете границу Урсулы, — напомнил Хиотис.

— Они нас не трогают, — отмахнулся Ромул. — Что такое две

недели из ста сорока четырех месяцев? Три года назад во время прохождения викторианской территории мною лично был получен грант на некоторые исследования в области… области…

Он запнулся, не зная, какое слово лучше употребить, и Хиотис предупредительно поднял руку.

— Опустим этические подробности, — предложил он. — Придумайте какое-нибудь малозначащее слово для обозначения проекта. Или оно у вас уже есть?

— Ромульяне, — быстро и с некоторой гордостью сказал Ромул. — Если он не будет завершен, санкции вежского завода покажутся мне рождественской сказкой. Вот для этого мне и нужны проклятые гормоны. И еще немного времени и удачи.

Хиотис слушал рассеянно и почти без интереса, пока Ромул говорил, говорил и говорил, но два процента в невидимом счетчике неуклонно прирастали нулями.

Глава 1. Шум внизу

Шум пробивал все мыслимые и немыслимые заслоны и проникал даже сюда, в святая святых директората, державшего оборону в административном корпусе, выдолбленном за границей завода. Сейчас обитатели олимпа были как никогда далеки от звания богов, напоминая только что привезенную партию работяг-наемников: мятые, злые, невыспавшиеся и голодные.

— Разгоните уже их к чертовой матери! — не выдержал Ромул, когда очередной кусок камня из самодельной пращи ударился в полипластовое стекло. — Неужели некому унять кучку наглых оборванцев? Вы начальник безопасности или где?

— Сейчас к ним идти опасно, — усмехнулся Саммю, действительно носивший упомянутое гордое звание. — Эта кучка сама разорвет первого, кто окажется в их зоне досягаемости, просто чтобы спустить пар. С почуявшей кровь толпой справиться труднее, чем с уставшей от собственной говорильни и недосыпа. Постарайтесь набраться терпения, долго они так не выдержат. Максимум сутки.

— Это нам сутки сидеть в четырех стенах? — уточнил Бык.

— А вы что хотите? — Саммю обратил на него глаза без выражения. — Переговоры?

— Хотя бы, — не слишком уверенно кивнул тот. — Объяснить ситуацию, донести мысль, что мы сейчас все в одинаковом положении…

— Они не послушают, — Саммю еще раз посмотрел в глубины черного войлочного ада, расчерченного огнями. — Мы им сейчас враги номер раз: лишили работы, отняли кусок хлеба, обрекли на голодную смерть вместе с женами и детьми. Им наши терки с аккредитационной комиссией до фонаря.

— Может дать им хоть небольшой аванс… — жалко начал управляющий, но Ромул не дал ему договорить, коротко и с размаху сбросив его с кресла ударом кулака.

— Еще кто-нибудь откроет рот в защиту этих скотов, пристрелю на месте, — прошипел он, выкладывая на стол пистолет. — Есть желающие?

Желающих не нашлось, лучевой пистолет был веским аргументом. В полипласт ударил еще один обломок скальной породы, неизвестно как долетевший на такую высоту, и управляющий, кряхтя, отполз по полу к стене и там остался, обхватив колени руками и нагнув голову.

— Весь планетоид изнутри раздолбят, засранцы, — пробормотал Саммю. — Подрубят нам стены — и тю-тю,

сложимся как карточный домик. Как считаете, Бык, есть такой риск?

— Без взрывчатки — нет, — уверенно ответил Бык. — Но ее заложить еще уметь надо, а среди них профессиональных подрывников нет, да и взрывчатку им взять негде.

— Могли привезти с последней мумбайской партией работяг контрабандой, — хмуро возразил заводской врач, лично принимавший новых рабочих прямо с корабля и видавший в их запасах всякое. — Планетоид изрыт ходами еще с первых выработок, а они же идиоты. Может быть, потому и аккредитация не прошла? Опасно?

— Вряд ли, — покачал головой Бык. — Марахси прочная каменюга, войлоканит армирует все слои породы не хуже промышленной сетки. Вот без него риск действительно был бы велик, но первые поселенцы здесь долго не ковырялись, структурную целостность планетоида нарушить не успели. Убедились, что ни золота, ни палладия, ни каких-либо редкоземельных металлов нет, и отбыли. Все последующие частники тоже много не нарыли. А войлоканит штука крепкая, углеродистая, веками кристаллизовалась. Удержит.

Голос Быка, низкий, уверенный, внес некоторое спокойствие в пошатнувшиеся ряды совета директоров. Ромул закурил, его примеру последовал Саммю, а врач, поморщившись, пересел подальше в угол, на диван с деревянными накладками на ручках. Управляющий остался на полу, где ему казалось безопаснее, чем наверху. Пространство за стеклом иногда вдруг вспыхивало и расцвечивалось цветной линией сигнальной ракеты да еще какими-то спорадическими отсветами снизу, неизвестно отчего происходившими.

Вид сверху ничем не отличался от вида в пустоту космоса — та же чернота, та же неопределенность, если не знать, что над головой сотни тонн камня удерживают поверхностную радиацию, а внизу бурлит и волнуется море из нескольких тысяч недовольных и малообразованных голов. Некоторые из этих голов были горячими и довольно горластыми, хотя местный диалект и без того не предоставлял возможности изъясняться витиевато, был прост и примитивен, как пещерная живопись.

— То есть это не та причина, по которой нам прикрыли финансирование, — перехватил эстафету вопросов Саммю, но, задавая их Быку, смотрел на Ромула, который старательно втягивал в себя дым и выдыхал его обратно через ноздри. — Тогда какие существуют еще варианты? Завод не удовлетворяет техническим требованиям?

— Они видели проектную документацию еще на стадии

согласования, — злобно возразил Ромул. — Сами ее утвердили. А насчет закупки материалов все чисто, Бык не первый день в строительстве. Документы в порядке, расценки утверждены сметой. Отпадает.

Саммю не стал с этим спорить. Хотя мог бы сказать, что нанимать человека без имени, обходящегося только кличкой, и доверять ему закупки — само по себе риск. Да и послужной список этого человека что-то очень уж странен для Марахси, но тогда можно ожидать встречных вопросов, что сам он делает на ранее перспективном, а ныне богом забытом планетоиде, а этих вопросов Саммю не то, чтобы боялся, но активно не хотел.

— Может, персонал низкоквалифицированный? — решился подать голос управляющий. — Условия содержания антисанитарные? Негуманно?

— Плевали они на наш персонал, — презрительно отозвался врач с дивана. — Они же не комиссия по правам человека, какие это для них люди? Обычный расходный материал. Кончатся — новых завезут с Мумбаев. Или на месте нарожают.

— В чем же тогда дело?

Саммю бросил взгляд на Быка, тот спокойно его выдержал. Бык вообще был единственным, кто выдерживал Саммю, остальные предпочитали не сталкиваться с ним глазами.

— Уже скоро узнаем, — ответил Бык. — Пока хорошо бы вниз отправить андроида с баком воды. Будет хоть какое-то проявление заботы о рабочих со стороны администрации, чтобы снять напряженность.

— Пусть по баракам валят, если пить хотят, — отрезал Ромул.

Словно услышав его слова, толпа внизу начала скандировать имя: «Горо!». При полном отсутствии образования работяги интуитивно сумели создать что-то вроде профсоюза, ячейку из самых крепких мужчин, умеющих не трусить перед администрацией, и владеющих устной речью немного лучше, чем основная масса. Им и выпадало доносить до рабочих все решения администрации и нести в обратную сторону жалобы работяг. В Горо было два метра росту и окладистая борода, руки его привычно обращались только с ломом и лопатой и не годились для оборудования потоньше. Он был упрям как баран, с ним приходилось считаться больше, чем с другими, и даже быть вежливым.

— Сегодня не разойдутся, — заметил Саммю, бесстрашно поглядывая вниз. — Наверняка уверены, что мы тут на мешках с деньгами сидим. Не пришлось бы с боем пробиваться…

Словно в ответ на его опасения снизу вверх поднялся

объемистый белый предмет, завис напротив окна и разорвался с оглушительным звуком, от которого тонкий полипласт вздрогнул, надулся пузырем и дал сеть мелких трещин, хотя и не лопнул окончательно.

— Это уже ни в какие ворота! — не выдержал врач, вскочив с дивана. — Где этот ваш умник, черт его дери? Они так скоро за оборудование возьмутся!

Ромул открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент дверь в комнату открылась, и первым в нее вкатился уродец-робот, похожий на шайбу. Следом за ним высокий полипластовый порог перешагнул Хиотис, осторожно и брезгливо подернул брюки — на полу было грязно и мусорно. Он оглядел собравшихся, почему-то задержался взглядом на Саммю, но почти сразу обернулся к Ромулу.

— Ну? — не стал выдерживать тот положенного этикета с приветствиями. — Что?

— Плохие новости, — сдержанно произнес Хиотис. — Финансирования больше не будет, лицензия с первого числа аннулирована.

Если бы он достал меч и зарубил Ромула на глазах у всех, это не произвело бы того впечатления, которое произвели его слова. В комнате повисла тишина сродни молчанию у гроба.

— Можно узнать почему? — сквозь зубы спросил Ромул. — Они хоть как-то это прокомментировали?

Хиотис пожал плечами и снова посмотрел на Саммю.

— Не только ваш завод, вся франшиза остановлена. Проект закрыт в связи с изменившейся политической обстановкой.

— Что это значит? — вкрадчиво уточнил Саммю. — Заказчик дал дуба? Или викторианцы теперь дружат с медведями?

Хиотис поморщился, но прямоту оценил.

— Нет, дело не в заказчике, он как раз живет и здравствует. Насколько мне известно, результат не прошел стендовые испытания. Ни первая партия, ни вторая, ни улучшенная третья.

— Это не наша вина, — повысил голос Ромул. — В технологии нарушений не было.

— Вас никто не обвиняет, — подтвердил Хиотис, аккуратно присаживаясь на вертлявый стульчик. — Это бизнес, ничего личного. Поскольку ваши интересы представлял я, вы получите неустойку, положенную при расторжении контракта по инициативе заказчика. Лучше, чем ничего, к тому же в вашей собственности остается и то, что сейчас находится на территории завода, включая оборудование и… полуфабрикаты. Остальным и того не досталось.

Несмотря на то, что речь шла о совсем неплохих суммах и

дорогой технике, радости новость не принесла, напротив, породила тяжкую муторную тишину с закадровым подсчетом убытков и мрачных личных перспектив. Хиотис спокойно ждал, пока директорат смирится с новым положением вещей и можно будет поднять собственный вопрос, но он ошибся.

— А что конкретно в образцах было не так? — прервал общее тягостное молчание Бык. — Просто любопытно, может быть, все можно исправить или подкорректировать? Обновить линейку программного обеспечения, чипы усовершенствовать? Есть какая-то информация о выявленных недостатках? Насколько они критичны?

Ромул ничего не сказал вслух, но тоже с надеждой уставился на Хиотиса. Знать подробности, как оказалось, хотелось всем. Под общим перекрестным взглядом Хиотис почувствовал себя неуютно и в глубине души пожалел, что вообще прилетел на Марахси, нужно было удаленно пообщаться, сейчас сидел бы дома в тепле и безопасности, но клиенты ценят личное участие, черт их дери, да и не все вопросы доверишь технике. Волка ноги кормят.

— Скажем так, — уклончиво ответил он вслух, — недостатки выявились только после полевых испытаний. Ромульяне не выполняют заданную функцию, хотя хорошо имитируют ее при приемке, а провести настоящие тесты в момент приемки невозможно по ряду причин, поэтому и решение отодвинулось. Подвернись случай раньше — все случилось бы раньше.

— Они выставили ромульян против дрифтеров? — вдруг догадался Ромул. — И как?

— Никак, — поморщился Хиотис. — Ровным счетом. С таким же успехом можно было выставлять против танка заводного зайчика. Биологическая составляющая, как выяснилось, абсолютно не гарантирует ромульянам защиту от их собственной механической составляющей. Вот почему проект свернули мгновенно. Они не просто бесполезны, а опасны.

— То есть наши чипы — это не дрифт? — уточнил Бык. — Несмотря на то, что искины ему подчиняются?

Хиотис ничего не ответил.

— А что же они тогда такое? — не сдавался Бык, упрямо гнувший свою линию, чувствуя всеобщую молчаливую поддержку. — Люди управляют машинами с их помощью, общаются на расстоянии, насколько я знаю, в дрифте происходит точно так же. В чем различие? Можете нам объяснить?

— Я не большой специалист, — Хиотис поднялся, разговор начал его раздражать. — Едва ли мое мнение стоит мнения эксперта. Но предполагаю, что марахсийские чипы только

создают среду, в которой человек и искин встречаются и взаимодействуют, но результат взаимодействия слишком непредсказуем. Сама же среда относится к реальности очень и очень опосредовано.

Ромул кивнул белым взмокшим затылком, рассеянно слушая этот диалог. На искинов и таинственный дрифт ему было плевать, потому что его собственный конец был полным и окончательным. Никто не сказал ни слова, когда он достал чековую книжку и выписал Хиотису последний чек — на фоне рухнувших перспектив и отчаяния сумма была ничтожной. Если бы мысли и эмоции были материальны, они расчертили бы воздух в комнате молниеносными пролетами, хотя с виду это выглядело обычным траурным молчанием.

Нарушил его опять Бык.

— Если сейчас сообщить людям об увольнении, мы получим масштабную войну с порчей оборудования, — негромко сказал он. — Некоторые из них только приехали в надежде заработать. Отправить всех по домам мы не сможем, выплачивать выходное пособие нечем, все деньги вложены в сырье для нового цикла. Нужен какой-то другой предлог и постепенное сворачивание деятельности. Например, увольнение не всех сразу, а партиями, в течение пары месяцев. За это время люди привыкнут, те, кто пособразительнее, сами уберутся с Марахси.

— Девяноста девяти процентам некуда возвращаться, — напомнил ему врач. — Марахси для них единственное место, где их принимают и дают крышу над головой с куском хлеба, не спрашивая ни о чем. Процесс обратной миграции привлечет ненужное внимание и со стороны Новой Виктории, и со стороны Урсулы.

— Как же тогда им сказать, что они уволены?

— Никак, — ответил вместо врача Ромул. — Саммю, стравите вниз сероводород и скажите, что у них есть десять минут, чтобы не сдохнуть. Пусть искины с дубинами разгонят все это стадо по стойлам и закроют на замки, пока мы не решим их вопрос. Будут сопротивляться — убейте парочку-другую, но чтобы через час во дворе никого не было.

Саммю кивнул и тихо исчез за дверью, Бык проводил его настороженным взглядом. Управляющий и врач остались сидеть там, где были, пусто и равнодушно глядя перед собой, и только Хиотис подошел к стеклу с вязью трещин и посмотрел вниз, где уже начал выкрикивать громкоговоритель.

Разговор с работягами продлился недолго, внизу что-то с уханьем взорвалось, полыхнуло до стекла, и световые истерические всполохи заметались по черным стенам, точно

зайцы. Следом за этим окно осветилось оранжевым пламенем, превратив трещины в горящую адским огнем сеть.

— Это ваши ромульяне? — спросил Хиотис, с любопытством глядя вниз на разворачивающееся действо. — Очень эффектно. Если вы не возражаете, я задержусь до конца шоу, на Мумбаях такого не увидишь. Дорогое удовольствие.

— Поставили бы на андроида против человека? — наобум ляпнул Ромул.

— Пожалуй, — засмеялся Хиотис. — Пять к одному на андроида, двойной шанс в ставках.

Случайно он сказал это или нарочно, но Ромулу на секунду показалось, что над тотальной темнотой его личного внутреннего Марахси тонким лучом забрезжил ясный и вполне дружелюбный рассвет.

Глава 2. Проблемы спортивных и зрелищных мероприятий

Даже на первый взгляд ромульяне выглядели внушительно, напоминая боевых роботов из старинных земных аниме: белые маски с прорезями для глаз, мощнейшие ручищи и не менее внушительные ноги, держащие двухметровое тело в вертикальном состоянии. Доспехи были полипластовыми, весь ряд из сорока единиц молча и неподвижно стоял перед директоратом, у которого была трудная задача.

— Может, покрасить в разные цвета? — предложил Саммю, засунув руки в карманы брюк. — Для придания индивидуальности? А то как клиенты поймут, на кого они ставили, тот это андроид или другой? Все же одинаковые, болваны.

— Номера написать на лбу, — коротко высказался Бык.

Они оба посмотрели на Язмина, приглашенную звезду, советника директоров по вопросам зрелищных и спортивных мероприятий. Так, по крайней мере, он попросил написать в контракте, который полагалось представить в отделение урсулийской миграционной службы, чтобы за год не утратить статус резидента и не платить повышенные налоги.

Язмин был белоголов, вертляв, донельзя оптимистичен и производил впечатление человека, крепко сидящего на кокаине, хотя отрицал у себя любые вредные привычки. В нем было что-то петушиное, может быть, зачесанный на голове модный кок, напоминающий гребень, а может быть манера горланить, когда можно было сказать тихо.

— Прежде чем принимать решение, возьму на себя смелость напомнить вам, друзья мои, что такое вообще спортивный поединок, — прокукарекал он. — Это прежде всего эмоции. Они могут быть негативными, могут быть позитивными, но они должны быть. Какие эмоции может вызвать отсутствие лица и пластиковый корпус, пусть нежно-розового или салатового оттенка? А я вам скажу — никакие. Люди сочувствуют только людям или одушевленным и персонифицированным объектам. Робот-друг или робот-терминатор — это уже не так важно, на каждого найдется свой любитель. Так что нам, друзья мои, для начала предстоит сделать из этой шеренги личности, а потом подобрать каждому стиль выступления.

Бык поморщился, отошел в сторону под предлогом нехватки никотина и оттуда уже наблюдал, как неунывающий петух напал

на Саммю, которого каждый раз передергивало от обращения «друг».

— Грустный романтик, свирепый самурай, страстный мачо, холодный маньяк, личности и субличности, драма, бэкграунд, фоновые мотивы, личная история! Все это должно считываться прямо на ходу, во время круга, по которому участники проходят перед боем, чтобы даже не решившийся ставить вдруг проникся и захотел. А для этого его должно что-то зацепить в участнике — крестик ли, серьга в ухе, четки из лавы или символика популярного сериала, одним словом, нужно, чтобы он как-то его выделил.

Вошедший врач плюхнул на стол контейнер с препаратами и начал распаковку — ромульян собрали здесь вовсе не на смотрины. Язмин, не обращая внимания на лицо врача, тут же обратился к нему:

— Стиль боя тоже должен быть разным — один яростный, другой спокойный, третий истерик, четвертый шутник, все это дополнительно персонифицирует и придает шоу определенный шарм. Вы вот вводите им одинаковые гормоны, а нужно, чтобы каких-то не хватало, какие-то были в избытке. Даже пара случаев потери контроля работает на зрелищность.

— Это искины, — холодно ответил врач. — Органическая составляющая у них не управляет интеллектом, она — транспортная магистраль для доставки препаратов в систему и ее химического питания. Остальное у них программируемое, как у кофеварки.

— Ну и отлично, — не смутился Язмин. — Как поведет себя их система, если недополучит пару-тройку гормонов?

— Непредсказуемо.

— Вот! — проорал петух. — То, что надо — непредсказуемость, интрига, дело случая!

— Каждый из них стоит кругленькую сумму, — не выдержал Бык. — Испорченный товар отправляется на свалку, новых нам не завозят, так что жить им придется долго и счастливо, если мы для себя хотим того же.

— В его словах есть рациональное зерно, — задумчиво отозвался Саммю. — Возможно, от внешних отличий зрители сами образуют внутренние? Домыслят им характеры, индивидуальные черты и даже образ мыслей. Но для этого нужно постараться снаружи.

— У вас есть в штате женщины? — охотно переключился на него Язмин. — Поручите это им. Пусть украсят их, нарисуют им лица, сочинят предметы одежды, только нужно, чтобы они не видели чужие результаты. Допустим, находились в разных

комнатах или зданиях. Хотя, пардон, у вас тут со зданиями проблема, просто разведите их по разным помещениям. Девочки любят играть в кукол.

Врач ничего не сказал, ему было не до этого — каждому из ромульян он заправлял в приемный блок небольшую обойму из терморассасывающихся контейнеров разного цвета. Происходило это одинаково и монотонно с каждым из андроидов — открыл, заправил, закрыл, проследил за нагревом секции, перешел к следующему. Язмин замолчал, наблюдая за тем, как идет процесс кормления, видно было, что ему до смерти хочется спросить, как ромульяне выглядят без доспехов, но спросил он другое:

— Они действительно полностью вам послушны?

После этого он обернулся к Саммю, ожидая ответа.

— Если кто-то из них будет непослушным, у нас есть способ исправить это, — вкрадчиво протянул тот, добавив в голос даже какой-то угрозы. — Искусственная нервная система подобна природной, данной, например, вам богом и родителями…

При этих словах он коснулся руки Язмина, собрал кожу на тыльной стороне его ладони в небольшую складку и подвесил руку на ней в воздухе. Петушиный специалист замер, как загипнотизированный кролик. Бык отвернулся. Творческие и неуравновешенные личности, большая часть из них гиблые мазохисты — садисты, трусость которых не позволяет им обратить свои потребности против кого-либо, кроме самих себя.

— Вас наказывали в детстве?

— Я, признаться…

— Вот видите, — перебил его Саммю, — вы помните до сих пор, а ведь человеческий мозг несовершенен и многие нейронные связи умирают со временем, однако активировать их можно простым касанием. Искины помнят такие вещи куда лучше и куда дольше нас, грешных, у них нейроны живут вечно и приходят в возбуждение по первому требованию. Если вам доставалось ремнем по заднице, то им достается в общем, целиком. Самообучающийся интеллект делает из этого правильные выводы и никогда не забывает.

— А они не могут проанализировать источник и устранить его? — не сдавался Язмин. — Взять вас за горло, поднять в воздух и немного подержать так, пока вы не перестанете дергаться?

— Знаете главный принцип дрессировки любого животного, включая человека? — засмеялся Саммю, отпуская его руку. — Кнут и пряник. У нас много вкусных пряников, и зарабатывать их куда интереснее, чем получать кнутом. Кроме того, рука дающая и рука берущая у нас тут в одном флаконе. А эмоций они лишены, для эмоций нужна рефлексия, а у них все параметры

правильного отношения к окружающему миру заданы заранее. Вы — другое дело, если я возьму вас за горло, ваши нейроны устроят бурю субъективных оценочных суждений…

— Хватит, — визгливо прервал их врач. — Они готовы к тренировке, можете начинать. Бык, а вас хотел видеть Ромул, поднимитесь к нему.

Два раза повторять не пришлось, Бык покинул «мастерскую» и после двух поворотов коридора влился в узкий технический лифт. С его комплекцией в лифт следовало заходить спиной вперед, потому что развернуться в узком пространстве возможным не представлялось, а выгружаться задницей к Ромулу было невежливо.

Купол на поверхности планетоида был невелик — около десяти метров площади под прозрачным пластиком, никакой защиты от случайного метеорита крупнее кулака, вздумай тот упасть им на головы. Другое дело многотонная и многослойная титановая крыша над стройкой.

Внутренние перемены коснулись и внешнего облика Марахси. Космопорт, ранее напоминавший заводскую мусорную свалку, сейчас превращался искинами в некоторое подобие скромного, но приличного вокзала. В перспективе была искусственная атмосфера и сила тяжести, но на них еще только предстояло заработать, и до лифтовой от корабля гостям придется двигаться в скафандре. Ромул оторвался от наблюдения за наружным строительством и вопросительно посмотрел на Быка, указав подбородком направление.

— Неплохо, — ответил Бык. — Аскетично, но на поверхности они проведут несколько минут, внизу — гораздо больше. Вложения в Колизей отобьются после пары месяцев эксплуатации.

— Что говорит подрядчик?

— В который раз просит увеличения сметы. Перестроить старый завод — не раз плюнуть. Да и люди у него непривычные к нашим условиям. Темно, тесно, вредные условия труда.

— Скажи ему, что людей мы можем и своих дать, и пусть Саммю отберет ему скотов покрепче и поисполнительнее, но чтобы вопрос сметы больше не поднимался. У меня за каждый день их простоя проценты в банке капают. Вы наладили снабжение бараков?

— Они не подлежат восстановлению после восстания, пришлось задействовать под жилье старую трассу разведочных выработок, — отчитался Бык. — Плюс эксплуатационные выработки, ближние штольни и квершлаги перекрыли сварными решетками. Но здесь возможно использование только горизонтальных шахт, в наклонных атмосферы не хватает, да и в

тех, что заняли, нужна система принудительной вентиляции и поддержки давления, плюс вертикальное укрепление слоев.

— Это все потом, — отмахнулся Ромул. — Сейчас главное — замки и двери. Ну и пищевой раздатчик.

— Поставили. Мера временная, позволяет доставлять в удаленные камеры только гелеобразную структуру. Голодного бунта можно не опасаться, хотя и полноценным такое питание не назовешь. Так, лишь бы ноги не протянуть.

— Как они восприняли перемену своего положения?

— Судя по тому, что вспышек насилия в последнюю неделю не зарегистрировано, осознали, что сила им не поможет.

— Жаль, что у них не хватает мозгов на религию, сейчас бы очень кстати было запустить к ним какого-нибудь проповедника.

— Большая часть из них родом с Мумбаев, там религию не жалуют.

— Знаете, я последнее время все больше думаю о том, почему рабовладельческий строй не прошел проверку временем, — вдруг сказал Ромул. — Экономически он выгоден, затрат требует минимальных, любая отдача их перекроет в разы. Добиться послушания у людей проще, чем у ромульян.

— Рабовладение погубили деньги, — засмеялся Бык. — Натуральный обмен неповоротливее и беднее денежного. Кроме того, людям не вложишь в головы базовые настройки, они имеют свойство размышлять и приходить к неожиданным выводам. Например, что они равны и заслуживают чего-то лучшего, чем синтетическая еда из трубы и полметра поверхности пола. А поразмыслив, они действуют.

— Не вижу в этом ничего плохого, — Ромул включил очистной автомат и достал сигареты. — Лучшее есть всегда, вопрос только в том, чтобы скоты твердо знали, что оно им даром не положено. А вот заработать можно.

— Вы меня звали поделиться своими мыслями насчет исторической несправедливости? — уточнил Бык.

— Нет, конечно. Хотел, чтобы вы уделили особое внимание канализации и очистным сооружениям. Они должны быть на современном уровне. Антисанитария — это инфекция, туристы могут разнести ее по планетам и нас прикроют за несоответствие санитарным нормам.

— Прикроют? — удивился Бык.

Ромул прикусил язык, сообразив, что сболтнул лишнее. Несколько секунд он оценивающее смотрел на Быка, словно сомневаясь, посвящать ли его в свои планы, но потом решил, что раз уж сказал «А», нужно говорить и «Б».

— Когда мы проходим по территории Мумбаев, я спокоен, —

пояснил он. — А вот Урсула и Виктория меня пугают. Любая из них может устроить нам веселую жизнь, причем Виктория больше, чем Урсула. И основанием для этого может быть что угодно, зараза даже лучше подходит, чем какие-то этические комиссии и права человека. А я не собираюсь сидеть на этом камне вечно.

— Хотите раскрутить бизнес и продать? — понимающе усмехнулся Бык.

— Да. Прибыльный налаженный бизнес с фиксированной доходностью, штатом и персоналом. Вас я, конечно, не продаю, мы с вами соучредители, прибыль от продажи поделим честно. Саммю не в счет, у него пакет небольшой, да и амбиции другие, ему смена собственников будет только на руку. Хиотис обещал помочь с покупателями, когда придет время. Он лицо, заинтересованное в комиссии от продажи, да и связей у него побольше, чем у нас с вами.

— Почему же тут его не видно? Контрактная часть по-прежнему на нем, как я понимаю.

— Он может бывать на Марахси только в момент прохождения Урсулы. По каким-то непреодолимым причинам перешел на удаленное консультирование, и я склоняюсь верить в его обстоятельства. На Мумбаях его тоже давненько не видели.

— А что думает Эйб? — вдруг спросил Бык. — Как-никак конкурент в туристическом бизнесе региона.

— Уже нет, — медленно ответил Ромул. — Он сменил сферу деятельности, черт знает, что у них там произошло, но сейчас он занят своими борделями и ни слова не сказал о туризме.

— Тем лучше, — засмеялся Бык. — Тем лучше.

На обратном пути он столкнулся с врачом, который посторонился, чтобы дать ему пройти, но потом передумал и перекрыл проход. Бык остановился.

— Я знаю, что никто кроме вас об этом не подумает, — резко начал разговор врач. — Ромульяне интересуют всех куда больше, чем люди, но нам придется иметь дело и с первым, и со вторым. И если с андроидами мы умеем управляться, то люди несут известный процент риска. Минимизировать издержки хорошо до известного предела, потом это вредит делу.

Бык не стал его перебивать, просто слушал.

— В камерах нет разделения по половому признаку, дети находятся вместе с родителями, мужья с женами, этнические группировки тоже имеют место, все это укрепляет связи внутри группы. Если требуется послушное стадо, нужна сегрегация.

— Вы правы, — кротко ответил Бык. — В ближайшем будущем наполнение бараков будет осуществляться в разумных

пропорциях.

— И самая большая проблема — половой инстинкт, — врач исподлобья взглянул на Быка, чтобы удостовериться, правильно ли тот воспринимает сказанное. — Мы можем разрушить все уже существующие связи в группе, но половой инстинкт толкнет людей образовывать новые. И даже разделение по половому признаку нас не страхует от этого факта, в этом случае будут образовываться однополые связи, только и всего.

— Что вы предлагаете? — осторожно уточнил Бык.

— Химическое подавление инстинкта размножения у всех особей, достигших полового созревания, — просто ответил тот. — Массово и принудительно. Это увеличит стоимость проекта, но на фоне общих издержек не скажется заметно. Для поддержания активности есть другие препараты, никак не связанные с либидо. Например, адреналин или фенилэтиламин, которыми вежский завод нас бесперебойно снабжает и будет снабжать при планируемой доходности предприятия.

— Я поговорю с Ромулом, — пообещал Бык. — А можно лично от себя вопрос? Я человек простой, поэтому не сердитесь, но как определяется половое созревание без тотального медицинского обследования, анализов и прочих таких штук? Например, у парней? С девочками проще, я понимаю, но подростки выглядят по-разному, большинство из них сами не знают, сколько им лет, потому что никто не заботился записать дату их рождения. Как вы определите, пора или не пора? Я к тому, чтобы не навредить, они нам нужны здоровыми.

Вопрос заставил врача посмотреть на собеседника с жалостью.

— Покажите им порнофильм и посмотрите, кто незаметно сунет руку в карман, — сухо сказал он. — Я могу рассчитывать на ваше содействие в данных вопросах? Исправлять упущенное дороже, чем сразу организовать дело правильно.

Бык кивнул. Ничего другого ему, всеобщему конфиденту, не оставалось.

Глава 3. Несколько вопросов образования

Кровь с новенькой арены отмывали женщины, обвязанные несколькими слоями войлока по марахсийской традиции. Тихие, безгласные, пригнанные из ближайшего барака, они беззвучно работали, пока директорат в мягких креслах предавался унынию. Останки жертвы пробного поединка валялись за краем площадки, голова отдельно, туловище отдельно, туда старались не смотреть. Ромульянин высился в лучах прожектора белой и незыблемой стеной, маска его уже была расписана под азиатскую внешность — косые черты глаз, презрительный рот, острые скулы. Для полноты образа не хватало косички на макушки и кривого ятагана, но вместо этого на нем были короткие штаны и нарисованные тушью выходящие из плеча узоры, покрывающие верхнюю часть правой руки, что-то вроде татуировки.

— Да уж, — высказал общее мнение Саммю, поднимаясь с места и спускаясь к ограждению, чтобы рассмотреть повреждения секции. — Учили болвана, учили…

Эхо от его голоса отскочило от каменных стен и вернулось к нему повтором слов, словно все сказанное он произносил дважды. Монтаж акустики был еще не завершен, для ответа приходилось ждать, пока звук погаснет.

— Что вы хотите от робота? — отозвался Бык, доставая неизменные сигареты. — Ему поставили задачу — он ее выполнил. Эффективно и быстро, даже наказывать не за что.

Язмин, бледный как полотно, сидел в проходе прямо на ступенях, пока одна из женщин собирала тряпкой его блевотину возле сиденья, откуда тот минуту назад собирался наблюдать за постановочным боем. Бой оказался коротким и ни черта не зрелищным.

— Такими темпами люди у нас кончатся раньше, чем мы отработаем первый сезон, — прогрохотал с верхнего ряда голос поднявшегося Ромула. — Ни один из них в контактном поединке не продержится и пары минут, даже на стимуляторах.

— Странно, что вы на это рассчитывали, — засмеялся Саммю, наблюдая за тем, как баба в войлоке отжимает тряпку в ведро. — Ежу понятно, что против андроида можно выставить только андроида, а не барачного доходягу. Силы-то неравные.

— А в чем тогда будет наше уникальное торговое предложение? — завелся Ромул. — Драки двух роботов можно найти где угодно, даже на Мумбаях, и не только роботов, но и

насекомых на «Черном Цветке». Только люди против роботов запрещены в цивилизованных странах, это планировалось исключительно нашей фишкой.

Саммю поднялся на носках, покачался взад и вперед, растянул затекшие плечи и руки, подошел к Язмину и наклонился над ним.

— Что скажете, консультант по зрелищам? — насмешливо спросил он. — Есть предложения, как улучшить конечный продукт? Чтобы бой продлился хотя бы минут пятнадцать? Лучше, конечно, тридцать, но надо же с чего-то начинать.

Язмин потер ослепшие от прожектора глаза, скользнул по косой ухмылке ромульянина, и торопливо перевел взгляд на Саммю, как на более приятный объект.

— Если оставлять неприкосновенной идею человека против робота, — дрожащим голосом начал он, — то придется уравнять их шансы, хотя бы видимо. Гладиаторы всех времен пользовались тем оружием, с которым они лучше управлялись. У ваших андроидов это сила, а вот людям нужен другой инструмент, которым можно работать на расстоянии, вроде трезубца или пики.

— Ничего не понял, — перебил его Ромул. — Предлагаете выдать человеку трезубец, чтобы он робота уложил на расстоянии? Силенок не хватит пробить полипласт, он же крепче железа. Да и прет андроид как танк.

— Погодите, погодите, — поднял руку Саммю. — Я начинаю понимать. Речь идет о бесконтактном поединке? Со стороны человека?

Язмин немного оправился, когда увидел, что пол отмыт чисто, а обезглавленный труп исчез. Женщины тоже исчезли, и сейчас уже было непонятно, были ли они тут вообще, настолько безликими тенями показались.

— Да, — гораздо увереннее подтвердил он. — Как я понял, ваши чипы позволяют установить связь с роботом на расстоянии и попасть в его меню, чтобы изнутри дать команду на самоуничтожение. Это нужно использовать и с людьми. Разность оружия оставит схватке зрелищность, тогда как шансы у противников будут равными — у ромульян физические преимущества, у людей — электронные.

— Какие же они равные, если ромульянин быстрее и убьет человека раньше, чем тот активирует чип и влезет в меню? — не понял Бык. — В скорости-то они не равны.

— Да, человеку будет нужна фора во времени, — подумав, согласился Язмин. — Минут десять-пятнадцать. Чтобы публика не скучала, эту фору можно заполнить какими-то препятствиями,

которые андроид будет красочно преодолевать, чтобы добраться до человека. Болельщики это любят.

— Площадка всего ничего, — заметил Саммю, указывая подбородком на арену. — Куда тут еще препятствия навтыкать? И так не развернуться.

— Можно натянуть колючую проволоку или сеть по диагонали, — Язмин обернулся к нему. — Допустим, ромульяне заходят на арену с одной стороны преграды, люди — с другой. Наружные борта высокие, выпрыгнуть из них ни один не сможет, все происходит внутри, и бой имеет финал в любом случае, доберется ромульянин до человека раньше или наоборот. Для дополнительной интриги человека можно поместить в какой-нибудь защитный каркас, оформить его интересно, а барахтающийся в цепях или проволоке на пути к нему андроид в любом случае удержит внимание зала. Тут напряжение хорошо поддержит музыка, громкий счет, часы, все, что угодно.

— А еще нужны завывания ведущего, — прыснул Саммю. — «Одна минута и железные руки доберутся и разорвут хрупкое тельце противника». И дальше такая барабанная дробь.

— Как вариант, — не поняв шутку, одобрил Ромул. — Только насчет чипов я не уверен. Они предназначались нашим искинам для связи с оператором при захвате чужой техники. Воткнем мы этим скотам по чипу в плечо, откуда они будут знать, что с ним делать? Они в глаза не видели ничего сложнее лопаты. Способны только зазубрить на слух инструкцию к станку, да и в той вечно путаются и запоминают не в том порядке.

— Учить придется, — подал голос Бык. — Не зря же раньше существовали школы гладиаторов.

— Все школы на Марахси давно упразднили за полной бесполезностью, — поморщился Ромул. — Особенность местных жителей — полное отсутствие интереса к любым знаниям, кроме собственной устной традиции. Да и вреда от школ было больше, чем пользы, услышат там что-нибудь новое и непонятное, и давай дополнять своими куцыми извилинами до такого бреда, что безопаснее стало ликвидировать эти рассадники мрака. Нетронутые мозги в состоянии покоя эксплуатируются лучше, чем возбужденные, доказано годами практики.

— Правила пользования чипом тоже можно ввести в устную традицию, — ляпнул Язмин. — Рассказать по секрету одному, он еще десятерым расскажет, слухи расходятся быстро, а в бараках после работы им все равно делать нечего. Если правила пользования чипом будут рифмованными, запомнят моментально.

— Как будто дело только в правилах, — с досадой ответил

Ромул. — Если нужно было бы заучить несколько страниц предложений, мы поставили бы андроида с шокером в каждую камеру, и через сутки все бы нараспев эти правила уже повторяли. Но там есть коды, целая таблица кодов, которые нужны для входа в меню. И нужно знать, когда и какой применять.

В приаренном зале наступила тишина. Утверждать, что буквенно-цифровые комбинации программы марахсийцам дадутся так же легко, как бездумное зазубривание строк, было очевидным преувеличением. Объяснять же принцип взаимодействия андроида с носителем чипа было идеей заведомо провальной, просто потому, что у работяг в словарях не было даже таких понятий.

— Коды нужно наклеить в каждой камере на стену, — сказал Язмин. — Я так в детстве таблицу умножения выучил, просто потому что она висела в туалете у меня перед глазами, и никакого другого чтения там не имелось. Когда знаешь коды и правила, сопоставить одно с другим на практике гораздо легче и быстрее, особенно если речь идет о твоей жизни. Тут и за соломинку схватишься. А успешные комбинации они сами передадут друг другу на своем языке.

Все глаза сосредоточились на Ромуле.

— Хорошая идея, — наконец сказал тот. — Чипы есть, поставить их дело нескольких минут. Пока строительные работы заканчивают, у них будет время выучить правила и коды. Потом проведем пробный бой еще раз. Причем не с одним, а сразу несколько пар вызовем. Одна пара работает, остальные смотрят и делают выводы. Саммю, отберите сегодня же самых сообразительных и крепких, пусть врач их чипирует. Язмин, арена с препятствиями остается за вами. Все, работаем.

После никчемного начала вечера эти слова неожиданно всех взбодрили. Как-то одновременно пришло понимание, что не бывает проектов без эксплуатационных недостатков, и на то и практика, чтобы теорию исправлять. Ромул жестом позвал Быка за собой.

— Поглядим на диспетчерскую и тотализатор, — приказал он. — Заодно и на арену сверху.

Сообразив, что это предлог, Бык молча кивнул и двинулся следом за своим патроном. В дикторскую рубку из зала вела крутая лестница, Ромул вскарабкался по ней так быстро, словно его собственный вес ему нисколько не мешал. Бык не мог похвастаться тем же, поэтому ноги ставил медленно и аккуратно.

Тотализатор еще не работал, огромное табло было темным и мертвым, как и окна букмекеров, но как только Колизей оживет,

тут тоже все придет в движение. Бетторы будут давиться в очереди, чтобы успеть сунуть в окно кредитку и крикнуть «трикси» или «тотал больше», а цифры на табло будут лихорадочно меняться в зависимости от текущего боя. Видимо, Ромул испытал те же чувства, потому что погладил табло рукой и полез выше, в дикторскую.

Дикторская когда-то была их наблюдательным пунктом в административном здании, откуда они смотрели за разгулом рабочей стихии во дворе завода и пожаром. С тех пор много воды утекло и много вещей переменилось. Коренные работяги смирились с новым положением быстро, а вот к навербованным новичкам пришлось применять дополнительные меры воздействия. Сейчас сдались и те, и другие, в бараках по ночам стояла тишина, изредка прерываемая заунывным бессмысленным пением.

Как он и обещал, содержимое камер перетасовали, родственников и сожителей разделили, стерилизацию провели всем взрослым поголовно, и если верить врачу, этой меры должно было хватить на год. Там, куда уже успели провести наблюдение, действительно не было зафиксировано ни одного случая совокупления, препарат действовал. Единственными, кого не тронули новые селективные правила, были матери с грудными и маленькими детьми. Младенцам нужны няньки, которых на Марахси негде взять, поэтому дешевле было оставить детей с матерями до подросткового возраста. Трудовую повинность все бараки отбывали в одинаковой мере, работы же хватало с головой — старые шурфы зарастали мусором и обваливались годами, расчистка требовала времени, а случаи саботажа пресекались простым сбросом зачинщика в вертикальный штрек. Двух-трех случаев хватило, чтобы люди начали послушно таскать свои тела на новую работу и обратно.

Все это Бык припоминал на тот случай, если Ромул позвал его для отчета, но разговор, как ни странно, пошел не об этом.

— Что вы думаете о Язмине? — прямо в лоб спросил Ромул, постучав пальцем по стеклу, за которым внизу петушиный специалист ползал по арене с рулеткой и что-то измерял, а Саммю стоял над ним и глумливо глотал из банки пиво.

Бык подошел к стеклу и тоже посмотрел вниз.

— А я должен о нем думать? — осторожно спросил он. — Безопасностью у нас занимается Саммю…

— Вот именно, — оборвал его Ромул. — Они неплохо спелись вдвоем, и это меня настораживает, если не пугает.

— Почему? — тупо спросил Бык, любил позволить себе быть тупым в присутствии начальства.

— Есть информация, что генерал Шепард в курсе происхождения чипов и ромульян, — тихо ответил тот. — И есть информация, что ему это не понравилось.

Спрашивать, откуда такая информация, было излишне. Бык снова достал сигареты, чтобы молчание не выглядело равнодушным, щелкнул зажигалкой и посмотрел сквозь дым на Ромула.

— Едва ли можно ставить нам в вину простой производственный контракт, — напомнил он. — Мы взяли заказ частным образом, как использовали результат заказчики — нас не касается, пусть спрашивает с них. Разрабатывать технологии для взаимодействия с роботами не запрещено. Марахси — независимый планетоид.

— Это все юридические отговорки, на которые Шепарду плевать, когда речь идет о его территории. Марахси сейчас далеко от Урсулы, но это не значит, что он не пошлет сюда своего человека посмотреть, чем мы тут занимаемся.

— И вы думаете, это Язмин? — изумился Бык. — Он, конечно, урсулиец, но ведь болван, и к тому же специалист совсем в другой области. Насколько я знаю, дрифтеры принадлежат к военной среде, это офицеры, прошедшие курс на Аайе.

— Он вовсе не обязан быть дрифтером, может быть просто шпионом и диверсантом. Когда мы откроем «Кассинову», в Дартсаршери хлынет поток туристов, и достаточно одного несчастного случая, чтобы прикончить все дело.

— Зачем ему это? Если ромульяне оказались барахлом против его волкодавов?

Ромул тяжело покряхтел, с тоской взглянул на сигареты, потом на часы — запретил себе курить чаще одного раза в час, и уже пожалел, сигарета просто просилась в руки.

— Дрифт — это та штука, которая есть только у медведей, — сказал он. — И черт знает почему это так. В Новой Виктории техника не хуже и люди не глупее, но все эксперименты в этой области провальны от начала и до конца, никто не может повторить того, что делают мальчишки в учебке на Аайе. За этот секрет викторианцы дадут дорого. Так дорого, что вам и не снилось.

— Наши чипы — не дрифт, — напомнил Бык. — Хиотис сказал, что они очень отдаленно относятся к реальности. Если бы мы открыли дрифт, Новая Виктория не потерпела бы поражения, тогда претензии Шепарда были бы обоснованы.

— Никто не знает, что такое дрифт на самом деле, — Ромул махнул рукой. — Может быть, все дело в практике. А может в удаче. Не исключено, что мы стоим к нему ближе, чем все

остальные, и можем дойти до конца.

— Что же вы хотите от меня?

— Следите за ними обоими, — почти умоляюще попросил Ромул. — И за Саммю, и за Язмином. Если заметите что-то подозрительное — говорите немедленно. Шепарду сойдет любой формальный повод, чтобы вмешаться в наши дела на своей территории, что это будет — одному богу известно, у него богатая фантазия. Мы не должны попасться на его удочку.

— Вы встречались с ним раньше? — догадался Бык.

— Да, — коротко ответил Ромул, почему-то растирая пятерней и без того красную шею. — И больше не хочу.

Бык нарочно задержался у стекла, когда патрон ушел, официально для того, чтобы понаблюдать за Язмином. На самом деле он раздумывал о том, что именно известно генералу Шепарду о проекте Ромула. Если викторианцы выставили ромульян против дрифтеров, то, само собой, Шепард заинтересовался новинкой. Не исключено, что парочка ромульян попала к нему на стол для разборки. И хотя ни маркировка, ни дата, ни производитель нигде не указывают на Марахси, наверняка кто-то услужливо подсказал ему, у кого производятся гормоны в упаковках, подходящих для приемного лотка. Поднять всех производителей гормональных препаратов и посмотреть их контракты с датами поставок нетрудно, проверить всех покупателей на предмет наличия производства андроидов тоже — и вот Марахси у него в кармане. Если, конечно, еще раньше эту информацию ему не слил Хиотис.

И послать сюда своего человека — самое логичное.

Глава 4. Кадровые нюансы

Если заводской врач когда-то и бывал довольным, то этот момент остался в далеком прошлом. Последнее время к выражению его лица, хмурому и едкому, добавилась еще и сварливость. Бык подозревал, что в глубине души весь проект «Кассинова» врачу глубоко не по душе, если только такой каламбур имел право на существование. Кто он и откуда попал на Марахси, оставалось только догадываться. Ромул не поощрял интерес к прошлому сотрудников, взамен требуя того же в отношении себя.

Для простых рабочих никакого кадрового учета на заводе тоже не предусматривалось, только счет поголовья и перепись кличек, которыми пользовались марахсийцы вместо имен. Выдавалось жалованье тоже по головам, и если кто-то ушлый получал чужое, то это было проблемой обманутого, но никак не администрации. Имена, впрочем, у них встречались, и даже фамилии, но это было редкостью и говорило о том, что их обладатель — потомок второй волны земных колонистов, которых тут называли первоселенцами, потому что они обогнали первую волну, стартовавшую с Земли раньше. Логика трудная для стороннего наблюдателя, но весьма понятная для потомков этих самых первоселенцев. Для персонификации всех прочих употреблялись номер и какая-нибудь выдающаяся черта внешности или свойство характера, потому что имена они частенько присваивали себе сами, но в силу каких-то резонов каждый день разные.

Судьба их в точности повторяла судьбу легендарного старателя из первоселенцев Дэвида Марахси. Взяв кредит на освоение планетоида, он высадился на каменюгу с несколькими рабочими и новейшим горнопроходческим комплексом. Вместе они резво взялись за дело, проковыряли планетоид как мыши сыр, но не обнаружил ничего, кроме многообещающих пород и вездесущего войлока. После нескольких месяцев пустых надежд и обещаний рабочие потребовали расчета, а банк — положенных ему процентов. Дэвид Марахси не мог выплатить ни того, ни другого, и рабочие покинули планетоид, отбив ему почки и прихватив все, что могли унести на себе, в качестве оплаты. Комплекс ржавел и разваливался, пока старатель прятался от кредиторов и тщетно искал новых инвесторов. От официального банкротства его спасло только пристрастие к побочному продукту войлока — вытяжке войлоканитового корня, наркотического вещества, сходного по воздействию с марихуаной. Под парами

вытяжки он свалился в штрек и сгинул в сладостных видениях, оставив планетоиду гордое имя и чудовищные долги.

Банковским приставам, прибывшим на место, обратить взыскание оказалось не на что, и сам планетоид после недолгих препирательств с единой тогда еще Викторией оказался предметом залога. С ведома банка-залогодержателя для покрытия части убытков на Марахси стали размещаться вредные производства. В качестве рабочей силы набирались маргиналы с Мумбаев, люди, которым даже на краю цивилизации не нашлось места: Марахси был тем дном, снизу которого уже не стучали. Маргиналы оседали в грязных катакомбах у заводских стен, тянули войлочную вытяжку, как отец-основатель, а темными неосвещенными ночами в качестве бесплатного развлечения плодились; скудно, но достаточно, чтобы передать потомкам культуру и традиции, вызывавшие судороги у образованных людей. Преступников, удравших на Марахси, не искали — никакое наказание не было сравнимо с теми условиями, в которые попадал наемник. Назад тоже не возвращались, потому что на Марахси жизнь была коротка.

— Имейте в виду, я не нейрохирург, — вырвал Быка из его мыслей голос врача. — Для отработки методики имплантации нужно время и практика. Первые эксперименты могут быть неудачными вплоть до отторжения.

Операционная была переоборудована из ангара для того самого горного комплекса, с которого все началось. Туда было удобно доставлять оборудование от входа в штрек, и людей из камер в другом конце коридора.

— Да ладно вам, — лениво откликнулся Саммю, устроивший наблюдательный пункт на перекрытии, доходившем до половины склада и нависавшем над операционным столом, который раньше был верстаком. — Медицинская страховка им все равно не положена, а профсоюз мы упразднили. Ну, сдохнет пара штук от заражения крови, кому до этого дело?

— Также я не гарантирую, что интерфейс вообще установится, — продолжал врач, расставляя на столе рядом с верстаком коричневые крафт-пакеты. — Нейрохирургические операции делаются специальным оборудованием, а не скальпелем и иглой. Еще меньше могу сказать, как это будет выглядеть для них. Люди не искины, их нейросеть не выведешь на экран. Как себе это представляет Ромул, я не знаю.

Саммю покрутил круглой головой по сторонам, потом посмотрел на Быка.

— А что наш специалист по зрелищам, испугался? — своим вопросом опередил вопрос про Ромула Бык. — Не хочет

посмотреть на дебютантов спортивного шоу?

— Не любит крови, — засмеялся Саммю. — Да и вопли переносит болезненно, если они исходят не от него.

Бык приподнял брови.

— Мы не будем использовать анестезию? — тревожно спросил он врача. — Это все планируется на живую?

— Для общей анестезии у меня нет оборудования, — огрызнулся тот снизу. — Если не обеспечивать давление и вентиляцию легких при положенной глубине сна, мозг умрет от кислородного голодания. А не умрет, так приведет своего носителя в вегетативное состояние. Сделает овощем, если вам это проще понять.

— Уверяю вас, у марахсийцев разница незаметна, — отмахнулся Саммю. — Но вам виднее. В конце концов, заткнуть им глотку и зафиксировать в нужном положении не так уж трудно.

— Я не садист, как некоторые, — врач одарил Саммю неприязненным взглядом. — Анестезия будет, но местной. Чип мал в размерах, это три миллиметра на десять, большого количества неприятных ощущений не доставит. По крайней мере, во время операции. Потом — возможно, но тут уже все будет зависеть от индивидуального болевого порога. На мой взгляд, это не страшнее удаления зуба, ощущается примерно так же. Зашивать их я не вижу необходимости.

— А как происходит взаимодействие человека с чипом? — с любопытством спросил Бык. — То есть как они будут вводить туда коды, чтобы он связал их с искином? И как поймут, что это удалось?

— Как вы набираете своих собеседников в паде, когда руки заняты? — врач начал злиться. — Представьте себе, что пад вам просто вшили под кожу.

— Голосовой набор? — быстро предположил Саммю, которому понравилась аналогия и шарада в целом, да и ждать было не так скучно. — Радиочастотная идентификация?

— Примерно, — краткость врача выдавала всю степень его нерасположенности обсуждать эту тему. — Поскольку люди не ромульяне, то набор голосовых команд будет сопоставим с меню примитивного пада. Остальное будет зависеть от их сообразительности. Но на многое я бы не рассчитывал, они клинические идиоты.

Дверь в ангар со скрипом отворилась, и фигура Ромула выросла на пороге в проеме. Он оттянул в сторону вторую половину двери, после чего прошагал к верстаку. В ставшее широким отверстие андроид-ромульянин загнал несколько

человек и запер дверь, оставшись стоять возле нее, расставив ноги для перекрытия максимальной площади проема на случай побега. Мера была чрезмерна, потому что вошедшие и без того толпились как бараны, разинув рты. Бык отметил, что страха в них нет, есть тупая покорность и отчасти какое-то детское любопытство, заставляющее вертеть головами по сторонам, чтобы было что рассказать в бараке, безбожно приукрасив.

Одного из вошедших, длинного, с объемистой черной бородой, знали все представители администрации. Пока завод функционировал, Горо был посредником между работягами и руководством, поскольку мог перевести обычную человеческую речь на марахсийский диалект и обратно. Правда, для этого требовалось говорить простыми предложениями и не больше трех в ряд. Остальные напоминали кучи тряпья, в которые зачем-то воткнули немытые головы, общим числом пять штук.

— Славьтесь, повелители, — протянул хор голосов.

— По росту набрали, — догадался Саммю. — Из фигур там у всех смотреть не на что, кожа да кости, ну да им не стриптиз танцевать.

— Для вас есть новая работа, — громко сказал Ромул, становясь перед Горо. — Старой больше не будет, завод закрыт, и мы никого не станем кормить даром. Еду нужно отработать. Понял?

Горо исподлобья взглянул сначала на Ромула, потом на Саммю и, в конце остановил взгляд на Быке.

— Уразумел, — сдержанно ответил он.

— Сейчас ты ляжешь на этот стол и тебе поставят чип, — продолжал Ромул. — Этот чип нужен для поединка между тобой и ромульянином, без него он тебя просто убьет. Это в твоих интересах. Ты хочешь жить?

Глаза Горо сверкнули, но он промолчал, только кивнул. Остальные слушали с напряженным вниманием, изредка поглядывая на своего вожака, который подавал пример, как себя вести в непонятной обстановке.

— Чип реагирует на коды, каждый код — это команда. Их немного, но хватит для того, чтобы остановить ромульянина раньше, чем он доберется до тебя. Объясни это остальным, я хочу быть уверен, что все поняли.

Горо повернулся к соотечественникам.

— Грит, здеся чиб ставят, — коротко сказал он. — Эт против ромульян споможь, с кодами он мож раньше усохнет, чем тя достат.

Слушая чудовищное арго, Бык думал, что язык марахсийцев явно шел своим эволюционным путем, как и потребности людей,

оставляя слова только для необходимого и отказываясь от излишнего. Если верить, что сложность языка отражает сложность нейронных связей в голове носителя, то понятие "полторы извилины" в отношении марахсийцев не было лишено смысла. Интересно, отсутствие школ ускорило деградацию, или деградация повлекла за собой бесперспективность любого обучения?

Он попробовал представить, как на местном диалекте будет звучать какое-нибудь математическое или юридическое определение, и отказался от этой идеи. А еще заметил, что Горо переводит не все сказанное. Например, про то, что кормить без работы не будут, он не стал разъяснять, видимо, это и так поняли.

— Иди сюда, — приказал Ромул, указывая на верстак. — Снимай одежду и ложись.

В глазах Саммю застыл сдавленный смех — разоблачение марахсийца само по себе уже напоминало шоу, а обстоятельность, с которой тот выполнял распоряжение, была смешна вдвойне.

Сначала Горо размотал верхнюю часть бесцветной войлочной одежды, она оказалась простым куском с прорезями для рук. Потом отдельно он снял рукава, которые надевались под верхнюю часть, стащил с тела безрукавку и еще один дополнительный отрез ткани, которым обматывал шею. Когда он дошел до штанов, врач поспешно его остановил:

— Это не надо! Так ложись!

— А то вынесет вместе с дверью, — шепнул Саммю. — Они моются только при рождении, потом грязь сама кусками отваливается.

Бык присмотрелся к голым ребрам, ходившим ходуном на верстаке, и решил, что Саммю преувеличивает — Горо был грязен в той степени, в какой бывает грязен любой работяга после смены, не больше. Да и худобой он это не назвал бы, скорее жилистостью.

Врач натянул перчатки, брезгливо потер лопатку Горо ближе к позвоночнику комком тряпки, смоченной в дезинфектанте, после чего распылил туда спрей из баллона, напоминавшего размером промышленный.

— Лидокаин, — объяснил он больше для зрителей, чем для пациента. — Нужно подождать минуту. Место выбрано для того, чтобы эти скоты не смогли выдрать чип из желания поглазеть на него, а потом нацепить на шею для красоты. Или в ухо вставить. Так можно было бы и в плечо, и в предплечье.

Горо лежал без движения, глядя перед собой с застывшим лицом, остальные марахсийцы вытянули шеи и даже не моргали, чтобы не пропустить ничего важного, только почему-то несколько

раз оглянулись на андроида у двери. Когда минута истекла, врач разорвал крафт-пакет, вытащил скальпель и быстро разрезал кожу ловким движением. Из разреза выступила кровь, но он не стал ее убирать, а сразу ввел в рану инструмент, сверху показавшийся Быку похожим на шприц, но огромный и без иглы, надавил поршень и тут же извлек, налепив на место «укола» толстый пластырь.

— Слезай, — велел он Горо, не издавшему ни звука. — Следующему — ложиться.

Горо сполз с верстака, запустил было руку в направлении пластыря, но получил удар по пальцам.

— Сказал же не трогать, пока не заживет, — прошипел врач. — И не мочить сутки.

Второй марахсиец уже разделся и торчал у верстака со стороны ног, чтобы как сороконожка заползти на еще теплую поверхность — в ангаре было холодно, а верстак был железным. Процедура повторилась в той же последовательности. Третий раз Бык уже не смотрел, сосредоточив свое внимание на Горо. Тот нацепил свои обмотки и молча толокся у стены, но лицо его было каким-то отсутствующим и сосредоточенным, а взгляд был направлен на ромульянина. Двое прочипированных смирно стояли рядом, заглядывая ему в лицо, пока третий, только что слезший с верстака, не сказал, поежившись:

— Дюже взмерзло усе от лекарств. А сколь ентот чиб вживаться буде?

— Сколь над, — коротко ответил Горо.

— С им сразу дрифтить мож? — не унимался тот. — Иль загодить?

— Какой с тя дрифтер, дурня войлочна, — засмеялся тот, который был на операции вторым. — Щаз ты эмбирон недоразвитый, хошь с чибом, хошь без его. Шоб дрифтить, код нужно знат.

Бык почувствовал, что у него похолодели ладони. Он украдкой взглянул на Ромула, потом на Саммю, и убедился, что все они слышали одно и то же. Это не могло быть случайной оговоркой или простым сходством.

Ромул оттолкнул Горо, сгреб болтуна за войлочную жилетку и злобно встряхнул.

— Ты откуда это слово знаешь, скотина? — прорычал он. — Где ты слышал о дрифтерах? В бараке? На работе? Кто говорил?

Марахсиец, порядком струхнувший, только глазами моргал. На помощь ему пришел Горо, он встал рядом и плечом поддержал товарища, чтобы тот не завалился.

— Ет так, поговорье одно, — туманно объяснил он. — Всяк

про дрифтерев знат, да никто не видат. Они вроде ящуря в войлухе, сказье одно. Мож и не бываt их.

— Чтобы я этого слова больше не слышал! — рявкнул Ромул, отпуская свою жертву и украдкой вытирая лоб. — Услышу — язык отрежу и в шахту спущу вниз головой. Сказочники, мать вашу. Ясно?

— Язно, — солидно ответил за всех Горо. — Нету тех дрифтерев, то и ладно.

Все шестеро уже обмотались своими тряпками и покачивались, как зомби в старых фильмах, вот-вот обмотки начнут распускаться мумифицирующими бинтами, открывая гниющую плоть. Врач махнул рукой, и андроид погнал их к выходу, орудуя палкой, чтобы стадо не разбежалось и не стащило по дороге ничего из того, что плохо лежит.

Ромул беспомощно взглянул на Быка, тот вместо ответа быстро посмотрел на Саммю, который в свою очередь с интересом рассматривал врача внизу.

— Зря вы им это сказали, — вдруг заметил Саммю, поворачиваясь к Ромулу. — Так они забыли бы через час, а теперь точно запомнят. Будут в камерах трепаться, что это такой секрет, который хозяева нарочно утаивают, чтобы самим пользоваться, еще и досочинят кучу небылиц. Местные такой народ, с которыми надо от обратного. Хотите, чтобы не обратили внимания — пусть болтают, хотите, чтобы заучили — запретите упоминать. Скоты как есть, и упрямы как ослы.

— Кто их отбирал? — спросил Бык. — Этих шестерых? Саммю, вы?

— Нет, — Саммю покачался на носках на железной переборке. — Я в камеру загнал тех, кто покрепче, а выбирали наш доктор и Язмин.

Лицо Ромула скривилось. Бык очень его понимал — если раньше под подозрением был Язмин, то теперь подозреваемых в шпионаже стало двое. И что с этим делать — непонятно.

Глава 5. Дартсаршери и Ялмунд

Главная подземная трасса Марахси не имела никаких собственных названий, кроме двух — начальной точки, где разведочный штрек выходил к заводу, и конечной, тупика неясной конфигурации в темной дали ветвистых ходов. Начальная называлась Дартсаршери, конечная — Ялмунд, что черт знает что и означало на местном наречии. Боковые отростки разведочной сети не назывались никак.

Дартсаршери изначально заводом не был, просто Дэвид Марахси обустроил свой лагерь в скале, которая легко долбилась, и в дальнейшем все пользователи Марахси только расширяли и углубляли это гнездовье, пока оно не выросло до размеров земной столицы набатейского царства, Петры. Скала находилась в огромной полости под поверхностью Марахси, а сама полость когда-то была лавовым пузырем, лопнувшим, как трест О.Генри.

Кривизна и странное расположение подземных ходов диктовалось прохождением в геологических слоях окаменевшего войлока — войлоканита, пронизывавшего тело планетоида, как кровеносные сосуды. Пробить войлоканитовый массив, «колтун» на языке местных, технике было невозможно, и даже взрывчатка не всегда его брала. При монолитном внешнем виде он состоял из корня и отходивших от него миллиардов тонких структур, слипшихся в однородную массу, когда висевшую клочьями, а когда пробивавшую пористую внутренность не хуже стального бура. Земля Марахси не была ему преградой, колтуны уходили вниз на немыслимую глубину, были огромны в обхвате и имели распространение по горизонтали — проще найти другой проход, чем рубиться сквозь них. На поверхности планеты войлок слабел и превращался в жалкую поросль, напоминающую волосы на теле. Говорили, что он что-то вроде орхидеи — корни снаружи, голова внизу, но доказательств этому не было, ни один ученый не заинтересовался марахсийским войлоком.

Близость посадочной площадки к спуску в Дартсаршери сделала из него подобие столицы, а из залов и ответвлений — заводские помещения, принимавшие производственные мощности в зависимости от рода занятий арендаторов. Отходы выбрасывались наружу сквозь естественные дыры в планете, и дышалось под крышкой планетоида намного легче, чем на ней — войлочные массивы диссоциировали углекислый газ на угарный газ и атомарный кислород, поэтому в Дартсаршери воздух был чист, а в дальней части сети запросто начинались галлюцинации.

— Хорошо бы карту всех коридоров составить, — сказал Бык,

задирая вверх подбородок и обозревая связки проводов и труб в крепежных скобах, признак пока еще заводских владений. — Раз мы собираемся держать их здесь, то кто-то должен знать здешние лабиринты. Хотя бы андроид, которому можно ее вложить в голову.

— Карта есть, — возразил Ромул. — Производства с самого начала предоставляли рабочим жилье возле завода, иначе никого из них было бы не собрать к началу смены. В хорошие времена рабочие общежития были довольно протяженными. Это сейчас дальние этажи и проходы совсем руины, там может и потолок на голову рухнуть. Надо быть совсем идиотом, чтобы соваться туда по собственной воле.

— Думаете, никто не попытается удрать?

— Скорее уж оттуда попытаются пролезть к нашим. На свободе ни еды, ни воды, ни защиты.

— Защиты от чего? — не понял Бык.

Ромул засмеялся.

— Не знаете? Местная легенда, войлочный червь или ящер. Хтоническое чудовище. Живет в войлоке и пожирает душу и разум, оставляя пустую оболочку из мяса и костей. Чушь, конечно, но эти скоты верят. Как и в то, что защитой от червя является свет. Он привык к темноте, лучи его слепят и лишают ориентиров.

Они двигались по прилично расчищенному наклонному штреку вперед, изредка сверяясь с изгибами проводов. Глухие металлические двери по обе стороны штрека не имели окошек и были откатными, двигались по подобию рельсины, пущенной вдоль стены, стопорились ригелями, уходившими в отверстия в рельсе. Руками поднять такую махину нечего было и думать, поэтому щели между дверью и стенами никак не заделывались, все равно пролезть невозможно. По стенам штрека шел полипластовый пищепровод, входивший в каждую камеру, как пуповина. Чтобы не усложнять жизнь и сократить расходы, питание в камеры подавалось под давлением в виде плотного геля — он был и едой, и водой. Синтетическое варево изготовлялось в чанах и отправлялось в трубу пневматикой. Какая-то часть геля комковалась, эти отходы отсеивались фильтрами, стоявшими на входе в камеры, и потом пищепровод чистился наподобие древних печных труб.

В ближайших к Колизею камерах, помимо видеонаблюдения, под руководством Быка сделали душевые и туалеты, но вода была из замкнутого цикла. В напольных унитазах по типу чаши Генуи она циркулировала безостановочно, а в душевые подавалась с пульта после накопления и длительной очистки. Употреблять

такое внутрь было себе дороже. Камеры предназначались для элиты, которая, по мнению Ромула, должна была сформироваться по результатам первых боев.

— Еще дня два-три — и чипы можно будет пробовать, — словно прочитав мысли Быка, заговорил Ромул. — Заживает как на собаках. Можно было бы и раньше, но Саммю считает, что им нужно дать время на выучивание кодов. Говорит, шансов, что они действительно будут их знать, больше, порчи имущества — меньше, а время пойдет на рекламу.

Они прошли мимо двери, за которой кто-то тянул песню, но назвать это музыкой было нельзя, просто многоголосое нытье различной тональности.

— Тут все песни такие? — Бык замедлил шаг и прислушался, но слов не разобрал. — Веселых нет?

— Ни разу не слышал.

Ромул подобрал камень и запустил им в дверь, пение тут же затихло, как и все прочие звуки. Дальше они продолжили свой путь в тишине.

Ходы ветвились, коридоры пересекались под странными углами, и скоро перестало быть ясным, природные они или рукотворные. На краю пропасти, связанной с другим краем узкими полуразрушенными перемычками, Ромул остановился.

— Ялмунд там.

Бык снял с шеи бинокль и поднес к глазам. Если бы не прожектор, установленный перед обрывом, разглядеть ничего не удалось бы, но свет доходил до той стороны, хотя и ослабленным. Наличие жизни обозначалось количеством курилен — выдолбов в породе, где истолченный войлочный корень оставляли мокнуть в моче — так он лучше выделял наркотические вещества. Вымокшие ошметки выбрасывались, а жидкость оставляли до полного высыхания и кристаллизации порошка, который потом нагревался в ложке и вдыхался. Долбление корня требовало много труда, а результат значительно проигрывал дешевым синтетическим наркотикам, поэтому «сидеть на войлоке» было исключительно местной забавой, где даже дешевый алкоголь большинству был не по карману.

Домов в Ялмунде не строили, в пористых стенах имелись подобия гнезд. Центр поселка занимало кострище. Ввиду отсутствия на Марахси деревьев, в топку шел тот же самый войлок, только не корневище, а «борода», в которой было меньше наркотического содержимого. Сейчас костер был погасшим.

— Даже не скажешь, что тут живут люди, — выразил свое мнение Бык. — Мертво, пусто…

— Криминальный район, — Ромул на всякий случай

проверил свой пистолет в кармане. — Здешнее отребье не работает, а живет тем, что отнимет у других или выиграет в карты. Чтобы их не поубивали поодиночке, сбиваются в подобие стай, и старшие кланов живут за счет младших, тем уже приходится вертеться. Так что даже стоять тут небезопасно, не то что соваться к ним.

Бык кивнул.

Прогулка состоялась по его просьбе — он не понимал, почему никто не боится, что обитатели камер разбегутся, когда откроется автоматическая дверь. Саммю сначала пытался объяснить, а потом плюнул и предложил сходить на экскурсию, сам наотрез отказался — наркоманы, «дурня войлочна» на местном сленге, ничем не брезговали, а полиции на Марахси никогда не было. Зато глухих дыр, куда не достанет свет фонаря и не ступит нога человека — в изобилии.

— Сколько всего людей на Марахси? — спросил Бык. — Мне казалось, что сорок-пятьдесят тысяч.

— Сейчас меньше, — словоохотливо отозвался Ромул. — Двадцать от силы, если считать с женщинами и детьми. Если и больше, то исключительно за счет пришельцев, здешний прирост населения низкий. Детей не любят, они обуза и называют их спиногрызами, что отражает примерное положение вещей. Сказать спасибо родителям за свое рождение никому из них в голову не придет. Родиться на Марахси — родиться зря. Это тоже местная поговорка.

Бык подавил вопрос о том, откуда родом сам Ромул и где успел близко познакомиться с марахсийскими традициями. Вместо этого отошел в сторону и посмотрел в узкий лаз, слишком круглый и слишком гладкий на выходе.

— Что это такое?

Ромул пожал плечами.

— Говорят, так выглядят места выхода червя из земли на охоту.

— А если серьезно?

— Понятия не имею. Возможно, какие-то природные отверстия.

Бык наклонился — и ему в лицо дохнуло холодом. В трубе гулял сквозняк, и такой сильный, что лоб мерз. Он отодвинулся от отверстия, подобрал мелкий обломок скалы и бросил его в жерло. Камень сначала пару раз стукнулся о стены, а затем затих. Ход был горизонтальным.

— В Дартсаршери ялмундцы попадают своими тропами, основной наплыв приходится на дни выдачи жалованья, — Ромул тоже подошел и заглянул в дыру. — В другое время их почти не

видно. Обобранные работяги, не успевшие заработать на новый проигрыш, никому не интересны.

— Зачем же им деньги?

— Для покупки провизии. На пищебазу Дартсаршери прямо с посадочной площадки сваливают просроченные консервы со всех концов света. Вместо утилизации отдают за гроши местным. Те, у кого нет работы и заводской пайки, рады и такому. Года полтора назад с просрочкой был перебой, так в переходах стали находить человеческие кости. Каннибализм. Так что бежать из комфортабельных камер с питанием и крепкой защитой никому в голову не придет. Более того, оказавшись в коридоре, они сами себе сторожа, поэтому постараются добежать до нас как можно скорее.

Они снова обратили внимание на странное отверстие, издавшее непонятный звук, и на этот раз Быку показалось, что воздух тянет в обратную сторону. Он приложил ухо к трубе и прислушался, но ветер был просто ветром, посвистывающим в породе.

— Неужели никому за все время не удалось убраться с планетоида? — он похлопал себя по колену, брюки уже покрылись пеплом Марахси, мелкой черной взвесью, оседавшей на любой поверхности за час-полтора, результат естественного выветривания пород. — Украсть деньги, если уж не заработать, договориться с каким-нибудь кораблем?

— Таких денег, которые могли бы быть интересны владельцу судна, здесь не заработать, — отмахнулся Ромул. — Это основа марахсийской экономики. Иначе все давно разбежались бы.

— Спрятаться на чужом корабле? — не сдавался Бык.

— Для этого нужно пробраться наверх, к стоянке, а лифты под наблюдением. Но даже если найти лаз, не заваленный токсичными отходами и не уводящий далеко в сторону, к кораблю нужно еще незаметно подобраться, знать, куда залезать и как. Дохлый номер. Поймают и вернут обратно, еще и сломают что-нибудь в назидание.

Ромул заложил руки в карманы и стоял, широко расставив ноги, как недавний андроид в операционной. Бык неожиданно подумал, что в ромульянах очень много от самого Ромула, та же крепкая уверенность в силе, то же превосходство. Интересно, участвовал ли он в настройках, задающихся при изготовлении тел. И если да, то было ли это его желанием — увидеть в ромульянах лучшую и редко проявляемую часть себя.

— Ну а все-таки, — упрямо продолжал он, — окажись вы в таком положении, как действовали бы сами? Неужели совсем никакой лазейки к счастью у здешних доходяг нет?

— Почему же, есть, — философски отозвался Ромул. — Стать лучшим из моих гладиаторов, и тогда кто-то захочет купить его в свое личное пользование. А я продам.

Бык поперхнулся.

— То есть побочный доход вы планируете получать от… торговли людьми? — зачем-то уточнил он.

Ромул усмехнулся, поняв, какое слово стало для Быка препятствием.

— Надеюсь, что он станет основным, — сказал он. — Эти чипы, они способны на многое. Открыть электронный замок или отключить систему сигнализации при надлежащей тренировке — вполне. Пока дрифт принадлежит Шепарду, наши гладиаторы будут вполне себе конкурентным товаром.

— А зачем покупать себе чипированного работягу, — Бык никак не мог заставить себя произнести слово «раб», — если есть эти самые дрифтеры? Не проще ли обратиться к ним?

Ромул расхохотался, снисходительно похлопав Быка по плечу, словно получившего неудовлетворительную оценку ученика, который еще не осознал этого.

— Дрифтеры такая же собственность Шепарда, как гладиаторы — моя, — просто ответил он. — У них хорошее положение в обществе, с массой льгот и красивых названий, элита армии и все такое, но они государственное имущество, за каждым из которых ведется тотальный контроль. Еще до того, как они заканчивают учебу, на них уже открывается аукцион. Вы что думаете, я изобрел эту систему, которую тут воплощаю или пытаюсь воплотить? Нет, мой дорогой, это всего лишь копия того положения дел, которое существует там. Но у нас тут называют вещи своими именами. А вот когда дрифт откроют еще где-нибудь, тогда независимость Урсулы полетит ко всем чертям. Новая Виктория разорвет ее в долю секунды.

Бык промолчал. В словах Ромула была та истина, неприглядная и затаенная, которую оборачивают в цветной целлофан демагогии, чтобы не отбить аппетит, но все равно сквозь обертку проступают неаппетитные пятна.

Урсула, провинция колонистов первой волны, меньше тридцати лет назад вырвавшая себе независимость, до сих пор была больной мозолью викторианцев, дрифт же — странной дисциплиной, позволявшей человеку управлять машиной без всякого на то ее согласия. Некстати вспомнились подозрения против Язмина и врача, надежды Ромула на приближение к тайне дрифта, и весь проект стал казаться туманным и двусмысленным.

— Кстати, Язмину не нравится слово «гладиаторы», — вдруг сказал Ромул, словно почувствовал его колебания. — Он считает,

это придает негативную окраску всему шоу, а нам нужна широкая целевая аудитория — женщины, дети… Предлагает придумать другое, менее нагруженное историческим смыслом.

— Какое?

Ромул двинулся дальше, и Бык последовал от отверстия за ним, по пути оглядываясь. Он не мог отделаться от мысли, что у непонятной трубы на такие скользкие темы они разглагольствовали зря. Хотя если ход и мог вести куда-то к людям, то не дальше ближайшего барака, и разобрать слова, сказанные у отверстия на этой стороне, невозможно без специальной аппаратуры, к тому же марахсийцы плохо понимают обычную речь.

— Например, кассины. Проект называется «Кассинова», ну и соответственно участники — кассины и ромульяне. Как вам?

— Неплохо, — одобрил Бык, раздумывая, что вообще означает это слово, потому что сам он по аналогии вспомнил только космический аппарат Кассини, отправленный далекими предками изучать Сатурн еще на Земле. — И все-таки в этих коридорах опасно, страх не лучший помощник перед боем. Не представляю человека, который мог бы тут выжить в одиночку.

— Для этого нужно быть хищником, — согласился Ромул. — Но марахсийцы овцы, те самые, которых бог послал волкам в пропитание. Низшее звено пищевой цепочки.

Знакомые коридоры, из которых было уже рукой подать до Дартсаршери, показались Быку чистыми, светлыми и безопасными. Саммю оказался прав, по сравнению с Ялмундом у кассинов действительно райские условия, спорить глупо. Наверное, не будет и отбоя для желающих пополнить их ряды, когда на Марахси пойдет туристический трафик. А в том, что расход кассинов непременно будет, он не сомневался.

Глава 6. Лягушачьи лапки

Горо оставили его собственное имя, а вот остальным, не спрашивая, дали клички — Дикий, Саул, Валет, Альф, Ерхан. Бык заподозрил, что Язмин тупо воспользовался справочником собаковода-любителя, но тот даже на прямой вопрос не признался и изобразил обиду. Понадобилось около получаса перекличек, чтобы каждый из марахсийцев стал отзываться на свое прозвище. Туповатые кассины, заучив новое имя, путались и беспомощно озирались на соседей в поисках поддержки — меня, нет?

Врач осмотрел их, кивнул, и больше не сказав ни слова, занял кресло высоко и далеко от арены.

Все помещение для шоу было давно готово, от центрального круга до мягких кресел, делившихся на сектора и спускавшихся сверху к арене уступами. Дикторская рубка нависала над ареной, как подъемный кран, комментаторская закрывалась огромным обзорным стеклом, царапины на котором заполировали в целях экономии, а так оно осталось тем самым, сквозь которое директора наблюдали за рабочим восстанием. За спинами комментаторов располагались места, которые назывались ложами — для комфортного наблюдения боя с высоты, без соседства с простыми людьми, которые купят себе билеты в зрительный зал. Связки прожекторов и цветных подсветок включались с пульта ведущего. Диджея только заказали, но аппаратура была уже на месте — колонки, расставленные по залу за спинками последнего ряда, динамики на тросах в центре и дополнительная аппаратура, назначение которой было неясным. Не хватало главного — самого шоу, и Ромул нещадно гонял весь персонал, чтобы открыться, когда Марахси будет на стыке Мумбаев и Новой Виктории. До этого события оставалось около двух недель.

Шестеро кассинов стояли вдоль ограждения полуголыми, водя лопатками от холода, и с затаенным любопытством поглядывали на клетку. Та находилась в середине площадки, куб из стальных труб сечением не меньше десяти сантиметров. Расстояние между зубьями решетки было довольно большим.

Язмин обошел ее со всех сторон и недоверчиво посмотрел на Ромула.

— В чем же заключается ее защита? — спросил он, просовывая руки сквозь решетку и делая хватающие движения. — Искин просто задушит их внутри без всяких уверток. Я думал, прутья будут чаще.

— Длины руки не хватит от стенки до стенки, — лениво ответил вместо Ромула Саммю. — Если увернуться и прижаться к

дальней, то не достанет.

— Какой им тогда смысл сражаться? — не понял Язмин. — Будут бегать по клетке туда-сюда.

Он для наглядности даже изобразил, как именно будут делать это кассины, подкидывая пятки к ягодицам.

— Она не одинаковая, — Саммю указал рукой направление сначала в горизонтали, потом в вертикали. — По высоте она меньше, сверху достать очень даже можно, если искин сообразит.

Объяснение несколько успокоило Язмина, переживавшего за зрелищность постановки. Он подтянулся на руках к верхнему краю клетки и немного подрыгал ногами, но влезть не смог и оставил эту идею.

— Может быть, сделать ее полипластовой? — вместо этого предложил он, оглядываясь на Ромула. — Железо легко ломается.

— Клетка не защита, — громко сказал Ромул, поглядывая на безмолвных кассинов. — Ее цель вовсе не в том, чтобы спасти их задницы от андроида, а всего лишь задержать их встречу. Прятаться в клетке — верная смерть.

Горо переводил глаза с одного говорившего на другого, остальные тоже бездумно крутили шеями, даже не вслушиваясь в слова, считая, что так и надо.

— Как тогда выглядит правильная стратегия? — не удержался Бык. — Так сказать, идеальный ход боя?

Ромул подошел к клетке и проверил ее устойчивость, рывком дернув корпус, потом гаркнул имя Горо и ткнул ему пальцем внутрь. Горо медленно, как зачарованный, приблизился, высоко поднимая колени, ступил на квадрат пола, вошел внутрь, и резко обернулся, когда дверца за его спиной лязгнула, точно сон с него слетел. Он вцепился в прутья с отчаянным лицом.

— Не трясись, — хладнокровно заявил ему Ромул. — Ромульян сейчас не будет.

Бык засмеялся.

— С боевым духом по-прежнему проблемы.

— Это быстро не делается, — зевнул Саммю и неожиданно передернулся — утро было ранним и прохладным, его вытащили из кровати и он не успел позавтракать. — У местных придурков другая психология. Они по жизни боятся всего на свете, но только до тех пор, пока не удастся разок использовать пугающий предмет к своей выгоде. Тогда они исполняются к нему презрения и ходят петухами, напрочь забывая об инстинкте самосохранения.

— Последнее нам вроде на руку, — ответил Бык, пристально наблюдая, как оставшиеся на свободе пятеро бросают на клетку быстрые и любопытные взгляды, прислушиваясь к разговору. — А для чего им нужен чип?

— Для электронного замка, — Ромул показал небольшой блок с дужкой, который извлек из кармана и защелкнул на двери клетки перед носом Горо. — Раньше такие замки продавались с каждым чемоданом. Четыре цифры в комбинации открывают замок и помогают искину добраться до жертвы. Возможных комбинаций десять тысяч, каждый бой будет новая цифра. Задача жертвы — изменить ключевую комбинацию замка в тот момент, когда искин ее подбирает, чтобы выиграть время.

— Динамический код на ручном приводе, — гоготнул Саммю, толкнув Быка в бок.

— Это для затравки, — поспешил дополнить Язмин, приложивший руку к стратегии поединка. — Человек, скорее всего, уступит искину в скорости, и есть вероятность того, что пара цифр будет одинаковой, тогда от перемены значений результат не изменится, и клетка вскроется. Это самый простой уровень защиты.

— А есть какой-то другой, более сложный? — поединок все отчетливее представлялся Быку отсроченным убийством, но ведь не так прост Ромул, чтобы так вложиться в аттракцион, который проработает меньше недели.

— Если кассин немного умнее табуретки и хочет жить долго, в его интересах забыть о замке с самого начала. Правильная тактика — дать искину возможность без помех вскрывать его, а самому в этот момент влезть в его меню. Чипы в основном предназначены для этого.

— А что в меню у искина?

— Отбивная из человечины, — шмыгнул носом Язмин, с утра уже хорошо вмазанный и думавший, что это никому не заметно.

Саммю заржал, одобрительно хлопнув петушиного специалиста по лопаткам.

— Как-то так, — тоже согласился Ромул. — На самом деле речь не о полном меню, а о главном. Оно небольшое, но в нем есть пункт отключить движение андроида, тот просто замрет, при сохранении всех прочих функций, и поединок закончится.

— Как он обозначен? — Бык не представлял себе, как неграмотный кассин воспримет меню, если даже читать не умеет. — Что-то простое и наводящее? Символы?

— Меню выглядит как набор кнопок в воздухе, — ответил Ромул, делая неопределенный жест рукой перед собой. — Их немного, и если даже не уметь читать, простым перебором можно найти нужную. Правда, в это время тебе могут свернуть шею, но это уже судьба и личная удача. Искины не идиоты, значения кнопок при константном наборе рэндомизируются при каждом доступе. То есть обнаружить нужную и рассказать сокамерникам,

где она расположена, не удастся. Коды, которые они учили, видны только при выборе пункта меню, всплывающая подсказка при наведении. Если значения в голове есть, то перебрать подсказки и выбрать нужную — не бог весть какая трудная задача.

— Сколько их всего?

— Для носителя чипа доступно около десяти.

Саммю издал звук глубокого разочарования.

— Не слишком просто?

— Нет, потому что кассин ограничен во времени — может пребывать либо в меню, либо в своем теле. Если застрянешь в меню, лишишься головы в клетке, если будешь бегать по клетке, не успеешь найти кнопку. Это начальный план. Он, разумеется, будет дорабатываться по результатам испытаний. Мы не предложим зрителям некачественный продукт.

— Давайте уже попробуем, — нетерпеливо встрял Язмин. — Мне хочется увидеть это в действии.

Ромул повернулся к Горо.

— Как включить чип? — спросил он. — Код помнишь?

— Дэдва, — скороговоркой ответил Горо.

Ромул замолчал, потому что Горо вдруг застыл на месте и даже руки опустил от клетки, глядя перед собой расширенными зрачками на замок, словно тот был какой-то фатой-морганой в пустыне.

Директорат затаил дыхание. Даже врач с дальнего ряда приподнялся, чтобы лучше видеть происходящее на арене. Остальные кассины просто вытянули шеи и не моргали.

— Измени цифры замка, — велел Ромул, встряхнув Горо за бороду. — Поменяй значки на другие.

На первый взгляд ничего не произошло. Взгляд Горо как был отсутствующим, так и остался, когда Ромул наклонился к замку и набрал код на дисплее. Замок щелкнул, но не открылся. Все присутствующие зааплодировали, это была победа.

— Отключи чип, — Ромулу пришлось снова тряхнуть кассина, чтобы тот сфокусировался на нем. — Назови код отключения.

— Авосемь, — пробормотал Горо.

После этой абракадабры его взгляд стал более осмысленным, очевидно, странное видение отпустило его сознание, и присутствие клетки в материальном воплощении его отчасти поразило. Он ощупал прутья руками и даже попробовал открыть дверь, но ничего не вышло.

— Хорошо, — сказал ему Ромул. — Эти два кода нужно знать так, чтобы даже ночью уметь сказать. Они — твоя жизнь. Уразумел?

— Отож, — ответил Горо.

— Я больше не буду говорить тебе, когда включать, а когда выключать чип, — громко заявил Ромул. — Теперь это твоя проблема. Открой замок так же, как закрыл его. Верни на место прежние цифры.

Горо подумал, повторил код активации чипа и снова приобрел отсутствующее выражение лица. Ромул потыкал в дисплей, замок остался неподвижен. Через несколько минут результат оставался прежним. Саммю плюнул себе под ноги.

— Не помнит, скотина, — с досадой сказал он Быку. — Придется теперь клетку разбирать.

— Ему же не сказали заучить их, — заступился за Горо Бык. — Сказали только поменять.

— Набери два раза цифру пять, — теряя терпение, подсказал Ромул, — один раз цифру два и…

Ромул не договорил, как замок щелкнул и повис на дужке — Горо справился без подсказки.

— Ноль ущо, — солидно сказал тот. — Циферь кругла с конца, я упомнил.

— Выходи давай, мыслитель, — Ромул подтолкнул его в спину, чтобы тот поторопился освободить клетку. — Следующий пошел.

Кассины все одновременно рванули к клетке, голося «дэдва», но поскольку замок не был активен, результат работы чипа им увидеть не удалось, правда, их пыл это не остудило. Из пятерых двое оказались проворнее остальных, достигли цели одновременно, но застряли на входе, пихая друг друга локтями. Ромул сунул в руки Горо замок.

— Объясняй им сам, — приказал он. — Чтобы все умели. В следующий раз будут уже ромульяне, учиться некогда, если жить захочешь.

Горо, не долго думая, раздал колотушки задницам двоим финалистов, выволок их из клетки и отсадил назад, к остальным.

— Чео орат? — грубо проорал он им в виноватые глаза. — Клеть никуды от вас не ублудится, всяк свой чиб спробат сеодня! Устроили сваль на глазах у хозяв, щас чибы у вас отберут, раз вы хужее эмбиронов, мозга войлочна. А ну, тишее давай!

Замок в его руках раздраженно щелкал дужкой, это напоминало звук разъяренного клюва большой лохматой и бородатой птицы. Все вместе возымело действие, кассины уселись прямо на арене, терпеливо ожидая, пока Горо своей властью решит, кому идти первым. Директорат переместился в зрительские кресла первого ряда, врач не стал присоединяться к ним, остался там, где был. По некоторым движениям и

кривящемуся лицу было ясно, что он периодически прикладывается к бутылке.

— Не такие уж они тупые, — заметил Бык, когда кассин по кличке Дикий с восторгом выскочил из клетки. — И память не совсем отсутствует. Есть перспектива, что кто-то из них переживет несколько боев.

— Надеюсь, — ответил Ромул. — Надо будет еще попробовать женщин. Чипу пол безразличен, а поголовье кассинов увеличим. Надолго их все равно не хватит.

На арене марахсийцы одобрительно верещали, когда очередной победитель выходил из клетки.

— Одни цифери, куды ни ходь — восторженно проорал кассин Саул. — Прежнего ничо не видат!

— Это так для них выглядит замок? — полюбопытствовал Бык.

Ромул поморщился.

— Примитивный мозг. Что они видят — ясно только им самим. Цифры — да, они неизменны, а вот остальное…

— В дрифте ведь точно так же происходит, зрение меняется, мир воспринимается иначе, чем глазами. Так почему же это все-таки не дрифт?

— А вы знаете, как выглядит дрифт изнутри?

Голос Ромула был равнодушным, и Бык пожал плечами.

— Нет, конечно, но Хиотис говорил что-то в этом роде. Возможно, остальное я додумал.

— Все дело в среде взаимодействия, — Ромул поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее. — В дрифте встраиваются в реальную машину, а наши кассины попадают во что-то вроде виртуальной реальности, как в играх. Большая часть того, что они видят — мусор, обманки.

— А что делает чип? — не удержался Язмин. — Как он работает? С виду такой маленький, и начинки всего ничего.

Ромул одарил его неприязненным взглядом.

— Делает своего носителя машиночитаемым и позволяет изнутри чипа передавать команды искину. И получать информацию обратно. Экспериментальная улучшенная партия чипов на грамотных специалистах могла действовать через тело ромульянина как через свое собственное. Если андроид встраивался в систему навигации или управления боеголовками, меню просто ветвилось, и ими можно было управлять, как если бы искин был вашим падом.

— До тех пор, пока не встретятся с настоящими дрифтерами? — осторожно спросил Бык.

— Как оказалось, да, — лицо Ромула стало каменным. —

Дрифтеры не захватывают искина, а проходят по всей связке к конечной цели и атакуют чип. И противостоять их атаке нет возможности, по крайней мере у ромульян. Была версия, что органика искина будет им препятствием, они же используют движение импульса в электрических цепях, но оказалось, что аксонная сеть для них то же самое. И даже хуже, потому что электрическую цепь можно обесточить, а вот передачу импульса по органическим нервам невозможно остановить никаким наркозом и даже смерть не прекращает эту передачу.

— Помню, помню со школы, бедные лягушачьи лапки, — трагически заметил Саммю, наклонившись в их сторону. — Мне всегда их было жалко, такие одинокие, такие беспомощные на этих распялках… Говоря откровенно, в школах полно живодеров.

— Потому проект свернули, и мы теперь занимаемся этим, — Ромул двинул тяжелым подбородком в сторону клетки. — Кассины те же лягушачьи лапки, если говорить без обиняков. Будь кто-то из них поумнее и пограмотнее, разобрался бы в меню, прошел бы дальше и заставил бы искина петь или плясать. Но они кретины, и все, что им отведено в поединке — дергаться как можно забавнее для постороннего зрителя.

На арене обучение уже пошло по второму кругу. Игра с клеткой, простая и бесхитростная, увлекала марахсийцев до детского восторга. Горо не участвовал, лениво взирал на это безобразие, подпирая собой бортик ограждения. Его длинные ноги были вытянуты вперед, и войлок, заменяющий ботинки, был размотан.

— Распихайте их потом по разным камерам, — распорядился Ромул в сторону Саммю, поднимаясь с кресла. — Пусть начинают передачу опыта остальным прямо сегодня. Следующий бой уже будет настоящим, без всяких поправок на незнание.

Он развернулся и зашагал по проходу между рядами к дверям, против обыкновения не позвав с собой Быка. Врач проводил его непонятным взглядом, а Саммю сочувственно присвистнул и похлопал Быка по плечу.

— Фортуна капризная дева, — шепнул он. — Почти как наш патрон.

Один Язмин был бодр и весел, и потому ничего не заметил.

Глава 7. …и их противники

Наведаться следом за врачом в ангар, чтобы посмотреть, как готовят к завтрашнему бою ромульян, было идеей Саммю. По крайней мере, именно это он озвучил Быку сразу после того, как врач, пошатываясь, покинул приаренный зал.

— Я начальник безопасности, хочу быть уверен, что никакой подставы нам не грозит, — заявил он. — А то знаете этих представителей их касты…

— Самая гуманная профессия в мире? — понимающе усмехнулся Бык.

— Да прямо, — протянул Саммю. — Но держу пари, андроидам он симпатизирует больше, чем нашим бедным овечкам Долли. Моя работа — не допустить порчи имущества.

— Какого именно?

— Тех и других. Если кассин будет любимчиком публики, цена ему будет выше, чем ромульянину. Соответственно, наоборот тоже верно. А где есть фавориты, там и нечестное судейство, и подножки, и все остальное.

— Сами подумываете ставить на наших гладиаторов?

Саммю ничего не сказал, прошагал к выходу, предоставив собеседнику решать, является это ответом или нет. По пути он крикнул Язмину приказание развести кассинов по баракам, попросту свалив на него свои обязанности. Бык подумал и двинулся за ним.

Ближайший коридор он знал хорошо, ангар, в котором ставили чипы, тоже мог бы найти без подсказки, но что ему абсолютно не улыбалось, так это перемещаться в одиночку по черным, как ночь, тоннелям, полным поворотов и ям. Рассказы про Ялмунд задели его сильнее, чем он хотел показать.

Саммю понял его опасения, кивнул головой.

— Коротни тут проводка, все эти катакомбы погрузятся во тьму, и в ней мы слепы, как кроты. Заблудимся в считанные секунды.

— Можно будет нащупать провода на стене и ориентироваться по ним, — предложил Бык. — По крайней мере, не забредешь черти куда.

— Здесь никому нельзя верить, даже проводам, — хохотнул Саммю, дернув круглой головой. — Ромул правильно делает, что держит нас всех на расстоянии, дольше проживет. Врач та еще темная лошадка.

— Темнее, чем мы с вами? — пошутил Бык.

— Может и так, — не принял шутки Саммю. — У меня иногда

бывают предчувствия, они довольно дурные. Редко, но случается. Так вот помяните мое слово — добром это дерьмо не кончится.

Бык не стал возражать. Его собственные предчувствия были еще хуже, но откуда они сейчас взялись — он понятия не имел. Пустые коридоры как всегда были пустыми, но он поймал себя на мысли, что постоянно оглядывается — убедиться, что червь не вылезает из боковых отсеков пути. В червя он ни на грош не верил, и боязнь этих дыр рационализму не поддавалась, но с момента выхода в коридор волоски на руках упорно стояли дыбом, и Бык ожесточенно потер их ладонью, чтобы не заметил Саммю.

Ангар с его крепкими дверями и ярким светом оба встретили с облегчением. К Саммю тут же вернулся ехидный и начальственный вид, потому что врач посмотрел от верстака на гостей мутным взглядом.

— О, — засмеялся Саммю, — с утра нарезамшись, ваше сиятельство. А как же клятва Гарпократа?

— Клоун, — прошипел врач.

Саммю не подумал обидеться, подтолкнул Быка локтем и указал подбородком туда, куда следовало направить взгляд. Направить его следовало на ящики с вежской маркировкой, которая Быку ничего не сказала, кроме даты последней поставки на производство. Врач приподнял крышку, запустил туда руку, вытащил горсть шприцов-тюбиков, другой рукой поснимал с них колпачки, зажал в кулаке весь набор и разом разрядил себе в плечо сквозь одежду. Что бы в них ни было, мутность взгляда быстро уступила фокусу. Пустые тюбики полетели в мусорное ведро за верстаком.

— Чему обязан? — спросил врач уже деловито, в нем не было и следа досады или несдержанности.

— Откровенно говоря, убиваем время, — ответил вместо Саммю Бык, которому показалось, что взгляд врача, направленный на него, немного теплее того, что адресовалось Саммю. — Кассинов посмотрели, и стало интересно, как поживают их противники. Кстати, где вы их держите?

Врач ткнул пальцем куда-то вверх, оба визитера задрали головы и так остались стоять — все стены от перекрытия этажа и выше были усеяны белыми фигурами андроидов, прикрепленных к вертикальным держателям. Больше всего это напоминало улей гигантских насекомых, облепивших его стенки и смотревших на людей внизу. Брони сейчас на них не было, точнее, она была раскрыта наподобие крыльев, отсюда это дикое сходство с бабочками. Наружу каждый ромульянин являл нечто вроде позвоночника с отводящими тонкими проводами, только идущий

почему-то по передней брюшной стенке.

Врач нажал кнопку на пульте — и один из держателей со скрипом пополз вниз, раскачиваясь в пути на своих цепях. Когда ноги ромульянина стукнули о пол, андроид поднял голову. Маски не отделялись от лиц или же под ними не было никакого подобия лица, поэтому складывалось ощущение, что черты андроида сложены в презрительную гримасу. Корпус покрывала разноцветная вязь из иероглифов наподобие японских, к макушке головы была приделана войлочная косица. Саммю бесстрашно щелкнул его по лбу.

— Зачем их развесили? — спросил он. — Да еще и вскрыли?

— А как я должен подбирать им дозу? — огрызнулся врач. — Откуда, по-вашему, возьмется разнообразие?

Бык тоже подошел поближе, но трогать робота не стал, просто посмотрел в самый центр трубочек и связок.

— Для этого вы им вводите гормоны? — уточнил он. — Или это шутка? Зачем они роботам?

Врач поджал губы.

— У них органический мозг, — сухо ответил он.

— То есть? — Бык поперхнулся. — В каком смысле? Человеческий?

— Если вас интересует, носил ли кто-то эти мозги до ромульян, то нет, — ответ был полон ядовитого сарказма, который Бык предпочел не заметить. — Вся масса их мозга — клоны одной-единственной клетки, выращенные в лабораторных условиях и помещенные в оболочку под внешним управлением. Разработка Новой Виктории, которую она поставляет в готовом виде на производства вроде нашего.

Стало немного легче, тогда как Саммю явно был разочарован. Похоже, до этого дня он представлял себе ромульян изнутри несколько иначе.

— Какая профанация, — протянул он. — Впрочем, чего ожидать от людей, как не того, что они будут подражать матери-природе. И еще имеют наглость называть себя творцами, когда просто украли чужую идею.

— Все эксперименты по созданию искусственного интеллекта рано или поздно приходят к подражанию природе, — сварливо отозвался врач. — Зачем выдумывать велосипед?

Ромульянин то ли был отключен ниже шеи, то ли имел команду не мешать людям, но он опустил голову, не произнеся ни слова. Врач отошел к другому ящику, набрал там новых пластиковых тубусов и вернулся к верстаку. Свой набор он разложил в ряд, как торговец на провинциальной космолинии.

Бык смотрел на него с любопытством, а Саммю —

настороженно, отступив немного назад.

— Мозг органический, и его работа осуществляется по образу и подобию людей, — врач вставил пластиковые тубусы в прямоугольный контейнер. — Мы подаем команды, но одного электричества недостаточно для передачи импульсов между нервными клетками. Большинство синапсов имеют не электрический, а химический механизм действия, а химический передатчик импульсов в человеческом мозге — нейромедиаторы.

— Гормоны?

Врач заправил контейнер, предназначенный внутрь андроиду, вставил его в приемный лоток.

— Да. Серотонин, мелатонин, дофамин.

— У них есть собственные мысли? — Бык внимательно смотрел на ромульянина, который получил свою дозу, но счастливым не выглядел.

— Не в том виде, в каком они есть у людей.

— Удивительно, что они оказались бесполезны против дрифта, — зачем-то сказал Бык.

Врач метнул на него непонятный взгляд, и начал набирать вторую обойму из пластиковых цилиндров.

— Зрелищность боя зависит от манеры движений, — сказал он, не отрываясь от своего дела. — Я попробую сделать так, чтобы со стороны это выглядело особенностями характера, но нужно понимать, что машина останется машиной, какую моторику ей не навяжи.

— И слава богу, — искренне сказал Саммю. — Машина, которая умеет ненавидеть или любить — что может быть страшнее.

— Ближе к делу, — перебил его врач. — Что нужно тем баранам, которые усядутся в кресло с билетами?

Он сделал многозначительную паузу.

— Агрессия, наверное, не помешает, — предположил вместо Саммю Бык, почесав себя за ухом. — Что-то вроде боевого рвения, не знаю, как выразить точнее. Он должен быть устрашающим. Победа не должна быть легкой, это неинтересно.

— Может быть наоборот, сделать его нерешительным? — возразил Саммю. — Истериком или неврастеником?

— Хорошо, истериком или неврастеником, — врач добавил несколько тюбиков в боковые пазы лотка. — Рекуррентная нейросеть учится на основе полученного опыта и отклика. Проще показать, чем рассказать.

В наступившую минуту тишины он свел обратно белые нагрудные крылья и прихлопнул их рукой совершенно по-дружески, словно предлагая андроиду слово. Саммю

непроизвольно отступил назад, тогда как Бык напротив, подался вперед и заглянул в прорези маски ромульянина. Ему на какую-то долю секунды показалось, что в щели что-то блеснуло, хотя вероятнее всего, так отразился свет: голова андроида пришла в движение. Тот поднял ее, повернул, опустил, снова поднял, движения ускорялись и были несколько хаотичными. А потом его тело дернулось в захватах держателя.

Бык поспешно ретировался к Саммю, тогда как врач продолжал рассматривать ромульянина со всех сторон. Тот продолжал долбиться в своих захватах, усиливая рывки и удары, и почти выпал из них, когда они разжались. Сделала это рука человека или сам андроид добился свободы, Бык не понял, они с Саммю подпрыгнули совершенно непроизвольно, ромульянин выпрямился на месте, сверля их своими прорезями.

— Вы боитесь его движений, и он пытается оценить вашу реакцию, — пояснил врач. — Попробуйте сейчас не двигаться. Прыгай на месте.

Последнее адресовалось андроиду. Ромульянин подпрыгнул, и продолжил прыгать, потому что отменяющей команды не было. Звук при этом раздавался ухающий и тяжелый, зрители молчали, и через несколько минут прыжки стали одинаковыми и невысокими, монотонно исполняемыми.

— Нет реакции — нет смысла выкладываться, — прокомментировал врач, и снова повернулся к андроиду. — Видишь дверь? Пробей ее кулаком.

Ромульянин перестал прыгать, прошагал к входным дверям и врезал в середину створок. Они были металлическими, и трещинами пошла только краска. На двери появилась вогнутость, потому что удары продолжались, но без явной заинтересованности в конечном результате действий.

— Оставь дверь и подойди ко мне, — поступил новый приказ.

Ромульянин развернулся и прогрохотал по полу к своему повелителю. Врач взял с верстака железную палку и с размаху ударил прямо поперек белой маски. Бык ахнул, и даже Саммю издал неопределенный звук. Полипласту маски ничего не сделалось, но при втором ударе андроид шагнул назад и поднял руку перед собой в качестве защиты. Врач снова замахнулся, робот поднял вверх обе руки и закрыл ими голову.

— Хватит, — не выдержал Бык. — Вы его сломаете.

— Вот они, эмоции зала, — констатировал врач. — Ваши сочувствие и страх за его целостность заставляют его отступать и защищаться таким образом, чтобы ваших эмоций было еще больше.

— Ему больно?

— Нет, конечно, — врач отбросил палку в сторону. — Их панцирь — не кожа, там нет нервных окончаний. Он просто защитил место атаки, но видя вашу реакцию, улучшил свои действия. Искины быстро учатся, если их поощрять. Будем надеяться, сброду в зале понравится управлять ими. По крайней мере, результат боя стабильно будет радовать большую часть зрителей.

Врач отправил еще один тюбик в лоток андроида таким же движением, каким собакам дают лакомство за безупречно выполненную команду. Быку показалось, что врач сейчас потреплет ромульянина за ухом, но этого не случилось.

— То есть если в зале начнут орать и показывать палец вниз, он убьет кассина? — вдруг оживился Саммю, до которого дошло сказанное. — И отступит, если симпатии зрителей будут на другой стороне?

— Абсолютно верно. Так что пусть ваши кассины молятся, чтобы в зале сидели гуманисты, а не любители мясорубки.

— Люди обожают кровавые зрелища, — отмахнулся Саммю. — Один-другой случай с фаршем нам не помешают. Лишь бы потом он не перекинулся на зрителей. Паникующая толпа нам не нужна, а робот, вышедший из-под контроля, до сих пор популярная тема в кинокошмарах.

— Искины не злятся, — врач отошел к пульту и начал спускать еще одного андроида, пока первый неподвижно усваивал полученное, опустив руки вдоль туловища. — Они выполняют поставленную задачу. Как выглядит злость для стороннего наблюдателя? Громкие крики, агрессивные движения в пустоту, немного саморазрушительных действий, вроде пинания стен или предметов — это простая последовательность действий, которую можно задать извне в зависимости от ряда условий. То же самое относится к радости победителя — торжествующий звук, демонстрация определенных поз и жестов. Остальное им подскажут люди в зале.

— Если зрители захотят крови…

— Он убьет, — отрезал врач. — Что касается прочих человеческих страхов, то их природа темна и идет от отсутствия образования.

Бык украдкой взглянул на Саммю и решил, что насчет кошмара тот вполне мог иметь в виду и себя, хотя ни за что не признается. Чем же тогда вызван его поход в самый эпицентр машинной цивилизации Марахси? Преодолением своих страхов? Вызовом себе? Желанием контроля, в котором не признаешься никогда в жизни? Или чем-то другим?

— А почему ромульянин не может напасть на человека из

зала? — спросил он врача. — На чем основана такая уверенность?

Врач сморщил нос.

— Удивительно, что вы всерьез задаете такие вопросы. Представьте, что вы стоите перед банкоматом с открытым окном диалога. Насколько высока вероятность, что он захочет обнулить вашу карту и перевести все деньги неизвестной старушке?

— Нулевая, — ответил вместо Быка Саммю. — У него нет своих желаний.

— Возьмите там шприц с дофамином, — съехидничал врач. — Попробуете награду по-ромульянски.

— Предпочитаю пиво, — отшутился тот. — То есть дрифтеры этим взяли наших бедолаг? Навязали им свою волю? Эмоции?

— Понятия не имею, о чем вы говорите, — ответил врач. — Приведите ко мне хотя бы одного дрифтера, положите на верстак — и я вам скажу принципиальные различия. Рассуждать абстрактно я не умею.

— Если бы я мог это сделать, нашел бы покупателя получше, — хмыкнул Саммю. — За вскрытого дрифтера много не дадут, а вот за целого отвалят прилично. Только едва ли их занесет к нам на шоу.

— Ромул думает иначе, — негромко заметил Бык. — Он считает, что человек Шепарда здесь непременно появится.

Он увидел, что Саммю и врач как-то быстро переглянулись, сделали это непроизвольно, словно хотели убедиться в реакции друг друга.

— На его месте я сделал бы точно так же, — заявил Саммю. — Убедиться, что от дрифта мы так далеко, как это только возможно.

— На его месте я не был бы так уверен, — передразнил его врач. — Без чипа не узнаешь, а они ему вместе с ромульянами не достались.

— Чип можно украсть.

— Они не лежат на виду, а находятся в сейфе Ромула, — губы врача сошлись в одну тонкую линию.

— Разве для дрифтеров проблема вскрыть замок?

— Сейф механический, размером со шкаф и весит полтонны. А скоро вообще потеряет всякую привлекательность для атаки, потому что чипы будут вшиты всем желающим попробовать силы на арене, — сказал врач. — Живые сейфы так просто не отдадут то, что их кормит.

— Кто это решил? — скандальным голосом спросил Саммю, для которого новость явно стала неожиданностью. — Почему я об этом не знаю?

— Идея Ромула, — сладко ответил тот. — Вы имеете что-то

против?

Саммю поколебался, но отрицательно качнул головой. Он немного постоял, глядя прямо перед собой, и вдруг, ни слова не сказав, вышел. Врач вернулся к своей работе, предоставив Быку развлекать себя самостоятельно или отправляться в обратный путь в одиночестве. При всей своей нелюбви к катакомбам, Бык выбрал последнее.

Глава 8. Электрическая расправа

Обстановка Марахси выбивала из седла даже самого уверенного в себе человека, а новый диджей таким не выглядел. Тем более удивительным было, что он вник в ситуацию и сразу взялся за дело: порылся в кладбище местных треков, разочарованно откинулся в кресле назад, подумал, потом энергично подсоединил к блоку собственный накопитель и уткнулся в экран, натянув здоровенные наушники. На происходящее внизу он поглядывал одним глазом.

Открытие «Кассиновы» приближалось вместе с границей Новой Виктории, билеты на премьеру были разобраны, и сегодняшняя генеральная репетиция значила многое.

Бык попробовал устроиться удобнее на продавленном диване, но тот жалобно скрипел при каждом движении. От былой красоты у мебели остались только деревянные подлокотники из палисандра да красная плюшевая обивка. Откуда он взялся на Марахси, никто не помнил, видимо, завезли во времена расцвета, которые приходились на постстарательскую эпоху, и сейчас он и его два колченогих брата-кресла изображали места люкс.

— Наш контингент не респектабельная часть населения, а нищеброды и оборванцы, которые принесут последние гроши в надежде на выигрыш, — утешил его Ромул. — Если они проиграются, то останутся на Марахси в качестве рабочих или новых кассинов.

— А если выиграют? — не удержался Бык.

— Кто-то другой проиграет, — хохотнул тот. — Так что у нас будет бесперебойная подача и персонала, и зрителей. Главное — правильно организовать потоки.

Колизей открыли рано утром и никого не выгоняли. Помимо взрослых марахсийцев, жавшихся к стенам, в зале оказались еще члены экипажей двух грузовых кораблей (один привез химию на утилизацию, второй сел для краткосрочного ремонта). Были еще молчаливые женщины в многослойных одеждах, пришедшие посидеть в тепле, и несколько любопытных подростков в безрукавках на грязных ребрах, и тихие девочки чуть постарше, намотавшие на головы тюрбаны войлока, и совсем голые младенцы, державшиеся за ручки кресел чумазыми пальцами. Девочки присматривали за ними, но как-то отстраненно. Отдельной кастой выглядела кучка ялмундцев, прослышавших об аттракционе невиданной щедрости и явившаяся к началу шоу так четко, словно заранее знали о времени. С ними тоже были несколько женщин, равнодушно кормивших детей грудью.

Ялмундцы оккупировали места рядом с выходом, на тот случай, если придется по каким-то причинам драпать, после чего вольготно развалились в мягких креслах.

— Почистим, — отмахнулся Ромул от возмущенного униформиста. — Чем больше народу сегодня, тем лучше. У каждого из них наверняка водится кредит-другой, я хочу, чтобы они пришли сюда снова.

Чипы утром установили в бараках всем желающим, их не хватило, и оставшихся без чипов записали в очередь. По приказу Ромула взяли в кассины и парочку женщин, захотевших попробовать себя в боях — для разнообразия. Саммю постарался выбрать молодых и хорошеньких, но задача была не из простых. Марахсийки носили мешковатую одежду, закрывавшую голову и тело, из всей косметики использовали только краску для глаз, и то, как они это делали, у непосвященных вызывало трепет — длинную палочку, намазанную жиром, а иногда и просто захватанную руками до состояния засаленности, натирали черной войлочной сажей. После этого палочку прикладывали к глазу, зажимали веками и протаскивали по всей длине тем же движением, каким с шампура зубами снимают мясо. Результатом чудовищной процедуры были подведенные черным изнутри глаза, огромные, как у египетских фараонов. Ялмундцы-мужчины тоже не брезговали этой первобытной косметикой, и вдобавок раскрашивали себе лица узорами наподобие геометрических фигур — треугольниками, полосами или точками.

— Это что, какой-то обряд охотников палеолита, выдающий статус в племени? — полюбопытствовал Бык, поднося к глазам свой неизменный бинокль.

— Думаю, за эту традицию следует благодарить исключительно систему распознавания лиц преступников камерами слежения в публичных местах, — фыркнул Саммю. — Хотя и ваша версия отчасти справедлива.

— К открытию шоу у всех будет форма, — думая о своем, сказал Ромул. — Кассинам — робы, вам, как распорядителям — костюмы.

— А мы — распорядители? — удивился Бык очередной перемене фортуны и многозначительному взгляду, которым одарил его Саммю с соседнего кресла.

— Такие же, как я — директор шоу, — прогремел Ромул. — Если хотим заработать, пахать придется всем. И следить в оба.

Бык не стал спорить, костюм так костюм, своя одежда будет чище. Его гораздо больше интересовало другое.

Подозрительность Ромула к сотрудникам исчезла так же внезапно, как появилась. Это произошло сразу после того, как

Саммю по его приказу замуровал все выходы из штрека с кассинскими бараками, за исключением одного, находившегося под тотализатором. Он был ужасно неудобным, с железной лесенкой без перил, и закрывался тяжелым металлическим люком на механическом замке. Поднять крышку без помощи робота было невозможно, ночью он ставился на сигнализацию. Вторым шагом максимально продлили систему видеонаблюдения. Теперь она охватывала почти все камеры, за исключением самых дальних, но туда редкая птица долетит, как поэтично высказался Саммю. После этого Ромул вернулся в прежнее циничное настроение, но при этом как будто чего-то ждал, это нетерпение Бык связал с открытием шоу.

Язмин поднялся в своей арматуре с другой стороны стекла на уровень Ромула и подал знак готовности. Зрачки его были огромны и черны как ночь. Диджей Вигго развернулся к директорам, качнул серьгой в ухе.

— Чем открывать? — спросил он.

— В смысле? — не понял Ромул.

— Ну, вы хотите открытие каждый раз под разную музыку или сделать постоянную заставку, вроде визитки шоу? — вежливо уточнил Вигго.

Ромул подумал.

— На твое усмотрение, — заявил он. — Главное, чтобы привлекало внимание и задавало настроение.

— В каком жанре, в какой тональности? — не отставал диджей.

— Плевать, — отмахнулся Ромул. — Вся эта музыка на один манер шум, главное, чтобы никто не скучал в промежутках. Погромче только.

Он подволок кресло к обзорному стеклу, чтобы лучше видеть происходящее внизу, Саммю пришлось потесниться. Бык остался сидеть там, где был, ему и со своего места было видно, как на пантографической железной ноге над ареной вознесся в своем кресле с микрофоном Язмин, облаченный в голубой сверкающий пиджак поверх белой сорочки. Вигго поморщился и натянул наушники.

– Дорогие дамы, уважаемые господа, драгоценные асексуалы, бигендеры, цисгендеры и квиры! — проорал Язмин так, что где-то под потолком лопнула лампочка. — Мы приветствуем вас на самом гуманном, но, возможно, и самом кровавом шоу всех времен и народов, какое только доступно в наш просвещенный, но скучный век гуманизма и равных прав! Человек против машины, машина против человека! Вечный вопрос и вечный поединок! Кто сильнее — кусок мяса или беспощадный механизм,

кто умнее — искусственный интеллект или природный, кто имеет больше права на жизнь? Это решится здесь и сейчас, сегодня, на ваших глазах и при вашем участии! Добро пожаловать на «Кассинову», чье второе название — Электрическая Расправа!

Прожектора взмахнули разноцветными световыми лучами, сверху брызнули блестки, из динамиков грянули духовые, исполнявшие фрагмент сюиты из Бизе.

— Электрическая расправа? — Бык даже наклонился вперед, но Ромул не расслышал, всецело увлеченный зрелищем внизу.

Под залихватский треп Язмина, уводившего зрителей в историю противостояния машин и людей первой волны колонизации, служители-униформисты (еще одна объемная статья расходов «Кассиновы») повели вокруг арены ромульян и кассинов, выбранных сражаться. Первых — по часовой стрелке, вторых — против, и с высоты это разнонаправленное движение, поддержанное мотивом корриды и круговым полетом ведущего, выглядело завораживающим.

Люди в зале затихли, несколько мальчишек перебрались поближе к арене, которую перетягивала сверкающая крупнозернистая сетка, растянутая между опорами, и остались там. Ромульяне вызвали оживление, даже члены корабельных экипажей привстали и вытянули шеи. Украшение андроидов довели до конца, теперь они выглядели совершенно по-разному и отчасти даже по-человечески.

Язмин носился в своей ступе над ареной, представляя по именам кассинов и ромульян, и рассказывал их боевые достоинства (которых еще не было), предлагал делать ставки (которые еще не принимались), честно отрабатывая контракт, включавший сопровождение шоу в качестве ведущего. В промежутках между всем этим он еще успевал оглашать правила.

Горо шел в ряду кассинов первым и был почти одного роста с андроидом, идущим навстречу. Шеренги встретились, поравнялись, противники одновременно повернули головы и обменялись взглядами, вызвавшими азартный присвист среди ялмундцев. После этого участников развели по разным выходам на арену за кулисы. Музыка в промежуток без действий сменилась на старую песню «We will Rock You». Никто из зала не вышел, некоторые даже начали прихлопывать в такт музыке, и Ромул расслабился.

— Пока у нас нет ни одного фаворита, придется положиться на удачу, — деловито сказал он Быку. — Но потом открывать шоу нужно с победы кассина, это располагает и снимает напряжение. Когда привыкнут, будем тасовать сетку по ставкам.

— Хорошо бы еще продумать систему управления исходом

боя, — небрежно заметил Саммю. — Ведь не позволим же мы выиграть тому, на кого поставит большинство. Так и без штанов остаться недолго.

— Само собой, — отозвался Ромул.

Врач появился как тень, беззвучно занял диван рядом с Быком и устремил взгляд на арену.

Там на пустую половину уже выпустили ромульянина, который скрестил руки на груди, одарив собравшихся взглядом своих бойниц на лице. С другой стороны возле клетки выскочил кассин по кличке Дикий. Он поднял вверх руки, опустил их и согнулся, словно выдыхал больной воздух из легких, после чего словно тень нырнул в клетку.

— Надо будет сделать куб прозрачным, — заметил Саммю, обращаясь к Ромулу. — Сверху ни черта не видно из-за прутьев, а мы собираемся и эти места продавать.

— Пожалуй, — рассеянно отозвался тот, увлеченный зрелищем.

Замок со световым сигналом щелкнул на клетке, Язмин провопил что-то о смертельной опасности и «кармане воли», махнул рукой и поднялся над головой участников метра на полтора. В шуме не было слышно, как Дикий активировал чип, но по его лицу, ставшему пустым в окулярах бинокля, Бык понял, что битва за замок началась.

Над ареной загремел «Танец рыцарей» из «Ромео и Джульетты», ромульянин размеренно прошагал к сетке, словно паук взобрался по ней, просел под собственным весом, выбрался и спрыгнул на ту сторону.

Дикий попятился к дальней стенке клетки, прижался к ней спиной. Ромульянин дошагал до дверцы, остановился и наклонил голову вперед. Замок щелкнул, но не открылся. Тогда он сделал молниеносную попытку схватить кассина внутри его крепости за горло, лязгнуло железо, Дикий увернулся и присел, снова став неподвижным и тихим. Ромульянин одним прыжком взлетел на крышу клетки и спустил между прутьями руку. Дикий тут же вскрыл замок и выскочил из клетки, собираясь отбежать подальше от противника и продолжить поединок оттуда, но андроид гигантским прыжком пересек по воздуху разделяющее их пространство и придавил жертву к полу своим весом. После этого он просто свернул несчастному голову. По залу пролетел непонятный звук, не то сожаление, не то разочарование. Ромульянин поднялся, отбросил к ограждению ставшее тряпичным тело и снова сложил руки на груди, оглядывая зал. Наступила гробовая тишина. Мальчишки отступили назад, за исключением одного, самого смелого.

— Что же, в этом бою удача оказалась на стороне машины! — весело заорал Язмин, подлетая к андроиду. — Это был честный поединок, и его выиграл Нидзу, два метра железных мускул и искусственных нервов! Противники были равны, но человеку не хватило выдержки! Не каждый может сохранить присутствие духа рядом с машиной, сражающейся насмерть! Поприветствуем первого андроида, выигравшего Электрическую расправу. Нидзу!

«We are the champions, my friends…», полился из динамиков голос бессмертного Фредди. Язмин схватил андроида за руку и поднял вверх, как делают в боксерских поединках.

Ялмундцы засмеялись и захлопали. Они были лишены всякого сочувствия к проигравшим, и Ромул украдкой вытер пот со лба. Тело несчастного Дикого быстро убрали с арены, Нидзу прошагал к выходу, уступая место своему собрату, которого Бык запомнил по войлочной косичке. Из визгов Язмина стало ясно, что имя тому — Хан.

В другом углу появился Горо, борода которого тоже была собрана в косичку, но завязанную шнурком. Язмин соловьем разлился о страшной опасности, подстерегающей того из противников, кто утратит самообладание, и о коде замка, который является единственной защитой для человека от андроида. Горо молча залез в клетку. Замок ожил и закрылся со вспышкой света, которую добавили для зрелищности.

Под угрожающий марш из какого-то кинофильма Хан достиг сетки, но перелезать ее не стал, просто содрал кусок со столба и примял ногой, перешагнув его как несущественное препятствие. Горо стоял в клетке неподвижно, глаза его были пусты. Приближение андроида к замку в зале встретили одобрительными выкриками и улюлюканьем, но Хан не стал его вскрывать. Он сразу же залез наверх, и пока Горо не опомнился, сгреб его за тряпки на спине.

Бык не выдержал, поднялся с дивана и тоже подошел к стеклу. Второй андроид определенно учел все ошибки первого, врач не солгал. Интересно, учел ли ошибки Дикого Горо?

Держа на весу свою жертву, Хан выпрямился, насколько позволял груз, издал в зрительный зал рев, напоминающий вой животного, отвел кулак назад, чтобы проломить человеческий череп сквозь прутья. Но случилось неожиданное — кулак не достиг своей цели. Андроид окаменел, неловко дернулся, и как был в полусогнутом состоянии, так и рухнул с клетки вниз сломанной куклой.

«Oops… I did it again, I played with your heart, Got lost in the game, oh baby, baby, oops…», - шутливо проорала из динамиков издевательская песенка.

В зале захохотали и затопали ногами. Ромульянин дернулся, словно заводной, когда замок отщелкнулся и упал на землю. Он протянул руку в направлении Горо, выходящего из клетки, но тот подпрыгнул и с размаху обеими ногами припечатал проигравшего к арене. Оторвав войлочную косичку с макушки андроида, Горо вскинул ее вверх, к свету прожекторов.

— Да! — заверещал Язмин, спускаясь с небес на землю, хватая Горо за поднятую руку. — Вот и первый человек, победивший в Электрической Расправе! Он был в одном шаге от смерти, но нашел в себе силы и мужество плюнуть ей в лицо! Поприветствуем Горо Великого, победившего могучего андроида!

В зале неистово засвистели ялмундцы, мальчишки верещали что-то восхищенное на своем языке, сопровождая фразы хлопками по ограждению.

— Эй, Горо, тебе работа не нужна? — гаркнул кто-то из экипажа утилизаторов, перекрывая треск Язмина. — Если продержишься против машины десять боев, я тебя куплю!

Ромульянина утащили к выходу, а Горо, выискивавшего взглядом в зале того, кто хотел его купить, пришлось выталкивать униформистам. Следующая пара бойцов уже занимала места, но тот все никак не хотел уходить, словно мысль о возможности уехать с Марахси его околдовала. В свете прожектора Бык увидел, как один из ялмундцев разочаровано отсчитал другому какие-то монеты. Мальчишки бежали за Горо вдоль дорожки, дергая его за рукава и штанины, но тот шествовал молча, сохраняя невозмутимое выражение лица. Смерть товарища не вызвала у него никакого расстройства.

— Хороший знак, — сказал Ромул, кивая головой вниз. — Песня пусть будет на каждом поединке, когда объявляют победителя. Она мне нравится!

Диджей, не отвечая словами, кивнул, удивив Быка, который считал, что в наушниках тот ничего не слышит.

Новая пара гладиаторов уже занимала свои места.

Глава 9. Улучшение балансовых показателей

Многое изменилось в Дартсаршери после открытия Колизея, но неизменным осталось одно — для всех бухгалтерских документов и тайных переговоров использовался кабинет Ромула. Комната на последнем этаже Колизея, расположенная над комментаторской, с трех сторон ограждалась скалой, а с четвертой — мощнейшими надежнейшими дверями. Там был холоэкран последней модели, а антенны уходили на поверхность Марахси под защитное поле космопорта. По периметру кабинета были скрыты глушители от прослушки. Сейф сейчас был открыт, являя зрителям, в качестве которых выступал Бык, свое нутро — почему-то оранжевое. Дверца сейфа напоминала шахматную доску с разноуровневыми пластинами и штырьками на поверхности каждой клетки. Какие-то из них требовалось нажимать, какие-то сдвигать, а какие-то — поворачивать. Запомнить последовательность действий было невозможно без долгого заучивания инструкции, а ее не существовало в природе в ином виде, кроме головы Ромула. Сейчас сейф был пуст, не считая пары рекламных буклетов.

Хиотис приветствовал обоих директоров с экрана холоустановки и сразу же приступил к делу.

— Как финансист, могу поздравить вас, господа — баланс весь квартал плюсует по сравнению с прошлым периодом.

Ромул и Бык переглянулись. Новость была приятной, но не настолько экстренной, чтобы поднимать их с кровати. На Марахси стояла черная, глухая как тупик Ялмунда, ночь.

— Это все? — осторожно уточнил Ромул.

Хиотис засмеялся.

— Нет, конечно. Но разговор лучше начинать с хороших известий, особенно если из них вытекают вторые, не менее приятные. Вы собирались реализовать весь комплекс, как только он станет безубыточным — у меня есть покупатель.

— Кто?

Хиотис усмехнулся наивному вопросу.

— Предложение поступило от лица, которое так же, как и вы, предпочитает действовать через посредников. Но оно готово выслушать вашу цену. Финансовые показатели мы обсудили, теперь речь идет об оценке деловой репутации в целом.

— Сейчас? — не удержался Бык, взглянув на часы. — Во втором часу?

Хиотис приподнял брови, а потом расхохотался.

— Господа, не все планеты совпадают по времени. В некоторых цивилизованных местах полдень и самый разгар деловой активности. Просто предложение выгодное, я посчитал себя обязанным проинформировать вас о нем незамедлительно, только и всего.

Он поднес ко рту кофейную чашку и сделал глоток, давая собеседникам освоиться со сказанным. На заднем фоне соловьем заливалась какая-то птица, сам Хиотис тоже был бодр и свеж, даже волосы были влажными после душа или бассейна.

— Понимаю, что вам нужно время, сразу ответа не жду, — закончил он с шутливым жестом. — Дайте знать, когда будете готовы, обговорим детали сделки. Единственное, что хочу порекомендовать от себя, если вы доверяете мне как финансовому консультанту — не затягивать. Клиент хочет вложить некоторую сумму в развлекательную сферу, но ему это требуется сделать быстро, причины он оставляет при себе и нас они не касаются. У него нет конкретных пожеланий, кроме доходности, это большой плюс. Последние три месяца у «Кассиновы» были очень и очень неплохие, чистая прибыль нарастала стабильно, но не факт, что такое положение сохранится до конца года, рынок имеет тенденцию насыщаться и даже замирать. Продать предприятие с растущей доходностью легче, чем с фиксированной или падающей. К тому же инвесторы без предрассудков редки в наше время, если вы меня понимаете. Вот, собственно, и все, что я хотел сказать.

Бык и Ромул переглянулись. Хиотис не стал настаивать, повторил свое желание узнать ответ сразу же, как только решение будет принято, попрощался и погас вместе с экраном.

Ромул побарабанил пальцами по столу, потом достал сигареты и предложил пачку Быку. Тот хотел было отказаться, но потом решил, что какого черта? Легкие давно забиты пылью черной каменюги, и табак хуже не сделает. Голубоватый сигаретный дым повис над столом причудливыми фрактальными разводами.

— Не думал, что это будет так быстро, — произнес он, глядя на Ромула. — Предполагалось, что хотя бы год мы отработаем сами.

— Как видите, по его словам все наоборот, — Ромул раздраженно поднялся и пересел на столешницу, сказалась привычка быть выше всех в помещении. — Но, откровенно и между нами, переуступать дело сейчас — верх глупости. Мы не вышли на свой максимум, а от этого зависит цена вопроса. И мне не нравятся вся эта спешка и анонимный покупатель.

— Я тоже предпочел бы знать, кому мы отдаем дело, в которое вложено столько сил.

— Черт с ними, с вложениями, — резко ответил Ромул. — Для инвестирования без риска нужны как минимум три финансовых года подряд, Хиотис повторял это много раз, и я морально был готов к этому. А тут пару кварталов отработали — и пожалуйста, нас уже готовы купить.

— Да, подозрительно, — согласился Бык. — Зачем кому-то покупать возможно убыточное в будущем предприятие?

Маленький кабинет наполнился дымом до такой степени, что Ромул не выдержал, ткнул сигарету в пепельницу, захлопнул сейф и открыл дверь в коридор. Вместо свежего воздуха оттуда ворвалась бравурная музыка и рев толпы, перемежающийся визгливым дудением — Колизей работал днем и ночью, и дудки покупали те, кому отказывала собственная глотка. Дым остался висеть там, где был — экономили на всем, включая климат-системы.

— Возможно, сейчас мы дешевле, чем будем по окончании года, — Ромул потоптался на пороге и, махнув рукой, позвал Быка за собой. — Другие обороты — другая цена. Но есть еще один нюанс. У Марахси выгодное географическое положение. Инвестора может интересовать не наше предприятие, а повод для законного присутствия на планетоиде. Тогда ему плевать на нашу доходность, и чем дешевле мы ему обойдемся, тем лучше.

— Для чего ему тут присутствовать? — не понял Бык, растирая больные от дыма глаза и почти наугад переставляя ноги за Ромулом по лестнице вниз.

— Я заставил Хиотиса прояснить несколько вещей, — ответил тот. — Юридически Марахси — оффшор, учрежденный специально для банка-залогодержателя, это положение закреплено законодательно. Чтобы его изменить, нужно поссориться с ведущим банкирским домом, у которого Марахси находится в залоге навечно. Сунуть нос в дела банка не так просто, как кажется. Даже старый Рассел со своими имперскими замашками не лез туда, а новый президент и подавно не станет, Патрик Чейз — фигура номинальная. Новой Викторией управляет крупный бизнес, а его финансирует банкирский дом «Клинт и Шенье». Им очень удобно иметь свой оффшор, который носится по трем государствам, не тратя ни капли топлива и не прося разрешений у миграционных служб. Они сюда пускают не каждого.

— Транзитный ход дорогого стоит, — согласился Бык. — Купить его по цене «Кассиновы» — хорошая идея. Думаете, покупатель из Урсулы?

— Скорее всего. Викторианец обратился бы к банку за разрешением на эксплуатацию Марахси, хотя не исключено, что банк ему отказал. Или он мумбаец, у которых нет никаких прав, и втереться на Марахси он может только переуступкой кем-то доли в уже существующем предприятии. Впрочем, урсулийцы тоже.

Они опустились на диван перед обзорным стеклом и машинально уставились на арену, вокруг которой бесновалась разношерстная толпа.

Клетку из прутьев давно заменили на прозрачную сферу из полипластика с боковыми отверстиями, напоминающую карету без колес и дверей. Вместо двери с замком была натянута тонкая переливающаяся ткань наподобие вуали — условия для кассинов менялись по выдумке комиссии, собранной для наблюдения за боями. Считалось, что ее члены не заинтересованы в исходе боя и заботятся лишь о зрелищности, хотя на самом деле это был инструмент управления результатами боев, придуманный Саммю.

— Сложная ситуация, — Бык поскреб затылок, гудевший от воплей комментаторской смены, надрывавшейся в микрофоны у стекла. — Думаю, нам надо попробовать выжать максимум из Колизея, и цену назначать позже, с учетом всех перспектив. Продешевить легко, а если кому-то нужно место на Марахси, то и за большой ценой он не постоит.

— Согласен, — кивнул Ромул. — Я еще переговорю с Эйбом. Они с Хиотисом хорошо знакомы, мумбайские бароны могут быть заинтересованы в расширении бизнеса. Задам ему вопрос напрямую. Если он знает покупателя, договоримся о продаже «Кассиновы» без посредников и за нормальную цену. Наш друг Хиотис, сидя на строгаче у Шепарда, наверняка делится с ним информацией о нас куда охотнее, чем с нами — о нем.

В комментаторскую вошли новые люди, и Ромул замолчал. Дикторских смен теперь было три, по два человека в каждой, ведущих шоу тоже стало четверо — Язмин физически не справлялся с круглосуточным наплывом желающих делать ставки, даже под кокаином. Дикторы начали меняться местами, на арене тоже происходила ротация участников — убирали обломки от ромульянина, которого победила молодая блондинка. Толпа махала флажками на палках и скандировала имя «Тарси».

— Кто это? — Ромул кивком указал на блондинку. — Как кличка?

— Старуха, — насмешливо отозвался вместо Быка Саммю, вошедший следом за комментаторами. — Хотя у нее в отличие от других есть имя — Фтарзи Варнан. Десять к одному. Семнадцатый бой держится против Нидзу.

— Какого черта она его ломает? Ей кто-нибудь объяснил, что

они стоят таких денег, которые за нее никто не заплатит?

— А, бесполезно, — Саммю завалился в противоположный угол дивана и открыл банку с пивом. — Эти скоты все делают по-своему. Доход от нее окупает ремонт андроида, кто-то периодически интересуется ее ценой, поэтому пока что спустили на тормозах. Зрителям она нравится.

— Ладно, пусть работает, — помедлив, ответил Ромул, посмотрев на таблицу ставок и выигрышей, горевшую в темноте зала адским пламенем приятных цифр.

Цифры начали меняться с истерической скоростью, потому что новая пара противников уже вышла на арену.

Андроид имел рыжий парик с кудрями и подобие юбки, намекавшие на принадлежность к женскому полу. Кассина отделили от него резиновой мембраной, рисунок на которой был недвусмысленно неприличным. Зрительный зал прошел гоготом и разбойничьим присвистом. Над ареной негромко зазвучала и потихоньку начала нарастать «Пещера Горного короля» в какой-то немыслимо растянутой саксофоном джазовой обработке, как нельзя лучше подходившей к разворачивающимся событиям. Ромульянин крался к прозрачному яблоку с грацией тигра, прикладывая руки к сердцу и всем своим существом демонстрируя страсть по отношению к кассину. Тот за резиновой мембраной кривлялся и строил уморительные рожи, вызывавшие смех. Под ударом лапы ромульянина тонкий слой разошелся, лопнул, как мыльный пузырь, но кассин с ловкостью обезьяны взобрался с другой стороны на крышу и оседлал шею андроида. Тот попытался схватить врага за горло, но вместе с ним рухнул на пластиковое покрытие пола, и пока туша ромульянина билась в конвульсиях, кассин на потеху толпе некоторое время изображал сверху движения, имитирующие половой акт. Наконец андроид замер, кассин поднялся, размахивая содранным рыжим париком как знаменем. Толпа выла, и даже ведущий, вытирая слезы от хохота, не стал поднимать руку кассина вверх, и так было понятно, что тот победил. Победная песня утонула в бесновании зрителей. Униформисты покатили по рядам тележки с напитками и бутербродами, цифры на табло снова сменились вместе с музыкой, последняя стала спокойной и медленной — перерыв.

В дверях вырос Вигго с куском сэндвича в зубах и бутылкой молока, которым он запивал булку. Белая струйка потекла у него по подбородку, когда он увидел начальство в полном составе возле своего рабочего места. Он торопливо вытер лицо, подошел к креслу, развернул его и стянул наушники с мальчишки в кассинской робе.

— Все, вали в барак, на сегодня хватит, — пробормотал

Вигго.

— Стоять! — вдруг громко приказал Ромул.

Мальчишка смирно застыл, помаргивая черными глазами в направлении обладателя грозного голоса. В его взгляде не было страха, только обычное марахсийское любопытство.

— Кто такой? — спросил Ромул у Вигго. — Как сюда попал?

— Вы разрешили взять пацана на подмену на пару минут, когда нужно отлить или пожрать, — пожал плечами диджей. — Я взял. Малой из сто пятой, и сообразительный, остальные просто идиоты. Я тоже не железный сутками тут сидеть на заднице. Показал ему, где нажимать — он нажимает, лишнее не трогает.

— Чипирован? — обернулся Ромул к Саммю.

— Нет еще, — лениво ответил Саммю, бесцеремонно задрав на мальчишке робу со спины. — Мы не чипируем рабов младше четырнадцати. Через год его очередь дойдет. Ну, или раньше, если все остальные выйдут в тираж. А что?

Ромул посмотрел на Быка, потом снова на Саммю.

— Думаю, дети внесли бы в турнирную сетку «Кассиновы» небольшое разнообразие, — объяснил он. — С женщинами это хорошо сработало, и парочка несовершеннолетних кассинов нам тоже не помешает. Что скажете?

Те не сразу нашлись с ответом, и даже Вигго перестал жевать, хлопая глазами. Саммю нашелся первым.

— Почему нет? Только нужно быть готовым, что поначалу ставки будут отрицательными, придется официально давать фору.

— Не обязательно, — возразил Бык. — В зрительном зале есть семьи с детьми, дети могут уговорить родителей поставить на такого же ребенка просто из солидарности. Неплохая идея, если нам нужно выжать из Колизея максимум в короткое время.

— Зачем? — насторожился Саммю.

Ромул пропустил его вопрос мимо ушей, обошел мальчика кругом, придирчиво рассматривая с точки зрения зрелищности: войлочная роба висела на нем мешком, нестриженные волосы были стянуты на лбу полоской того же войлока, худобу компенсировал только высокий рост. Отмыть тоже не мешало бы.

— Хочешь быть кассином? — громко спросил он.

— Кнеш, — быстро отозвался тот, показав в улыбке белые острые зубы. — В кассины всяк дюже хочь, еси не дурня. Ток, грят, для чиба старшее над бысть, а то б я охоче.

Бык засмеялся, Ромул сохранил серьезность, раздумывая о своем, а вот Саммю буравил неожиданное приобретение своими глазами навыкате без всякой симпатии.

С лестницы, ведущей от арены через тотализатор, поднялась

Старуха, и одновременно с ней в дикторскую вошел зевающий врач. Он неприязненно посмотрел на мальчишку, оттолкнул его в сторону и поставил на стол ящик с инструментом. Старуха вплыла в помещение всеми своими юбками, осмотрелась, задержалась глазами на мальчике и отвернулась, стягивая через голову фуфайку. Медицинский осмотр кассинов после боя проводился тут же, врач без сантиментов покрутил ее, полуголую, перед собой и махнул рукой.

— Одевайся, — велел он. — Здорова.

Точно так же равнодушно, как разделась, Старуха натянула свое тряпье обратно, и вышла, шурша юбками. Мальчик проводил ее взглядом, который врачу не понравился.

— Этого не пора на стерилизацию? — спросил он у Саммю, приподнимая голову мальчика за волосы вверх. — На баб уже начал пялиться, как я вижу.

— Рановато, — добродушно ответил за него Бык. — Ему от силы двенадцать, обычное детское любопытство.

— Некоторым не мешает, — сварливо отозвался врач, отпуская мальчика из-за появившегося в дверях следующего пациента — кассина, только что внизу разыгравшего с андроидом в парике смешную сценку.

Тот уже не улыбался, дышал с хрипом и тяжело, а горло пересекала красная полоса с расстоянием в размер ромульянских пальцев. Врач осмотрел и его, ничего не сказал, демонстративно захлопнул свой саквояж и удалился. Кассин спустился вниз, к люку в бараки, где следовало ждать робота-провожатого, без которого двери камеры не открывались.

— Найдите девчонку такого же возраста, — распорядился Ромул в сторону Саммю, когда лишние уши покинули помещение. — Чипируйте обоих, как только появятся свободные чипы, и готовьте на арену. Посмотрим, как их встретит публика и что из этого выйдет.

Быку показалось, что взгляд мальчишки, направленный на Ромула, стал другим, хотя улыбка осталась прежней, дурашливо-покладистой. По знаку Саммю тот сверкнул босыми пятками и утек в люк, а Бык пришел к выводу, что глазам ночью нужен все-таки более основательный отдых.

Глава 10. Войлочный червь

Вечером следующего дня Ромул сообщил о своем отъезде. Он забрал финансовые документы, выглядел нервозно, словно не спал сутки, и очень торопился. Бык догадывался почему — приближалась территория Урсулы. При подписании границ дипломаты обеих стран бились насмерть за каждый километр пространства, поэтому государственные пределы в этом секторе имели вид фьордов, изъеденных водой. После нескольких месяцев чехарды с границами можно было рассчитывать на спокойную жизнь — наступало долгое прохождение Мумбаев.

Вид у Ромула при посадке в корабль был такой, словно его захватила какая-то идея, но даже Хиотис как бухгалтер «Кассиновы» ничего не знал о ней. Выслушав из уст Быка отказ от сделки, он не выказал никакого сожаления или возмущения, годы работы в финансовой сфере выучили его самообладанию почти дьявольскому. Кивнул и попросил держать его в курсе дальнейших планов и событий. В конце разговора даже весело пообещал наведаться в Колизей во время прохождения Урсулы, попробовать «канадскую ставку».

Раздумывая на продавленном диване о странных событиях и планах, в которые его не посвятили, Бык внезапно отвлекся на раздел добычи после дневной смены, азартный и шумный. Арену постоянно чистили от различных предметов, брошенных зрителями в знак поддержки гладиаторов — там встречались предметы женского туалета, конфеты, сухари, игрушки, наличная мелочь, сигареты, батарейки, иногда что-то посерьезнее – треснувшие пады, баллончики с веселящим газом, упаковки презервативов, фонарики, перочинные ножи, таблетки "экстази", кошельки и даже драгоценности. Униформисты сгребали все это добро длинными швабрами с перемычкой поперек, упаковывали в мешки и уносили за кулисы. Предполагалось, что кассин получает это в качестве дополнительной награды. На самом деле вся добыча сначала проходила руки служащих Колизея, и то, что они считали брать ниже своего достоинства, вручалось победителю, частенько в микроскопическом остатке.

— Кто раньше такое видел? – Саммю приподнялся в кресле и взял со стола маленький продолговатый предмет в серебристой обертке, повертел его в пальцах и взвесил на ладони. – Рацион какой-то…

Таких серых брусков было несколько, упаковка отличалась шрифтами и надписями, но сохраняла единообразие в твердости и спрессованности.

— Корабельные штучки, что-то вроде сухого пайка из суточной дозы калорий, — Язмин, шевеля губами, считал собранные деньги, их полагалось поделить поровну между всей сменой, не забыв начальника безопасности. – Суют в обязательном порядке каждому вместе с бутылкой воды и кислородной маской на дальних рейсах. По вкусу как печенье, сладкое.

Саммю разочарованно бросил брусок в кучу, предназначенную кассинам. На краю стола возвышалась горка украшений, поднятых с арены. Там были серьги, браслеты, витиеватые кулоны, некоторые даже с камнями. Что из них подделка, а что драгоценность, предстояло еще выяснить, но не сразу: за случайно потерянными вещами зрители частенько обращались в службу безопасности через сутки, а то и через двое.

Ожидающие своей очереди кассины, приносившие больше всего дохода за неделю, смирно сидели на полу возле стены. Бык опознал в их числе Горо, к которому после первого боя прилипла кличка «Великий», маленького вертлявого Волка, рыжего Пикачу, Шейха и Старуху. Последняя была единственной женщиной среди чемпионов. Ее лицо с подведенными глазами в массе войлочных накидок и оборок казалось венецианской маской. Порцию угощения она приняла молча, сразу есть не стала, как другие, а рассовала по карманам и опять застыла как изваяние. Быку показалось, что жадность соседей вызывает у нее что-то вроде презрения. Перехватив направленный на себя взгляд, Старуха неожиданно поднялась, словно была невесомой, сделала шаг и остановилась, держась рукой за стену. Теперь, когда она была так близко, Бык вынужден был признать ее красивой. В прошлый раз она казалась старше, сейчас он не дал бы ей больше двадцати. Хотя для Марахси и это был очень преклонный возраст, до тридцати женщины доживали редко.

— Славьтесь, повелитель, — сказала она и замолчала, сложив губы в улыбку.

Бык ждал продолжения, пока не вспомнил, что по законам Колизея кассины не имели права первыми обращаться к хозяевам, кроме как для приветствия.

— В чем дело?

— У мя до вас просьба есь, — голос у Старухи оказался низкий и грудной, слова она произносила нараспев, немного раскачиваясь из стороны в сторону всем телом, словно укачивала несогласие собеседника. – Уж не обессуживайте, еси не так высказилась, я не со зла. Ток в бараке есь пцан, которого чибировали, я хочу попросить за него. Коль уж ему на арену непременно над, пусь спервоначалу бои позмотрит ближее, мож с

балкона или с залу, все едино. Ему и так дюже трудно будет на ногах устоять и ущо публике понравицца, он совсем малой, ромульян ток издаля видал. Усохнет быстро.

Бык с трудом сообразил, о чем идет речь.

— Пцан – это мальчик? – переспросил он, оглядываясь на Саммю в поисках поддержки.

— Мальчишка Вигго, — перевел Саммю. – Поставили в сетку со следующего понедельника.

Старуха кивнула войлочным тюрбаном, словно расписание не было для нее тайной, хотя кассинам о нем не говорили.

— Понятно, — ответил ей Бык. – Ну, если раньше понедельника он все равно не нужен, мне не жалко. Пусть приходит с кем-нибудь из ваших, кого вызовут, и смотрит до посинения. Персонально посылать за ним не буду.

Старуха сверкнула глазами, благодарно кивнула, словно воздух боднула. Она хотела еще что-то сказать, но дверь открылась и впустила врача. Кассины подскочили и инстинктивно попятились. Врач демонстративно прошел к столу, грохнул на него тяжеловооруженный саквояж, попутно уронив сложенные побрякушки на пол. Двое техников, которыми он обзавелся в качестве помощников, занесли и поставили под стол большие коробки, перетянутые скотчем, после чего уселись на корточках у двери, сложив руки на коленях.

Бык и Саммю переглянулись.

— Это что, «все свое ношу с собой»? — пошутил Саммю, заглядывая под стол. — Или хотите воспользоваться сейфом Ромула на время его отсутствия?

— От сейфа я бы не отказался, — сквозь зубы отозвался врач без улыбки, выбрасывая из саквояжа шприцы-тюбики, стянутые резинками. — На кой черт вы нам нужны, как начальник безопасности — не понимаю. Толку от вас никакого.

— У вас что-то украли? – насторожился Саммю.

— Не что-то, а препараты, предназначенные для андроидов, — взорвался врач. — Я не могу так рисковать дорогостоящим имуществом.

— Вы уверены? — Саммю пружинисто поднялся, как кошка, обошел стол кругом и оказался на одной стороне с Быком. — Первый раз слышу о краже.

— Кто-то побывал сегодня в медблоке и опустошил ящик с вежскими гормонами, — ответил врач. — Если исключить моих работников, которые здоровы как слоны и не умеют читать, то сделать это могли только ваши проклятые кассины. Тащат все, что плохо лежит, как сороки чертовы.

Кассины под взглядом Саммю замерли, точно кролики,

загипнотизированные коброй.

— Они не ходят без сопровождения по коридору, да и робот зафиксировал бы отклонение от маршрута, — возразил он на обвинения врача.

— Ни черта ваш ходунок не фиксирует, — раздраженно отозвался тот. — Он вообще не смотрит, идет за ним кто-нибудь или уже в штрек свалился. Сколько раз такое было?

Правда в этот раз была на стороне врача. Саммю сузил глаза на техников у двери, потом опять заглянул под стол, поковырял картонный бок коробки пальцем и выпрямился.

— Слушайте, герр доктор, местному быдлу ваши препараты просто лес темный, может вы их сами куда переложили и забыли? Мало ли как бывает, отдохнули хорошо, расслабились…

— Я пока еще не в маразме, — поджал губы врач. — Сколько у меня на хранении препаратов помню, и когда в помещении побывали воры, тоже определю. Кто-то был в мое отсутствие в медицинском блоке, это я утверждаю и буду утверждать.

— Освещение в коридорах дают только на время прохода до Колизея, в другое время там ногу сломишь, — напомнил Бык. — Я тоже был у вас, но без света дорогу не найду. Куда уж кассинам.

— Значит, это был войлочный червь.

При упоминании червя Бык поглубже запрятал руки в карманы, чтобы не заметили его реакцию. Он никому не рассказывал об иррациональном страхе, который возникал у него каждый раз, когда доводилось открывать люк, ведущий к баракам. В черноте глыб с войлочными нитями ему всегда мерещилось чужое нечеловеческое присутствие, холодное и равнодушное, безжалостное, как сам планетоид. Даже кошмары, которые ему иногда снились, были связаны с глубинными коридорами Марахси, в которых он плутал, убегая от чудовища, и падал в бездонную яму, просыпаясь в холодном поту, не достигнув дна. Робот-ходунок, которого посылали за кассинами перед боем, стал для него спасением, и вот, оказывается, это тоже не панацея. Кто-то может без него в темноте найти медицинский отсек, забрать оттуда препараты, которые черт знает зачем и нужны, и после этого вернуться в камеру незамеченным.

— Может, ялмундцы? — неуверенно предположил он.

— Замок на двери электронный, — сухо ответил врач. — Точно такой же, какими у вас забавляются эти скоты на арене. Он не был сломан, он был открыт. Так что если ставить на кого-то, двадцать к одному что это был один из них. Вы вызываете в Колизей поодиночке, но дверь-то у камеры общая. Кто-то мог выйти следом за вызванным, а потом подождать его возвращения и войти обратно.

— В бараках установлены камеры, — напомнил Саммю.

— И что? Можете показать сегодняшние записи?

Саммю досадливо поморщился. В целях экономии все камеры просто транслировали изображение в режиме реального времени. Наблюдение за кассинами было делом неблагодарным и скучным, это делалось только когда выбирали очередного бойца для турнирной сетки. Он немного покачался на носках по своей привычке и снова повернулся к врачу.

— Кто был у вас последним перед кражей? Кто мог видеть содержимое ящиков?

— Только подростки, которых Ромул приказал чипировать. Но это было ночью, обрабатывал их мой техник, и по его словам они никуда не лазили, в ящики точно не заглядывали. Прочесть название на коробках они не могли.

Он пнул картонный бок, на котором было написано «conc.Noradrenaline».

— Энти не вместе, а по очереди приходили, — услужливо подал голос один из техников. — Пцану я чип всунул, он минут пять после того полежал и ушел. А девчонка следом была, вот с ей мы подольше.

— Что подольше? — не понял Бык, отрываясь от надписи на коробке.

Техник дурашливо растянул губы в подобие улыбки.

— Полежали, — простодушно ответил он. — Пока не стерилизуют, еще ж мож пользовать, эт потом им без надобности делается. Девчонка старшее пцана, я ее в барак отвел. Семьсот тридцать пятый, далеко. Пцан сам убег, сто пятый близко, я ему сказил, как дойти. Замок я закрыл.

Последнее он добавил в качестве не то извинения за свою слабость, не то в оправдание, но Саммю отмахнулся от любвеобильного техника с его идиотскими подробностями.

— Для чего можно использовать гормональные препараты, если не иметь медицинского образования? — он достал сигареты и уселся на стол, глядя на врача немигающим взглядом, словно тот был подозреваемым. — Предполагаемый мотив преступления, так сказать?

Врач понял его задумку, но подыгрывать его образу следователя отказался, брезгливо отогнал дым рукой и отступил назад.

— Эндорфин вызывает состояние, близкое к эйфории, — кратко ответил он. — Действие сходно с действием наркотика, если ввести большую дозу.

— Наркомана видно невооруженным глазом, — возразил Саммю. — Да и вы их осматриваете регулярно, давно бы спалили.

Другое применение есть?

— Эндорфин используется еще как анальгетик при сильной боли. Кстати, не исключено, что на преступлении вора толкнули травмы, полученные на арене.

— Кто у нас травмировался в последнее время? — Саммю обернулся к Язмину. — Так, чтобы потребовалось обезболивающее?

— Да вроде никто, на своих ногах уходили. Хотя они в бараках все не по разу битые и переломанные.

— А только эндорфин пропал? — уточнил Бык.

— Еще адреналин, эстроген и тестостерон.

При последних словах Бык поморщился, словно по стеклу рядом с ухом процарапали железным скребком. Тестостерон и эстроген, насколько он помнил свой первый разговор с врачом, использовались для химической кастрации кассинов. Если кто-то из них сообразил, что обратными инъекциями результат можно нивелировать, то они имеют дело с каким-то самородком. Но лица кассинов говорили, что Марахси гениев не рождает.

— Последим за бараками, — заявил Саммю. — Я лично этим займусь. Если кто-то полезет на бабу или окажется под кайфом, устроим в камере шмон. Сейчас это бессмысленно, народу до дури, в их тряпье черта можно спрятать, не только ваши тюбики.

Он непроизвольно посмотрел в сторону Старухи, чье лицо оставалось неподвижной маской презрения. Если она и слышала разговор, то никак не проявила своего отношения к нему.

— Кстати, гормоны оставляют какие-то следы после применения, — вдруг вспомнил Бык. — Тот же адреналин вроде бы вызывает расширенные зрачки и повышение пульса?

— Никто не скажет, свой адреналин у человека в крови или инъекционный, — фыркнул врач. — Возьми вор лекарства или химикаты, можно было бы сделать экспресс-анализ крови на примеси. Но гормоны практически недоказуемы. Так что препараты останутся здесь, я не могу нести ответственность за них в таких условиях. Кассины у вас на виду, вот и ловите вора сами.

— Ежли он черфь, — вдруг глубокомысленно произнес Волк словно про себя, — то свое возьмет все едино, бо чермны как ночь глаза евойные и во тьме зрит…

— Хватит! — прикрикнул на него Бык, теряя самообладание. — Развелось сказочников! Уберите их отсюда, нечего сплетни по баракам разносить.

Врач захлопнул саквояж на замок, бросил его в руки техников и движением подбородка выгнал свою свиту прочь. Туда же, торопливо подталкиваемые в спину Язмином, отправились

кассины. Саммю задумчиво подошел к стеклу и посмотрел вниз. Зал уже заполнялся новыми посетителями, арена сверкала чистым алым квадратом в белом круге, униформисты втаскивали «карету» на положенное ей место.

— Поразительно, — сказал он. — Краж до сегодняшнего дня у нас еще не бывало, это что-то новенькое. Очень и очень интересно.

— Что же тут интересного? — не выдержал Бык.

— Я вам уже говорил об их психологии? — Саммю весело обернулся от стекла в его сторону. — Взломать замок и украсть что-то не у соседа, а у хозяев — это уже вызов, абсолютно новая ступень гражданского самосознания. Сейчас вор считает себя в безопасности, умнее всех, возможно, даже смеется над нами. Но то, что сошло с рук однажды, непременно захочется повторить второй раз. Так что он немного выждет и снова явится.

— Мне теперь не спать и сидеть в засаде? — ядовито спросил врач.

— Нет, напротив, вам лучше появляться в помещении как можно реже. Пусть дорога будет свободна.

— Кто же его поймает, если меня там нет?

— Оставьте в медотсеке ромульянина в рабочем состоянии, — велел Саммю. — Отключенного андроида от рабочего отличить невозможно, роботы не издают звуков и могут неподвижно караулить часами, нападают тоже мгновенно. Только настройте его так, чтобы не калечил. Мне этот герой обязательно нужен целым и, желательно, в сознании.

— Проведете воспитательную работу? — усмехнулся Бык. — Чтобы другим было неповадно?

— Постараюсь, — кротко ответил Саммю так, что желание продолжать разговор у всех отпало.

Глава 11. Lucky, lucky, lucky me…

Балкон, нависающий над ареной, словно средневековый подъемный мост, имел в ширину всего пару шагов. Ограждение было недостаточно высоким, чтобы не бояться нырнуть вниз, Бык не любил туда выходить. Беснующаяся толпа под ногами напоминала бурлящую воду, упадешь — пропадешь, затопчут или разорвут, если признают одного из владельцев.

Страсти на тотализаторе разгорались нешуточные, те, кто проигрывал последнее или ставил в долг, в отчаянии были способны свернуть шею любому, кого считали виновником. Их связывали и спускали охладиться в люк, к баракам, а потом делали предложение: пойти в кассины, заработать денег, расплатиться с долгами и купить билет домой. То, что такой момент никогда не наступит, естественно, умалчивалось, напротив, всячески обнадеживали. Главным было получить согласие в письменном виде, Хиотис настаивал на этом.

Сегодня на балкон пришлось выйти следом за Шаманом, отказаться было неудобно. Вместе с Саммю и Язмином Шаман составлял Комиссию по распределению испытаний. Комиссия назначала условия поединка, оспорить их было нельзя. Если Шаман говорил, что сегодня вместо сетки будет колючая проволока, значит, так и должно быть. Если вместо двери ставили тонкую резиновую перемычку или не ставили дверь вовсе — это было персональным невезением отдельно взятого кассина, а не беспристрастной комиссии. Также Шаман заведовал всеми силовыми установками Колизея и программой, анализировавшей ставки и перспективы.

На балконе, на фоне прожекторов и разноцветья одежд зрительского зала, торчали двое подростков, бесстрашно свешиваясь вниз через бортик, чтобы лучше видеть арену.

— Дебютанты, — Бык предусмотрительно остался в дверях, держась за косяк. — Малой и Киршан. С прошлой недели рекламируем. Как ставки?

— Хорошие, пока до дела не дошло, — усмехнулся Шаман, доставая свой сканер. — Вряд ли будут такими же после боя. Лучшее, что можно сделать в такой ситуации — дать им красиво умереть и больше с таким товаром не связываться.

— Девчонка постарше, — Бык сказал это так, словно и шансов выжить на арене у нее больше. — Ей четырнадцать.

— Бабы нервные, мало кто больше пяти боев держится.

Шаман пронзительно свистнул, девочка обернулась, толкнула мальчика локтем, и они вдвоем покинули крепостной мост,

подошли, касаясь плечами. Оба были чисто отмыты, войлок на девочке был не совсем замотан, а приспущен, как индийские сари, и в этой демонстрации худого и голого плеча было что-то кокетливое. Лицо Киршан было худым, веснушчатым и очень напряженным. Поздоровались они тоже хором.

— Запрещенное что-нибудь есть? — грозно спросил Шаман.

Подростки одновременно помотали головами. Шаман поставил девочку перед собой, покрутил, старательно обводя ее руки и ноги сканером. Дважды тот пищал, и ей приходилось вынимать из карманов то пружинку, то обломок расчески. Все это она торопливо передавала в руки мальчику. Бык на секунду представил себя на его месте и проникся к его спокойствию чем-то вроде уважения.

— Боишься, сынок? — спросил он шепотом.

— Не очень, — тоже тихо ответил тот.

— Это хорошо. Поставлю на тебя пару кредитов, просто так, на удачу. Ты мне нравишься.

— Пасиба, — благодарно ответил мальчик.

Про себя Бык с досадой подумал, что парню от комиссии достанется — когда наступила его очередь, Шаман и крутил его небрежнее, и не заботился о том, чтобы тот успевал рассмотреть его движения. Сканер пискнул, Шаман извлек из кармана мальчика гвоздь.

— Это зачем? — грубо спросил он, держа находку перед лицом жертвы.

— Меж камнями вгонят, заместо крючья, — объяснил мальчик. — Одежу взвесить.

Шаман ничего не сказал, отбросил гвоздь в сторону и снова прошелся машинкой уже спереди. На новый писк вытащил из ворота безразмерного балахона веревку, на которой висел металлический крестик.

— Христианин?

— Родни подачка, — равнодушно ответил мальчик. — Едино осталось, как схороняли.

— Откуда родом? — Шаман приподнял его голову за подбородок и повертел туда-сюда, чтобы лучше рассмотреть. — Вижу, что не с Марахси.

— Батька с маткой с Мумбаев тикали.

Шаман отпустил его, позволил запихать свое сокровище обратно в вырез робы, убрал сканер и кивнул Быку.

— После перерыва первым пойдет. Девчонку пока придержим, посмотрим, что выйдет. Может статься, вторая уже не понадобится.

Киршан сверкнула глазами на своего конкурента, хотя на

самом деле спасителя, но ничего не сказала, опустила голову и затеребила в руках бахрому своего одеяния. Бык взял мальчика за плечо и вывел с балкона — нечего портить настроение перед боем. Девочка осталась.

В комментаторской они не пробыли и пяти минут, прилетевший в пересменок Язмин уволок дебютанта вниз, к выходу на арену. Вспомнив свое обещание, Бык спустился к букмекерам, по блату без очереди сделал ставку и вернулся обратно как раз к началу боя. Саммю критическим взглядом окинул его фигуру и засмеялся.

— Вам, наверное, лучше сейчас не смотреть, — сказал он. — Зрелище может оказаться так себе. Идите кофейку выпейте.

— Почему?

— Шаман решил замок не ставить.

— То есть как не ставить? — Быку показалось, что он ослышался. — Хотите отдать мальчишку на съедение андроиду? В открытой клетке, как кролика?

— Ну, — философски отозвался Саммю, — все мы кролики в какой-то мере. Физически замок, конечно, будет присутствовать, чтобы не было возмущения в зале, но без батарейки.

— Какого черта? — вспылил Бык. — Это же убийство!

Саммю с холодным интересом посмотрел на него.

— Не люблю слишком громкие слова, — протянул он, поднимаясь. — На арене каждый день кто-то умирает, что с того? Люди смертны, мы с вами тоже когда-нибудь отойдем в мир иной. Или у вас к этому парнишке что-то личное?

При последней фразе он многозначительно подмигнул. Бык передернулся.

— Выпустить на арену детей было идеей Ромула, — напомнил он. — Не думаю, что ему понравится ваше решение.

— Ромул велел выжимать из Колизея все, что можно, — Саммю до хруста растянул мышцы рук. — На его смерти сейчас мы заработаем больше, чем на победе. А мальчишек в бараках пруд пруди, надо будет — возьмем другого.

— Взяли бы сразу, — недовольно буркнул Вигго из своего угла. — Как будто мало в подвалах тупого мяса. Нет, надо нормального забрать…

— А вы давайте, крутите свою музыку, — посоветовал Саммю. — Поставьте что-нибудь повеселее, чтобы зрители не расстроились и не поняли ничего. Есть там у вас какое-нибудь буги-вуги?

Вигго демонстративно отвернулся вместе с креслом и натянул наушники. Над ареной уже воспарил Язмин со своими выкриками насчет кассина, которому только тринадцать, но

энтузиазма залу это не прибавило — с гораздо большим воодушевлением встречали его противника, ромульянина Брока.

Бык достал свой бинокль, с удивлением отметив, что руки у него дрожат, как бывало при упоминании войлочного червя. Нервы пора лечить, подумал он. С другой стороны, он еще ни разу не присутствовал на заранее объявленном убийстве.

Ромульянин потрясал кулаками над головой, плечи у него были выкрашены в золото, как эполеты, на запястье болтались четки из марахсийского войлоканита, черные и пористые. Лицо было нарисованным и его выражение скорее пугало, чем вызывало симпатию. Противников провели по кругу, зал реагировал вяло. Один из зрителей пробрался вплотную к ограждению за «каретой», где была низкая дверца, и норовил заглянуть внутрь. Мальчишку Бык видел расплывчато — тот неподвижно стоял в середине своего защитного каркаса. Трель возвестила начало боя, над ареной грянула развеселая «Lucky, lucky, lucky me…».

Брок двинулся к своей жертве, выставив вперед руки, под ухарский мотивчик это выглядело пародией на зомби, в зале засмеялись. Хлипкий заборчик андроида не остановил, тот смял его ногами и немного попрыгал на останках. После этого он снова двинулся к цели. Если считать от вытянутых рук, то до «кареты» ему оставалось всего три метра.

Lucky, lucky, lucky me!

You can kiss your worries goodbye.

Life`s a chuckle and Lady Luck`ll

Make you as lucky as I

Наверное, и мальчишка уже понял, что замок отключен, потому что внутри своего «кокона» сел спиной к стене и обхватил колени ладонями. Руки андроида вцепились в дверцу, сорвали ее с петель (легко устранимая неполадка, разрешенная ради зрелищности), с ревом отбросили в сторону вместе с бесполезным замком. Поскольку жертва не выходила, андроид еще немного поработал на публику: пошатал карету, чтобы выкинуть противника наружу. Зал пошел присвистом, тощий парнишка, торчавший у самого ограждения, пытался рукой коснуться кареты, чтобы в каком-то смысле помочь андроиду. Бык решил, что тот поставил на Брока, причем явно последнее.

Lucky, lucky, lucky me!

I'm a lucky son of a gun.

I sleep eight hours, I work eight hours.

That leaves eight hours for fun.

Андроид, не дождавшись своего противника, решил сам влезть внутрь «кареты». Он нагнул белую голову, просунул ее

внутрь и так почему-то застыл. Со стороны это производило впечатление, что внутри у противников идет какая-то беседа, благо в песне тоже шел речитативный дуэт, но пальцы ромульянина при этом ожесточенно скребли крышу кареты. А потом случилось странное — Брок попятился, отступил, поднял руки вверх, выгнулся назад дугой и встал на мостик. Зал затих, многие привстали со своих мест, и только песня продолжала надрываться из всех динамиков.

Lucky, lucky, lucky me!

Even though I haven`t a dime

I laugh and play in carefree way

And I have a heck of time.

Из мостика искин, перебирая руками, прошел под собственную спину как очень ловкий гимнаст, его голова оказалась под его собственными лопатками, и после этого он согнул руки. Пластиковые позвонки шеи, на которые всем весом опустилось тело, хрустнули так, что это было слышно даже в комментаторской. Андроид приподнялся, выставил руку в направлении «кареты», но не успел схватить выглянувшую наружу добычу, как снова повторил тот же самый трюк — ломание собственной шеи. Мальчик снял с агонизирующей механической руки браслет и сжал в кулаке — кассинская традиция брать у поверженных противников что-то из предметов личной идентификации. Зрители неистово орали, держа палец вниз — требовали прикончить противника.

— Твою мать! — рявкнул Саммю, отбрасывая стул. — Скажите Шаману, пусть прекратит бой, мы сейчас потеряем андроида. Сукин сын! Остановите его кто-нибудь!

Один из дикторов, бледный как смерть, умчался в направлении каморки Шамана. Бык бегом спустился к арене, оттолкнул тощего болельщика от дверцы, сам ворвался в «карету», выволок мальчишку наружу и быстро вздернул его руку вверх, потому что Язмин застыл как изваяние в своей подвесной бочке. По какой-то странной причине песня не сменилась победным «We are the champions…», а началась сначала. Свет через пару секунд погас — электричество вырубили вместе со всеми установками, наступила тишина, наполненная воплями зала. Униформисты с аварийными фонариками на лацканах вывели их обоих с арены. Искина тоже вытащили, и Быку вдруг вспомнилась, что Старуха и мальчишка живут в одном бараке. Что из этого должно вытекать, он не успел решить, свет опять появился, по рядам потекла раздача бесплатных напитков, отвлекающая внимание, музыка уже была каким-то вальсом, успокаивающим нервы.

В комментаторскую Саммю вошел с кофе, но Бык выдернул у него стаканчик и без возражений сунул мальчишке. Тот перехватил картонный стакан белыми пальцами, отвернулся и прилип лбом к стеклу, рассматривая толпу. Бык встал рядом, поискал глазами противного тощего болельщика, нашел. Тот уныло сидел на скамье, скорчившись над своим бурдюком, что-то жевал и периодически опускал лицо внутрь.

— Он с тобой разговаривал? — спросил Бык, указывая на парня. — Предлагал что-нибудь?

— Не, — отозвался мальчик, медленно поднося стакан к губам.

В комментаторскую ввалились Ромул и Шаман, последний выглядел возбужденно. Ромул развернул мальчика от стекла к себе так, что кофе плеснул на пол, и наклонился над ним.

— Как ты это сделал? — спросил он. — Шаман говорит, ты прошел дальше доступного кассинам меню. Откуда ты знаешь коды к нему?

— Я не знаю, — честно ответил мальчик. — Те, которые висят в бараках, знаю, остальное как-то само сделалось. Я не хотел его ломать. Не знал, что он сломается.

— Верю, — поддержал его Бык.

— Как выглядело то, что ты видел после активации чипа и входа в меню? — перебил их Шаман, дергая мальчика лицом к себе. — На что было похоже? На дерево или такую звезду со щупальцами? Розового цвета?

Мальчик торопливо кивнул головой. Шаман отпустил его и посмотрел на Ромула. Тот бросил быстрый взгляд на Саммю, который вытянулся в струнку, прислушиваясь к разговору, потом на Быка, ждавшего продолжения.

— Если это то, что я думаю, — негромко сказал Ромул, — то мы вытянули счастливый билет.

— Дрифт? — жадно спросил Саммю. — Мальчишка двух слов связать не может, мало ли что ему показалось со страху. Дерево, звезда… Мог и динозавра увидеть.

— Какая разница? — отозвался Ромул. — Андроидом он управлял не через меню, это непреложный факт. Возможно, мы просто не там искали, чипируя взрослых. На Аайю в училище дрифта берут в четырнадцать. Может быть, способности формируются именно в этом возрасте или как-то связаны с подростковым метаболизмом, или еще каким-то чертом в ступе. Выпускайте девчонку, посмотрим, повторит она это или действительно случайность.

С балкона тихо ввели Киршан, судорожно сжимающую в руках учебный электронный замок. С ней был тот самый техник,

который ее чипировал, и Бык мельком заметил, что тот странно держит ее, словно обнимает. Врач появился рядом, рука техника незаметно соскользнула с ее плеча. Осмотр мальчика не занял и минуты, но по движениям врача Бык понял, что про андроида тот уже знает.

— Lucky, lucky, lucky me, — проревел кто-то в открытую дверь из букмекерского зала, повисая на руках охраны. — Дайте я его поцелую, вашего парня! Двести кредитов — это не хрен собачий…

Охрана вытолкала его обратно и закрыла дверь.

— Иди за мной, — приказал Ромул мальчику. — Бык, вы тоже нужны.

Втроем они поднялись в кабинет, где Ромул открыл сейф, не особенно заботясь, что два свидетеля видят, как он это делает, все равно не запомнят.

— Имя есть? — спросил он мальчика.

Тот в поисках поддержки бросил взгляд на Быка.

— У него только кличка, — ответил за него тот. — Малой — он и есть Малой.

— Пусть будет Малой, — согласился Ромул. — Грамотен?

— Писарить немного умею, — мальчик, с любопытством вытянув шею, наблюдал за тем, как Ромул вытаскивает из сейфа исписанную бумагу, просматривает, возвращает обратно, откладывает нужное.

— Бык, последите за тем, что он пишет, и помогите с годом рождения, — Ромул положил образец на стол и кивком позвал мальчишку в кресло. — Это контракт и согласие на участие в боях. Сколько тебе лет на самом деле?

— Тринадцать, — с готовностью ответил мальчик.

— Пиши по образцу текст и в конце ставь свою подпись.

Мальчик взял ручку, Бык стоял над ним и смотрел, как движется его рука над листом, но помощь не потребовалась. Если тот и соврал, что умеет писать, то образец копировал в точности.

— Если это все-таки дрифт, что тогда? — не удержался Бык, видя, как Ромул затягивается и задирает голову, чтобы отправить дым к потолку.

— Свое училище, — кратко ответил Ромул.

Дальнейшее объяснять было не нужно, Бык прекрасно представлял себе, что вытекает из наличия на Марахси дрифтерского училища, конкурентного аайскому. Мальчишка закончил и в конце нарисовал вместо подписи какую-то кривую загогулину.

— Это зачем? — засмеялся Бык. — Не умеешь расписываться?

— Неа, — он воткнул ручку обратно в стакан. — А что такое бессрочный?

— Неважно, — Ромул быстро выдернул у него из-под пальцев написанное, пробежал глазами и вместе с образцом спрятал в сейф. — Иди в барак и жди, когда снова понадобишься.

Бык повел своего протеже назад. По дороге тот напевал что-то похожее на победную песню, и Бык вдруг исполнился к нему благодарностью, вспомнил, что сам-то он тоже выиграл.

У стекла комментаторской мальчик опять задержался, бросил взгляд вниз, но Киршан на арене не было, там работала другая пара, взрослый кассин и андроид, носивший доспехи в красных цветах. Он вопросительно посмотрел на Быка, тот пожал плечами — дикторы заняты, Саммю испарился, исход теперь нужно узнавать у букмекеров. Судя по тишине в зале, особенно запоминающимся выступление девочки не было, публика была спокойна и жевала фастфуд, купленный на лотках. Расстраивать мальчика Бык не стал и пообещал выяснить судьбу Киршан к следующему бою, на который того вызовут.

Глава 12. Убийство с отягчающими обстоятельствами

Когда Саммю играл в следователя, то превращался в другого человека, более холодного, более жесткого и более деятельного, чем Саммю-начальник, ленивый и благодушный. Если первые два качества Быка не беспокоили, то последнее доставляло массу неудобств: поднять ночью весь директорат и притащить к медицинскому ангару было явным перебором, даже если речь шла о таком чрезвычайном происшествии, как убийство. Правда, по отношению к андроиду такое слово было не совсем уместным.

Тело поверженного ромульянина обнаружил робот-ходунок, он же поднял тревогу, и сейчас корпус андроида с помощью его собратьев был перенесен на верстак. К голове шли трубочки от медицинских аппаратов, но зачем они отключенному андроиду, Бык спрашивать не стал, врачу виднее. Тем более что тот стоял с видом, который к расспросам не располагал. Маска ромульянина криво и неестественно смотрела в левый верхний угол помещения.

Обогреватели уже включили, но температура все равно была близка к нулю из-за выбитой двери, чьи останки валялись в коридоре, белые словно кости. Из черного провала тянуло сквозняком. Ромул в запахнутой шубе пожирал глазами Саммю, вырядившегося в пуховик на голое тело, пока тот ходил вокруг стола, периодически наклоняясь рассмотреть что-то ему одному понятное. На приличном расстоянии топтался изнывающий от холода в пижонском пальто поверх шелковой пижамы Язмин. К директорату он никаким боком не относился и оказался на месте происшествия только потому, что проводил эту ночь, как многие предыдущие ночи, в койке Саммю. Сам Бык успел натянуть только теплую толстовку, не подумав, что стоять придется в холодном ангаре. Слава богу, один из обогревателей оказался прямо за его спиной.

Закончив с осмотром механического тела, Саммю потребовал вытащить прожектор в коридор и сгинул там вместе с ним, пока остальные молча переглядывались. А когда вернулся, продемонстрировал свою добычу: грубо простеганную войлочную сумку самодельного происхождения, набитую чем-то мягким. Ее лямка, тоже войлочная и самодельная, был захватана окровавленными пальцами.

— Валялась метрах в двадцати отсюда, — сказал Саммю, спуская капюшон пуховика назад. — Похоже, один из наших

доблестных чипоносцев пустился ночью в бега или планировал сделать это до встречи с андроидом.

— А после встречи, вероятно, даже сделал, поскольку трупа вы не нашли, — съехидничал врач, не отрываясь от своих трубок. — Гениально.

Саммю не смутился, напротив, снисходительно кивнул головой, словно принял комплимент, и, похоже, нажил этим себе окончательного врага: врач стянул губы в полосу и замолчал.

— Это всё? — раздраженно спросил его Ромул, не замечавший таких тонкостей. — А дальше? Что тут вообще произошло?

Саммю взялся за ручку лампы и спустил ее пониже к верстаку, оказавшись единственным человеком в круге света, остальное помещение погрузилось в полумрак. В низком электрическом освещении полипластовый панцирь андроида выглядел сияющими ангельскими доспехами.

— Давайте рассуждать логически, чтобы восстановить картину событий в целом, — предложил Саммю. — Повреждения, которые получил андроид, слишком значительны, чтобы продолжать функционировать. Насколько я вижу, нарушена главная транспортная магистраль, повреждено снабжение мозга кислородом, по-простому говоря — ему свернули шею. Следовательно, причина смерти робота вопросов не вызывает. Так?

Он обвел глазами темные фигуры слушателей и удовлетворенно кивнул.

— Если вы помните, андроида я велел оставить здесь включенным, чтобы поймать вора, крадущего препараты из медотсека, — продолжил он. — Он торчал здесь с момента, когда получил задание, на арене не выступал и с кассинами не сражался. Это к вопросу о мести со стороны владельца сумки, она отпадает. К тому же по некоторым признакам это не кассин напал на робота, а наоборот. Нападай человек первым, он спрятал бы свое имущество подальше или пришел бы без него, но в любом случае как-то подготовился, чтобы понести минимальные потери. Но он пришел с сумкой, если верить следам крови на ней, был травмирован и убежал так быстро, что не успел ее забрать. Или не захотел.

— То есть все-таки вор, раз андроид напал? — уточнил Ромул. — И сумка была нужна для препаратов?

— Нет, — Саммю покачал головой. — Сумку я нашел там же, где нашего андроида настигла смерть, парой метров дальше. Сунься он в медотсек, сумка осталась бы валяться здесь.

— Даже если андроид напал первым, кассин его все равно

убил, что помешало ему забрать сумку? — опять не удержался врач. — Почему надо убегать, бросив вещи, если твой противник мертв?

Саммю запрыгнул на край верстака, небрежно сдвинул пластиковые ноги в фальшивых ботинках в сторону — благоговение перед покойниками любого сорта ему явно было чуждо.

— Хороший вопрос, — сказал он, глядя почему-то на Быка, который ничего не спрашивал. — На любой планете в цивилизованной полиции это поколебало бы всю версию вроде моей. Да, почему-то бросил сумку и убежал, когда опасность уже миновала, логики нет. В таких случаях помогает психологический портрет жертвы, так что давайте и мы попробуем. Что это у нас тут?

Саммю вытряхнул из сумки сверток, в котором обнаружилась большая кучка обрезков того желе, которое поступало в кассинские бараки в качестве питания.

— Как видите, запасы для дальней дороги, — он бросил тряпку с раскисшими обрезками на всеобщее обозрение прямо на грудь андроиду. — На таком количестве можно продержаться несколько дней, если не быть слишком требовательным. Куда он собирался — теперь уже не выясним, но отработав как минимум один бой на арене и оставшись в живых, он рванул куда глаза глядят, прихватив порции товарищей по камере. Причем не украл, на это я обращаю ваше особенное внимание. Украсть можно одну обрезь, две от силы, если владелец отвернется, а тут, похоже, скинулся весь барак.

— Передумал быть гладиатором? — Язмин подступил ближе к верстаку, чтобы поближе разглядеть то, что едят кассины. — Струсил?

— Именно, — подтвердил его догадку Саммю. — Есть такой сорт кассинов, который я называю скучными. Вроде и справляются, но не зрелищно, публика не запоминает их имена, ставки на них низкие, бонусов от хозяев никаких. А любой следующий бой может стать последним, мы это не никогда скрываем, и все кассины об этом знают. Но одно дело теория, другое дело практика. Видимо, жить он хотел больше, чем добывать славу в Колизее, вот и дал деру.

— Плохо, что вместе с чипом, — заметил Бык, взглянув на мрачного Ромула. — Мы ведь рассчитывали, что они будут живыми сейфами, а получается, любой из них может унести его с собой. И не нужно покупать кассина, достаточно его сманить и дождаться где-нибудь в катакомбах.

Саммю изобразил саркастическую усмешку, относившуюся к

идее «живых сейфов», которая принадлежала Ромулу, а не ему, но вслух ничего не сказал. Ромул со злостью смахнул сверток с желе в мусорное ведро за верстаком.

— С этого дня наблюдать за коридорами днем и ночью, — приказал он. — Чтобы ни один из моих чипов больше не покинул барак без ведома. Вот же скоты, никакого добра не помнят.

— Но почему же андроид напал? — снова подал голос Бык. — Если кассин не заходил украсть и вообще шел мимо?

— Это второй хороший вопрос, он тоже очень интересный, — кивнул Саммю. — Если вы обратили внимание на дверь, то она снесена с петель изнутри наружу. Кто-то отключил замок, и андроид просто механически ее вынес с запредельной силой. На это они способны только тогда, когда одержимы выполнением задачи.

— Какой?

— Той же, с которой на арене они крушат сетки и перегородки — добраться до врага физически и уничтожить его.

— Вы говорили, что настройки андроида должны были только задержать вора, чтобы потом провести воспитательную работу, — вспомнил Бык.

— Говорил, — согласился Саммю. — Но выставлял их наш обожаемый герр доктор, его и нужно спросить, что он там выставил. Может быть, мотив мести стоит приписать не кассинам, а кому-то другому.

Все глаза обернулись к врачу, которого просто перекорежило от обращения «герр».

— Я не приказывал андроиду убить, если вы об этом, — вспыхнул он. — Настройки выставлялись с целью захватить вора, временно лишить его сознания удушением, чтобы тот не использовал чип, и поднять тревогу. Простейшая полицейская задача, с которой ромульяне справлялись даже на заводе.

— Почему же не справился? — рявкнул Ромул. — Вместо того, чтобы задержать мерзавца, головы лишился, а мы — дорогого имущества!

— Что вы хотите от меня услышать? — тоже взвился врач. — Что я настраиваю и выпускаю андроидов на охоту за кассинами? В качестве мести за то, что эти ублюдки делают с ними на арене? Полная непроходимая чушь! Неужели непонятно, что если андроид вырвался и напал на прохожего, то только потому, что ему это приказали!

— То есть кассин приказал ему из-за двери убить себя? — перестав сдерживаться, заорал на него Ромул, уставший от загадок в холодном помещении. — Тот самый, который драпал от арены с его собратьями, сверкая пятками? Решил нервишки

пощекотать напоследок?

— Он не единственный кассин в ваших проклятых подвалах! Этот драпал, а другой — нет. Кто-то другой с вашим проклятым чипом приперся сюда ночью, открыл замок, вызвал андроида на поединок в коридор, а когда тот выломал дверь, появился второй идиот с сумкой. И робот не стал разбираться, кто есть кто, если они оба кассины! Это, надеюсь, ясно?

В ангаре наступила гробовая тишина. Саммю утешительно похлопал врача по плечу, но тот стряхнул его руку с себя и отошел проверить трубки, подводящие жидкость к голове андроида. Язмин отступил в темноту, скрючился над каким-то ящиком, дрожащими руками сделал себе дорожку с помощью кредитной карты и втянул спасительный порошок. Ромул барабанил пальцами по верстаку, не произнося ни слова, Саммю тоже молча и неподвижно смотрел перед собой расширенными зрачками.

— Может быть, Шаман проанализирует данные андроида? — нарушил затянувшуюся тишину Бык. — Если его вынудили на бой, должны были остаться какие-то следы в архиве команд. Просто чтобы убедиться, что все так и было.

— Да, — отрывисто сказал Ромул, глядя на врача с некоторым извинением. — Пусть идет сюда с аппаратурой и сейчас же приступает. Но кто все-таки уничтожил андроида?

— Никто, — ответил Саммю, отправляя Шаману сообщение со своего пада. — Робот убил себя сам.

— Что за бред? — снова начал заводиться Ромул. — Как это сам?

— Совершил акт самоубийства, когда понял свою ошибку, — ни к селу, ни к городу ляпнул из своего угла блаженный Язмин, у которого начался приход. — Как самураи делают харакири от стыда. А что, у них же человеческий мозг.

Как ни траурно выглядела ситуация в целом, но Саммю расхохотался, и даже врач разжал губы, чтобы улыбнуться такой наивности.

— Нет, мой бедный петушок, — сказал Саммю, спрыгивая с верстака и подходя к Язмину, чтобы похлопать по щеке покровительственным жестом. — Дело не в этом. Жестянка останется жестянкой, лишенной эмоций, как ни крути ее мозги в мясорубке. Он действительно сломал себя сам, но только потому, что ему это приказали. Человеку свернуть голову андроиду не под силу, но вот сам он вполне способен выполнить приказ относительно своих частей тела. Кстати, мы уже видели такое однажды. Помните, Ромул? Вы были страшно недовольны.

В лице Ромула блеснуло понимание.

— Черт, Саммю, а ведь вы правы! Из какого барака была та баба? Старуха?

— Сто пятый, — разжал губы врач.

— Понятно, — Ромул раздул ноздри. — Установите камеры в коридоре напротив и внутри сто пятой на запись. Чтобы велась круглосуточно и не уничтожалась, пока я ее не посмотрю.

— Будет сделано, — шутливо отозвался Саммю.

Врач тем временем придвинул к верстаку тележку с инструментом, чтобы заняться туловищем андроида, и вдруг яростно выругался. На обращенные к нему взгляды показал тряпицу с узкими карманами, из которых торчали лезвия. Один из карманов оказался пустым.

— У меня украли инструмент, — громко заявил он. — Здесь был скальпель.

Ромул посмотрел на Саммю, но тот только руками развел — когда весь ангар стоит нараспашку, одному пропавшему скальпелю можно только порадоваться. Врач сжал губы и снова нагнулся над грудью ромульянина, пинцетом выдергивая какое-то крепление. Бык придвинулся к Саммю поближе и тихонько спросил:

— Думаете, это Старуха? Зачем ей?

— Не думаю, что она, — так же тихо отозвался Саммю, наблюдая за действиями врача. — Ромульян ей хватает и на арене. Но кассины в ожидании боев вечно толкутся у нас в комнате, кто-то мог увидеть, как Старуха расправляется с андроидами, и попробовать ее метод.

— И придти сюда ночью потренироваться в убийстве? — поразился Бык. — В полной темноте один на один с андроидом? Поразительное присутствие духа.

— Возможно, он не планировал именно убийство, но вмешался этот бегун, и выбора не осталось. Талантливый засранец. И хладнокровный. Но у нас, дорогой Бык, назревает проблема побольше.

— Какая?

Саммю не ответил. Появившийся в дверях сонный Шаман, которого тоже выдернули из постели, прошел к верстаку, расположился в ногах у робота и начал разбирать свое оборудование. Оно состояло из чемодана, набитого электроникой, и портативного раскладного холоэкрана. Бык подумал, что в отношении к людям врач и Шаман имеют очень много общего. Является ли это следствием долгого общения с техникой или же личным выбором каждого, оставалось тайной. Андроид после манипуляций Шамана частично ожил, засветился какими-то элементами внутри корпуса, поднял голову — и по

холоэкрану столбцами побежали символы. Что они значат, по лицу Шамана сказать было нельзя, к тому же тот натянул наушники. Бык снова обернулся к Саммю.

— Чтобы придти сюда даже просто потренироваться нужно было знать о включенном андроиде, — осенило его.

— Мы сами, идиоты, говорили об этом в присутствии кассинов, — сквозь зубы ответил Саммю. — И они передали это в своих камерах. Чувствуете момент? Они делятся услышанной у нас информацией между собой. Потом этот бегун. Харчи ему собрали всей камерой, значит, кассины умеют не только поддерживать беглецов и бунтарей, но и скрывать это от нас. А теперь еще и скальпель украден. Значит, как минимум у одного человека в бараке есть оружие. Это уже нечто другое.

Саммю повернул к нему свои пустоватые глаза навыкате, в которых Бык сейчас вместо решительности прочел страх.

— Тот самый уровень гражданского самосознания? — осторожно уточнил он. — У всех одновременно? Но ведь еще месяц назад все было иначе, что же изменилось за это время?

— Знать бы что, устранили бы причину, — Саммю отвернулся, прищурился, глядя куда-то в темноту. — Но сколько ни думаю об этом, не могу поймать ее.

— А этого поединщика есть шанс найти? Он мог бы пролить свет.

— Вряд ли найдем, — честно ответил Саммю. — То есть попробовать можно, но если он не дурак, то ляжет на дно. И будет вести себя тихо столько времени, сколько нам потребуется, чтобы забыть этот инцидент.

— А вы его забудете?

— Нет, — без улыбки ответил Саммю. — Теперь — нет.

В наступившей тишине ничего не слышавший Шаман стянул наушники и окинул собравшихся взглядом, не предвещавшим ничего хорошего, хотя хуже, казалось, было уже некуда.

— Мертвее мертвого, — сообщил он всем и никому конкретному. — Я еще сто раз подумал бы, прежде чем раздавать чипы направо и налево таким умельцам.

— А поточнее? — сдавленно спросил Ромул.

— Приоритет, — пояснил Шаман. — Он умеет присваивать приоритет задачам. И если он когда-нибудь прикажет андроидам взять вас за горло и вздернуть повыше, вы не сможете это отменить.

— Как насчет возможности починки?

— Активна только механика и электроника, частично управляющая оболочка, но без мозга это просто оболочка. Поскольку наполнение нам больше не поставляют, то при случае

одолжите нам с доктором какого-нибудь свежеубитого кассина, попробуем восполнить убывающие ряды ромульян своими силами. Ничего другого предложить не могу.

Не вникая в суть вопроса, Ромул рассеянно кивнул.

Глава 13. Techno band

Для повторного эксперимента установки Шамана с помощью техников вытащили из подсобки и смонтировали прямо на балконе. Снизу их видно не было, но сама техника охватывала арену и ближайшие зрительные ряды. В центре хитросплетения проводов и экранов торчало кресло, в котором восседал сам Шаман. На его лице было закреплено устройство, похожее на коробку с проводами, в которую он ударился лбом до смятой боковины, но выглядел он при этом вполне довольным жизнью.

— Зачем это? — спросил Бык у Саммю.

— Следить, — рассеяно ответил тот. — Только по внутренностям андроида можно увидеть, как все происходит на самом деле. Роботы в этом смысле вполне читаемы, а вот в отношении кусков мяса мы в темном лесу. Слова к делу не пришьешь, а эти скоты быстро соображают, что надо соврать, чтобы получить лишний кусок.

— Не верите в дрифт?

Саммю коротко засмеялся и оборвал смех, как только фигура Ромула появилась на балконе. Перекрытие вздрогнуло и слегка изменило наклон вперед, когда тот прошел к Шаману и уселся за его плечом на единственной табуретке. Остальным предлагалось устроиться на поверхностях аппаратуры за неимением другой мебели.

— Главное не дергаться, — сказал Саммю, проверяя на прочность какой-то ящик. — Боливар четверых может не выдержать, тогда мы все примем участие в шоу «мясорубка». Лично я на себя не поставлю.

Бык с опаской окинул взглядом балкон и присел на металлический цилиндр, похожий на барабан. Саммю с неизменной банкой пива опустился на усилитель, отодрал от пивной крышки колечко и жадно заглотил выступившую пену.

Пиво было хорошим, такое привозили на туристических кораблях и меняли на местную валюту — ставочные фишки различного номинала, иногда и на сувениры — войлоканитовые фигурки андроидов и людей, черные, пористые, отшлифованные до блеска. Заказом сувенирной продукции занимался Язмин, благодаря его сдобренной наркотиками фантазии лавки в Колизее давали неплохой доход, как денежный, так и натуральный. И все-таки Бык очень удивился, увидев при очередном разговоре по холосвязи точно такую же фигурку на столе Хиотиса. Было это простым подарком вежливости или игрушку нужно было считать доказательством близкой дружбы

Язмина и Хиотиса, Бык так и не решил.

Камеры, следившие за сто пятым бараком изнутри и снаружи, до сего дня не дали улик против преступника. Кассинская жизнь текла по накатанной, как и во всех прочих отсеках: постояльцы предавались бесцельной хандре, ленивым перебранкам, ныли свои малопонятные песни, из которых следовало, что любое человеческое начинание заканчивается смертью и нечего даже пробовать искушать судьбу. Депрессивные песни, одним словом. Старуха вела себя смирно, больше лежала, чем ходила, ела мало, с остальными перебросилась всего парой слов, никого особенно не выделяя, и к ней никто не лез. От нечего делать Бык немного понаблюдал и за мальчишкой.

Если бы его спросили, кривил ли он душой, называя его «сынок» и «малыш», Бык ответил бы отрицательно. Чувство было сродни симпатии одинокого человека к приблудной собаке или кошке, которым можно безбоязненно демонстрировать свою склонность — в силу умственных способностей те никогда ею не воспользуются. Но и в бараке отношение к Малому было почти теплым: кассины оживлялись, когда он к ним обращался с какой-нибудь ерундой, и опять застывали сонными изваяниями, когда диалог прекращался. В остальном он вел себя как все марахсийцы — большую часть времени валялся на лежанке, глядя в потолок. Интереса к женщинам ни в одной камере никто не проявил.

— Что вы вообще думаете о типе преступника? — спросил Бык у Саммю, пока Шаман настраивал аппаратуру и что-то ковырял в своей программе. — Должен же у вас был сформироваться его портрет? Не психологический, а физический. Сколько ему лет, как по-вашему?

— Думаю, он молод, — помедлив, отозвался Саммю. — За плечами не один бой, и не одна победа. Возможно, из тех счастливчиков, с кем мы были слишком добрыми.

— Почему? — заинтересовался Бык.

Саммю вытянул ноги на соседний ящик и закинул голову вверх, под яркий свет софитов, чем-то напоминавший солнечный.

— Владеет информацией, выходящей за границы барака — это раз. Страха перед андроидами нет, значит, видел близко, встречался и знает, что их можно победить — это два. Нас ни во что не ставит — это три. Вы замечали когда-нибудь, с каким выражением кассины последнее время смотрят на нас, когда мы их награждаем?

У Быка перед глазами встала венецианская маска, полная презрения, и он кивнул.

— Зачем же понадобилась эта ночная демонстрация? Гормоны я еще понимаю.

— Кассинские мозги — загадка, — усмехнулся Саммю. — Что в них варится — никому не известно. Но я не исключаю, что в основе этого поступка лежит треп Ромула о дрифте. Дрифтеры стоят как средних размеров планета с атмосферой, кто-то мог захотеть большего, чем быть проданным мумбайским баронам для подкручивания игровых автоматов в казино.

— Но Старуху вы по-прежнему не подозреваете?

— Преступник не баба, — жестко ответил Саммю. — Если вы, конечно, хоть немного верите моей интуиции. Мы имеем дело с мужчиной и альфой, как ни странно это звучит в отношении кассина. Но Старуху он определенно знает, раз ее приемчики хорошо изучил. Знает ли она о нем — другой вопрос.

— Можете предсказать, каким будет его следующий шаг?

— Для этого надо иметь хоть какое-то представление о его цели. А я, сколько ни думаю об этом, не могу ее понять. С обычными кассинами все просто — либо тупо выигрываешь себе еще один новый день, либо становишься самым великим кассином на арене, и тебя покупает человек из цивилизованного мира, чтобы увезти в другую жизнь. Здесь же какое-то странное самоутверждение без зрителей и цели.

— Вас это раздражает или пугает?

Саммю снова отхлебнул пива, чтобы не давать ответ сразу. Точнее, ответ у него был, и он постарался скрыть его тем, что опустошил свою банку и смял ее в кулаке так, словно ломал кому-то шею.

— Начали, — Ромул оглянулся на них со своей табуретки. — Предлагаю всем скрестить пальцы на удачу.

Бык попробовал увидеть со своего места арену, но для этого пришлось бы встать, и от этой идеи он отказался, страшно было потерять равновесие. Пришлось ограничиться трехмерным изображением андроида на экране и боковым обзором зала. Внизу заиграла начальная музыка, под которую разводили участников боя. Даже если бы Бык не знал, то по воплям зрителей, скандирующих «Lucky, lucky, lucky me…» понял бы, кто из кассинов идет зарабатывать еще один день по выражению Саммю. Цифры на табло ставок, горевшие в темноте прямо напротив его глаз, были очень и очень красивыми. Ромульянин Гор, если верить проекции на экране, был вооружен коротким, но смертоносным трезубцем, остроту которого он демонстрировал зрителям тем, что накалывал и подбрасывал вверх найденные на арене предметы. На уровень балкона то и дело взлетали резиновые игрушки, пакеты с кукурузными хлопьями, бумажные колпаки с мигающей диодной лентой по ободу, зал приветствовал его игру свистом и топаньем ног, а также криками и звуками

гуделок.

— А что у мальчишки? — с тревогой спросил Бык.

Ромул засмеялся.

— Колесо смерти. Для чистоты эксперимента.

Бык похолодел. Он видел это Колесо, шарообразную металлическую конструкцию из двух колец — одно было перпендикулярно вложено в другое и оснащено чем-то вроде ручек, за которые полагалось держаться, чтобы не выпасть на ходу. Кольца можно было вращать, если полагалось отбить оружие ромульянина, или катиться вместе с ними кубарем, если нужно было удрать, но никакой другой защиты там не было.

— Он сможет из него выбраться, если дело пойдет плохо?

— Нет. Отличный повод выложиться по максимуму.

Бык отвел взгляд от экрана с трезубцем, посмотрел в зал и остановился на тощем оборванце, которого запомнил в прошлый раз яростно тянувшимся к «карете». Сейчас тот снова торчал на скамье возле кассинского прохода. Правда, в этот раз вел себя достаточно дисциплинированно, глядя на арену остановившимся взглядом. Тряпье на нем выглядело еще более грязным и поношенным, чем в прошлый раз, но бурдюк остался набитым и пухлым. В руке он держал грошовый флажок с символикой Колизея и слабо шевелил им, когда Язмин в своем речитативе касался андроида и его несравненных побед.

— Видели его на других боях? — спросил Бык. — Того парня с рюкзаком с крайней скамьи? Тощего?

Саммю тоже вытянул шею.

— Не помню такого. А что в нем необычного?

— Да так, — Бык отвернулся, чтобы не признаваться в странной неприязни к незнакомому человеку. — На тень загробную похож.

— Ялмундец скорее всего, — Саммю взял с шеи Быка бинокль и посмотрел в него на оборванца. — Последние гроши поставил. Таких тут много ошивается, рано или поздно идут к нам просить работы.

Над ареной раздалась трель, возвещающая начало боя, после этого динамики оглушительно грянули веселыми барабаном и саксофоном. «Heck no! I don’t listen to techno, well maybe just a little but I’d never let my friends know…»

Ромульянин на экране вскинул свой трезубец и с размаху метнул его в невидимую цель. После этого его фигура начала движение, которое можно было назвать атакой, но поскольку фокус был центрирован на роботе, атака выглядела прыжками на месте. Только по движениям рук андроида можно было догадаться, что некоторый успех его действия имели. В этот

момент один из сегментов механического тела на экране загорелся красным, развернулся вложенной в общую картинку схемой, и начал набирать свечение, захватывая окружающие области.

— Карман воли, — перевел изображение на человеческий язык Шаман, поворачиваясь к зрителям своей коробкой на лице. — Единственное препятствие для входа в меню.

Андроид на экране затоптался на месте, начал махать кулаками и дергаться, зал завыл и забесновался, красное свечение тем временем сменилось на какую-то раскладку строк и символов, и Бык понял, что несмотря ни на что бой продолжается: жертвой андроида стала всего лишь часть Колеса, а не сам кассин. «One day I'll have a technoband and you're gonna be in it, one day I'll have a technoband and you're gonna be in it, one day I'll have a technoband and you're gonna be in it », — захлебывались весельем повторяющейся фразы динамики в зале. Казалось, песню опять заело и она будет повторяться бесконечно.

— Главное меню, — напряженно сказал Шаман.

— Ну, ну, — повторял Ромул, сжав волосатые кулаки до белых костяшек.

Бык помнил, что в меню простые кассины могли найти и выбрать пункт об обездвиживании противника. Он предполагал, что кнопка тоже подсветится, но вместо этого на экране произошла ротация значков и символов. Один из них вырос и заслонил собой все остальные, а потом поволок зрителей за собой в глубину новых непонятных изображений, главное из которых напоминал дерево. По стволу дерева двигалось что-то полупрозрачное, напоминающее древесный сок, поступающее из ветвей и уходящее куда-то вверх. Песня перешла в бредовый речитатив, из которого можно было понять только фразу о том, что кому-то нравится какой-то запах. В нижней ветви дерева движение «сока» замедлилось и прекратилось совсем, потом точно так же произошло с остальными.

— Что он делает? — с тревогой спросил Ромул.

— Пережимает подачу всех нейромедиаторов, кроме эндорфина, — сквозь зубы отозвался Шаман. — В эйфории мозг утратит контроль над телом.

Sliding on the wooden floors with nothing but your socks on
Works like a prozac anti-toxin.
Bobble heads bobbing…

Бык почувствовал, что рубашка у него прилипла к спине, словно он сам находился в смертельном аттракционе, где счет шел на секунды. Он мог бы посмотреть вниз, но сейчас такое действие было выше его сил. Залихватская песенка хохотала, как

умалишенная, зал единодушным хором ревел: «Разорви его! Разорви его!», но кому именно адресовались пожелания, было неясно. Тощая тень на скамейке наблюдателей была близка к обмороку, уронив голову на свой рюкзак.

— Если мы сейчас не остановим бой, андроида потеряем, — предупредил Шаман. — Можем подрубить питание, как в прошлый раз.

— Нет, — помедлив, ответил Ромул. — Пусть продолжает. Андроида потом восстановим.

Шаман пожал плечами. На экране с бешеной скоростью открывались и закрывались окна, но что в них написано, Бык прочесть не успевал, в глазах рябило, и он зажмурился, чтобы дать зрению передышку. Вой зала пульсировал в ушах как кровь, Бык зажал уши ладонями и наклонился вперед.

Тишина наступила внезапно, такая полная и оглушительная, что стали слышны лопасти вентиляторов под потолком. А потом зал просто взорвался, как гигантская человеческая кальдера. Цифры на табло начали щелкать сменой цифр и позиций, но Бык не стал ждать результата, поднялся и перегнулся вниз. Униформисты отстегивали руки мальчишки от изрядно погнутого кольца, второй обод в виде кривой восьмерки валялся под ногами ромульянина. Робот стоял неподвижно и снизу смотрел Быку прямо в глаза, сжав виски белыми руками словно картина Мунка «Крик». Бык не сразу понял, что неправильно в фигуре андроида, а когда понял, вздрогнул — голова была оторвана от тела и повернута на сто восемьдесят градусов.

Мертвее мертвого…

Тень тоже пришел в себя, яростно орал, топая ногами вместе со всеми, но рад он победе или в отчаянии от собственного краха, понять было нельзя.

Шаман развернул кресло к директорату, стянул с себя коробку и уперся локтями в колени, растирая лицо с красной полосой ладонями.

— Чтобы вы знали — при таких действиях кассин не должен быть в движении на арене ни одной минуты, — сказал он.

— То есть? — не понял Бык, растерянно оглядываясь на Ромула, который жадно вытянул вперед шею и раздул ноздри, как гончая, почуявшая кровь.

— Тело должно быть в отключке.

— Но он же не отключался?

— Вот именно, — подтвердил Шаман. — Но есть и еще кое-что, о чем вам стоит знать. Программа перехватила передачу данных между ареной и залом, одно из устройств — наш чип. Но протокол зашифрован и мне этот шифр незнаком.

Ромул побледнел.

— Это точно? — хрипло спросил он, поворачивая Шамана к себе лицом.

— Я не вчера в сниффинге. Кто именно был на втором конце, установить будет трудно, народу до дури.

— А спросить у мальчишки? — быстро предложил Саммю. — Сам он укажет человека, который выходил с ним на связь?

— Обмен информацией был на уровне устройств. В лицо персонально может и не знать. Да и не исключено, что смысл послания он не понял. Начнем трясти — выдадим себя.

— Расшифровка может установить личность?

— На расшифровку нужно время.

— У вас оно будет, — Ромул взглянул на Саммю, тот смотрел перед собой расширенными зрачками. — Никому не говорить ни слова о том, что узнали. Снимите мальчишку со всех боев. Пусть думает, что его победа — самая обычная победа, а расписание просто поменяли. Если захочет из барака прогуляться в Колизей и потереться у букмекеров — не мешайте, только следите.

— Простите, но что все это значит? — не выдержал Бык. — Я как-то не понимаю ровным счетом ничего. Он сделал то, что вы от него хотели? Это дрифт, который нам нужен? Какая тогда разница, с кем и чем он там обменивался в зале?

— Разница есть, — тяжело сказал Ромул. — У нас в зале второй дрифтер. И ему от нашего кассина что-то нужно. Мы должны грамотно подсечь рыбешку.

В словах Ромула Быку почудилось что-то личное и мстительное. Вспомнились и слова, что когда-то он встречался с Шепардом и больше повторять этот опыт не хочет. Была ли это точно такая же неудачная встреча с профессиональным дрифтером, а сейчас Ромул собирается взять реванш — спрашивать было бесполезно.

Шаман ушел распоряжаться насчет перетаскивания техники назад, Ромул тоже испарился, и Бык пожалел, что у Саммю нет лишней банки пива, сейчас она была бы кстати, язык просто присох к гортани. Тень исчез, арену убирали для нового боя, а Саммю все продолжал смотреть вниз на бурлящую толпу, думая о чем-то своем.

— Фактически свернул андроиду шею, — вдруг сказал он, оборачиваясь к Быку. — Надо же, какое совпадение…

— Вы о чем? — не понял Бык.

— Да так, — уклончиво отозвался Саммю. — Не обращайте внимания.

Глава 14. Новые горизонты

С тех пор, как камеры стали делать записи, в кабинете Ромула скопился целый архив, который директорат просматривал в ускоренном темпе. На тройной скорости кассины были куда живее и бодрее того, чем были в жизни. Они бегали, прыгали, махали руками как марионетки, пели веселенькие речитативы, доводившие Саммю и Язмина, присутствовавшего при этом, до приступов истерического хохота.

— Жаль, что в жизни им нельзя прибавить скорости, — выдавил Саммю, отсмеявшись. — Тогда шоу пользовалось бы куда большим успехом.

— Из того, что есть, мы выжали максимум, — отозвался Ромул. — Колизей приносит стабильный доход, теперь нужно подумать о будущем.

Он жестом предложил всем сесть за накрытый стол, который начал выглядеть символом грядущих перемен. На холоэкране сбоку отобразился Хиотис, сидевший со стаканом скотча в руках на шикарном диване, видимо, у себя дома. Бык задумался, почему они ни разу не видели Хиотиса в другой обстановке, кроме домашней, но пришел к выводу, что поскольку его связь с «Кассиновой» не афишируется, то и сеансы он проводит там, где абсолютно уверен в отсутствии посторонних ушей.

— Что у нас с финансами? — обратился Ромул к Хиотису.

Тот с готовностью придвинул к себе пад и отбросил в воздух столбцы цифр.

— Все старые задолженности, возникшие при строительстве Колизея, погашены, — сказал он. — Как видите по расшифровке кредиторской задолженности, ее срок не превышает тридцати дней, это хороший показатель для работающего предприятия, в основном здесь текущая расходная часть и авансирование будущих шоу, просрочки нет. Дебиторка по сравнению с ней мала и находится в стабильном состоянии, сформирована остаточной задолженностью покупателей вашего … э… товара. Меня смущает только наличный оборот «Кассиновы».

— Что с ним не так? — удивился Ромул.

Хиотис сделал вежливый жест, призывавший к спокойствию.

— Пока ничего страшного, это не запрещено законом — работать с кэшем, но серьезному предприятию нужны счета в банковских учреждениях.

— Жили как-то без них, и дальше проживем, — благодушно ответил Бык, но Ромул поморщился.

— Он прав, наш оборот со стороны выглядит

полукриминальным, а мы хотим выглядеть легальным предприятием, которому нечего скрывать.

— Близость к Мумбаям при таком наличном обороте может навести на мысль, что вы участвуете в схемах по отмыванию криминальных доходов, — пояснил Хиотис. — Эти подозрения нужно отвести, если иметь в перспективе серьезное кредитование в солидном учреждении.

— Простите? — насторожился Саммю. — Кредитование? Это что-то новенькое.

— За этим и собрались, — кивнул Ромул. — Я обращался в «Клинт и Шенье» с предварительной заявкой по вопросу кредитования и долгосрочной аренды Марахси, и вчера они ответили, что готовы рассмотреть нас при условии, что мы дадим полную информацию о текущем положении дел.

За столом стало тихо, только на заднем фоне кассинские песни напоминали бормотание: «На Марахси ночи черные, под горою ходит тень, ромульянам нужны гОрмоны, кассинам — еще один день…»

— То есть мы готовы раскрыть все карты даже с учетом некоторой специфики нашего аттракциона? — озвучил общий вопрос Саммю. — Это не будет выглядеть в их глазах социально неприемлемо?

При этом он посмотрел на Хиотиса, но тот весело отмахнулся.

— Цирковые шоу не запрещены, все участники «Кассиновы» заключают бессрочные контракты на выступления с полным содержанием и проживанием за ваш счет, — напомнил он. — Я, как вы помните, отдельно настаивал на этой части бухгалтерии, так что с точки зрения правового положения вы вне подозрений. Шоу рискованное, но все ваши кассины совершеннолетние, участвуют в боях добровольно, а несчастные случаи при несоблюдении техники безопасности бывают на любом предприятии.

— Совершеннолетние у нас далеко не все, — ляпнул Бык.

Хиотис поморщился.

— Разовые отклонения от общего правила не в счет. Но даже если и так, просто пропишите подросткам в контракте сокращенный рабочий день, никто не полезет смотреть шоу и проверять соблюдение контракта, рассмотрение документов проходит в электронном виде. Вам нужно только привести штатное расписание в соответствие с требованиями международных стандартов, деньги троим директорам без персонала никто не доверит. Врач у вас в штате есть, как я понимаю, средний медицинский персонал тоже имеется,

технических специалистов в избытке, администрация тоже вся с дипломами, так что со стороны управленцев вы выглядите цивилизованно, нужен только пролетариат. Часть прибыли придется направить в страховой фонд от несчастных случаев, а также перевести кассинов на легальное положение.

— Каким образом? — не понял Саммю. — У них не имен, ни документов.

— Имена и фамилии можете им придумать, главное — чтобы они сами их знали и отзывались на них. Документы у них никто проверять не будет, банк не комиссия по правам человека, а они не беженцы, претендующие на социальное пособие.

— А как они сейчас учитываются у нас в балансе, если нет штата? — полюбопытствовал Бык. — Это же самая затратная часть после коммунальных услуг и содержания андроидов.

— Основное стадо, — коротко ответил Хиотис. — Одна из ваших отраслей заявлена как животноводство для льгот при покупке гелевого комбикорма. Вторая — разработка программного обеспечения для систем искусственного интеллекта, а зрелищные и спортивные мероприятия — только третья.

Это определение вызывало новую смеховую истерику за столом, Язмин тоненько подвывал себе в сгиб локтя, до того это показалось ему смешным, хотя абсолютно соответствовало истине. Бык подумал, что на языке бухгалтерии некоторые вещи выглядят куда более честными, чем на страницах прессы или в устах политиков.

— Хорошо, какие наши дальнейшие действия будут правильными? — вернулся к деловым вопросам Ромул. — Чтобы после подачи заявки в банк там не начали сомневаться и не потребовали выезда на место?

— Откройте счет в любом отделении «Клинт и Шенье», и ежедневно инкассируйте туда наличную выручку за вычетом тех расходов, которые надо покрыть срочно, — ответил Хиотис. — Неудобно, но месяц-другой придется потерпеть, андеррайтеры должны видеть ваши обороты, прежде чем принять решение о рисках. Если откажут, новую заявку вы сможете подать не раньше, чем через три месяца.

— Что еще?

— Я рекомендовал бы вам избегать несчастных случаев на арене некоторое время, после того, как вы подадитесь на кредит, банк начнет следить за новостями, в которых упоминается «Кассинова», и неприятная окраска может вам повредить. Само собой, отсутствие судебных исков и претензий.

— А о какой сумме кредита идет речь? — спросил Саммю. —

Миллион, два?

— Сто сорок, — ответил Ромул.

Директорат дружно захлопнул рты, уставившись на патрона с недоверием. Хиотис от нечего делать заполнил паузу тем, что рассматривал кабинет Ромула с потолка до пола.

— Что мы будем делать с такой суммой? — спросил Бык. — Как я понимаю, речь о продаже «Кассиновы» уже не идет?

— Глупо продавать курицу, несущую золотые яйца, — Ромул налил себе в стакан виски и одним глотком отправил его в горло. — Именно за «Кассинову» нам придется держаться обеими руками и ногами, если хотим сосредоточиться на главной задаче — школе дрифта. Она потребует больших вложений прежде, чем сможет приносить доход, поэтому до этого момента расходы по кредиту возьмет на себя Колизей.

— То есть мы готовы все поставить на одну карту, даже не имея точных доказательств, что способности кассинов действительно лежат в этом направлении? — Саммю последовал примеру Ромула и тоже налил себе виски. — Не слишком ли рискованно?

— Предлагаю подумать о том, что мы получим, если достигнем успеха, — Ромул развернулся к нему всем телом, прекрасно осознавая собственную массивность в качестве аргумента. — Сейчас у нас на руках действительно полуграмотное стадо, поэтому результаты спорадические и непредсказуемые, но если кассинам дать образование, похожее на то, что дается на Аайе, прилично кормить и держать в комфортных условиях, то дрессировать их можно на износ. И цена продажи за готовую единицу будет уже совсем другая. Как и заказы на новые поставки. Аайские дрифтеры обслуживают только государственный сектор Урсулы, мы же будем удовлетворять любой спрос, если он будет иметь соответствующую цену.

— А если они у нас поумнеют и разбегутся? — ляпнул Язмин. — Сейчас им некуда бежать и они никому не нужны, но если научатся и будут в курсе, сколько они стоят? Неужели не захотят быть сами себе хозяева?

— Для этого я и прошу единоличный контроль на Марахси. Мы устроим здесь крепость, куда ни одна мышь не проскочит. Транзитный ход позволит нам иметь дело и с Мумбаями, и с Новой Викторией, избегая внимания Урсулы.

— Звучит красиво, — согласился Бык. — Но результаты у нас пока более чем скромные. Основываться на них при таких вложениях…

— В любую наукоемкую область, прежде чем что-то получить,

нужно что-то вложить, а нам сейчас вложить нечего, кроме последних штанов, — огрызнулся Ромул. — Будут деньги — будут и открытия, наймем лучших специалистов, свяжем их контрактами с хорошими суммами, и они найдут тот тормоз, который не дает нам двигаться к дрифту.

— Со стороны это выглядит идеей фикс, — заметил Саммю. — Но если «Кассинова» выдержит проценты по кредиту, почему бы и не попробовать для разнообразия такое направление? Бросить всегда можно, а то, что открыл один, может открыть и второй. Порядок и дисциплину я и сам могу навести, даже приглашать никого не потребуется, у меня все будут дышать по команде.

Ромул посмотрел на него с благодарностью, Язмин — с каким-то обожанием.

— А как все это делается? — Бык обернулся к Хиотису. — Если нам одобряют заявку на сто сорок миллионов кредитов, как мы их получим? Одной суммой на счет?

— Конечно, нет, — снисходительно отозвался тот. — Так делается только в случае малого кредитования, а ваша цифра относится к среднему. Вы представляете им бизнес-план, и каждый этап кредитуется отдельным траншем при наличии отчетности по предыдущему использованию денежных средств.

— То есть банк будет контролировать нашу школу? — насторожился Ромул.

— Не саму школу, а расходование средств на ее организацию, как это было у вас при строительстве завода по франшизе.

Ромул расслабился. При строительстве завода они с Быком неплохо нагрели руки, налепив подставных смет и актов от подрядчиков, собственно, это и позволило им стать учредителями «Кассиновы», когда завод рухнул. Если банк смотрит на эти вещи точно так же поверхностно и бюрократически, то им ничто не грозит.

— Придется в бизнес-плане раскрывать назначение школы, — вступил Саммю. — Как главный викторианский банк отнесется к тому, что на жалком Марахси собираются сделать то, что не удалось Новой Виктории со всей ее конницей и ратью? Не посчитают нашу идею бредовой?

— Хороший вопрос, — одобрил Хиотис. — Такая вероятность не исключена.

— То есть и денег не получим, и карты раскроем? — Бык не удержался от того, чтобы достать сигарету, разговор его слишком нервировал. — Не лучше ли тогда остаться никому не интересным коммерческим предприятием, имеющим свой стабильный кусок пирога на пустом планетоиде? Зато никто не

полезет к нам со своими проверками, а дрифтом можно заниматься параллельно. Птица в руках стоит двух в кустах.

Ромул обратил свой взгляд на Хиотиса, остальные последовали его примеру, словно бухгалтер «Кассиновы» мог иметь какое-то влияние на банкирский дом «Клинт и Шенье».

— Для того, чтобы банк однозначно принял решение в вашу пользу необходимо поручительство, — нейтрально сказал Хиотис, покручивая в пальцах стилус от пада. — Либо залог на сумму кредита.

— Так я и знал, — брякнул Язмин. — Бесплатный сыр только в мышеловках.

— В этом нет ничего страшного, — успокоил его Хиотис. — Если вы действительно планируете извлечь из полученных денег прибыль, то с залога снимут обременение по окончании кредитования.

— Нам нечего заложить на такую сумму, — покачал головой Ромул. — Марахси пуст, как старый шурф, Колизей даже в самой лучшей оценке не даст и трети этой суммы. Как делается с поручительством?

— Поручительство бывает разным, — уклончиво ответил Хиотис. — Если у вас есть знакомства среди бизнесменов или членов парламента Новой Виктории…

— Откуда им взяться? — грубо прервал его Ромул. — Наш контингент клиентов даже жрет не каждый день.

— …значит, следует обратиться к тому, у кого они есть, и предложить определенную комиссию за поручительство, — закончил свою мысль Хиотис. — Поскольку я выступаю вашим посредником, то могу озвучить ваше предложение нескольким людям, к чьим словам банкирский дом прислушается. Если кто-то заинтересуется проектом, я сведу вас для обсуждения деталей сделки. Но для этого мне нужно единогласное разрешение и одобрение.

Бык затушил окурок в массивной пепельнице на столе Ромула и вернулся за общий стол с больной головой и неприятным чувством близкого конца. Количество посторонних людей, которых требовалось вовлечь в дело, огромные обязательства, которые Ромул собирался повесить на Колизей, неясные перспективы дрифта, в котором никто из них не разбирался — все вместе наводило на него тоску и уныние не хуже кассинских.

— Мне не нравится эта идея, — честно сказал он. — Левый политик, которого мы в глаза не видали, вдруг с какого-то перепугу захочет вступиться за нас, чтобы мы тут осваивали дрифт в свое удовольствие, попутно торгуя гладиаторами?

— А чем, по-вашему, политики зарабатывают свои капиталы к

выходу в отставку? — рассмеялся Хиотис. — Хотя есть сегмент, который действительно решает проблемы экологии и защиты бездомных, но он живет на жалованье от Сената, а человек, которого я имел в виду, относится к первому пункту списка. В силу высокого положения процент за его поручительство будет немаленьким, но за ним вы будете как за каменной стеной.

Ромул с сомнением поскреб подбородок, взглянул на Саммю, потом на Быка.

— Что скажете, господа? — спросил он. — Кто за предложение мистера Хиотиса о поручителе? До сих пор нас его советы ни разу не подводили.

Подумав, Бык поднял руку — если Ромул вбил что-то в голову, он не отступится от этой идеи. А если уж, чем черт не шутит, им и вправду повезет, то лучше быть к удаче поближе. Саммю тоже поднял палец вверх, и следом за ним жест повторил Язмин, которого вообще никто не спрашивал в силу отсутствия акций.

— Выпьем за будущее, — весело предложил Хиотис, поднимая свой стакан. — Можно сделать музыку погромче? В честь праздника?

Саммю увеличил экран, на котором кассины тянули что-то относительно бодрое про украденную королеву, и вернул записи нормальную скорость. Стаканы сошлись вместе со звоном, после которого Ромул обернулся к Хиотису, чтобы символически поднять бокал и с ним, но увидел, что тот остановившимся взглядом смотрит за спины собравшегося директората. Ромул тоже обернулся в том направлении — ничего кроме барачного быта экран не транслировал.

— В чем дело? — спросил он Хиотиса. — Что-то не так?

Тот очнулся, кивком указал на экран.

— Кто эти люди?

— Кассины сто пятой камеры, — фыркнул Саммю. — Вы поклонник марахсийского вокала? Могу сделать вам копию частным порядком.

— Да, пожалуйста, — засмеялся Хиотис. — Интересно будет посмотреть на них поближе в естественной среде обитания.

— Себе купить кассина не хотите?

— Я обязательно подумаю.

Глаза Хиотиса сошлись в узкие смеховые щели, почему-то напомнившие Быку взгляд ромульянина, он еще некоторое время посмотрел на экран и вернулся к застольной компании, не задавая больше никаких вопросов.

Глава 15. Пополнение оборотных средств

Все пять камер, наблюдавшие за бараком четырьмя глазами из каждого угла внутри и одним — снаружи, были выведены теперь на мониторы в отдельном помещении, который Саммю стал называть своим кабинетом. Раньше в помещении хранился всякий скарб, но его расчистили после приказа Ромула, и Саммю там практически поселился.

Помещение примыкало к комментаторской довольно темным закутком, отделенным от основного зала перегородкой, средняя часть которого состояла из прозрачной ленты. Других окон в помещении не было, свет поступал только от экранов, да еще от небольшого спота на потолке. Бык, начиная смену администратора, заглянул к нему поздороваться, но Саммю торопливым жестом позвал его к себе.

— У нас тут кое-что новенькое, — глаза Саммю в полумраке блестели так, словно он только что нюхнул кокаина вместе с Язмином. — Посмотрите-ка сюда!

Бык послушно опустил глаза к записи, но ничего особенного на экране не увидел.

— Старуха вышла в коридор? Это я ее только что вызвал, она в сетке на вторую половину дня. Кассинов лучше пригонять заранее, мало ли предыдущие бои закончатся досрочно. Пусть лучше сидят всей кучей в предбаннике, чем заставляют публику ждать и нервничать.

— Мальчишку вы тоже вызывали?

Теперь Бык обратил внимание, что Старуха у дверей камеры не одна. Запись в этот момент показывала, как Малой обращается к Старухе с какой-то просьбой, та отрицательно качает головой, он настаивает, разговор становится более эмоциональным, но согласие Старуха так и не дает, уходит следом за появившимся ходунком, оставляя мальчишку у двери в одиночестве. Звук за пределами барака не записывался, поэтому о сути диалога можно было только догадываться.

— Видимо, хотел посмотреть ее бой, а она не согласилась, — неуверенно предположил качающийся на стуле Язмин.

— Мог бы спросить об этом в бараке, — Саммю посмотрел на него глазами холоднее космического льда. — Это логичнее, чем вылезать за дверь, зная, что она закроется на неопределенное количество времени. Или речь шла о чем-то другом, не предназначенном для чужих ушей.

— Какую логику вы ждете от марахсийцев? — добродушно отшутился Бык. — Они с ней рядом не стояли. Сообразит, что свалял дурака и сядет под дверью ждать первого, кто вернется в барак. Не вижу ничего криминального.

Он взглянул на экран и крякнул — Малой развернулся от закрывшихся дверей камеры и пошел в противоположном Колизею направлении.

— Очень интересно, — сладко пропел Саммю, оглядываясь на Быка. — Малыш решил прогуляться в одиночестве. Что скажете?

— Куда он? — насторожился Язмин.

— Понятия не имею, — ответил Бык. — Может, решил к соседям заглянуть на огонек, поболтать с ними через дверь, чтобы не так скучно было ждать.

— А давайте пари? — вдруг хищно предложил Саммю, разворачиваясь к Быку. — Он идет не к соседней двери.

— Хорошо, — покладисто согласился Бык. — Ставлю, что если не к соседней, так через одну или две. Сто кредитов.

— Ого, — шмыгнув носом, засмеялся Язмин, принимая от Быка и Саммю купюры. — Серьезные ставки на Малого входят в традицию?

Саммю ничего не ответил, потому что в кабинет вошел врач, бросил мельком взгляд на повтор куска записи со Старухой и Малым, неодобрительно покачал головой.

— Опять ваш драгоценный фаворит за бабой бегает? — ядовито прокомментировал он, распаковывая саквояж. — Говорил же, что ему самое время на стерилизацию.

— Что значит опять? — насторожился Саммю.

— А вы не видели, как он на нее пялился во время осмотра? — врач поджал губы. — При вас дело было. Детским такой взгляд не назовешь, интерес был вполне определенный и выраженный.

— Не в двенадцать лет, — поморщился Бык.

— Кажется, в контракте написано, что ему четырнадцатый год, — усмехнулся врач. — А со Старухой у них особые отношения, я как-то видел, что она ночью к нему в койку забралась.

— То есть? — напрягся Саммю. — Что значит в койку?

— Не совсем в койку, — вынужденно поправился врач, сообразивший, что в таком контексте его слова выглядят недонесением на преступника. — Села на его лежанку, но это совершенно точно. Ни к одному из кассинов своего барака она так близко никогда не подходила, тем более ночью и в полураздетом виде.

— Она была раздета? Насколько?

— Если бы это происходило в цивилизованном месте, я

сказал бы, что до белья, но в их тряпье сам черт ногу сломит. Голой она не была, если вас это интересует.

— И что дальше?

— Ничего. Иначе я поднял бы тревогу.

— Попытки лезть к ней он не делал? Или она к нему? Или…

— Нет.

— Нос не дорос, — хихикнул Язмин, неоправданно близко притираясь к Саммю. — Иначе не упустил бы такой случай, гормоны отключают мозг.

— Только если их принудительно не подавляют другие гормоны, — неприязненно ответил ему врач.

Саммю вдруг бросил на него короткий взгляд и забарабанил пальцами по столу, на котором был закреплен монитор. Врач раскладывал на подсобной поверхности свои инструменты и препараты — в досягаемости кассинов больше ничего не держали, и кабинет использовался еще и как временный медицинский склад. Камеры продолжали транслировать пустой коридор возле сто пятого барака. Саммю одарил Быка говорящим взглядом, но тот его проигнорировал — праздновать победу было еще рано, расстояние между бараками было приличным.

В комментаторскую из люка поднялась Старуха, приковав к себе всеобщее внимание. Ни на кого ни глядя, она прошуршала многослойными юбками к дальней стене, возле которой уже сидели четверо кассинов, и присоединилась к ним в ожидании своей очереди на арену, глядя перед собой и чему-то загадочно улыбаясь. Сегодня ее красота показалась Быку что-то уж совсем ослепительной.

— Вот он, — вдруг сказал Саммю, разворачивая экран. — Смотрите сюда, это камера на спуске с жилого этажа. Далековато от второй двери, не правда ли? И даже от третьей.

Он говорил это дружелюбно, но интонация не получалась, никак не хотела маскировать выражение, которое застыло на лице, азартное и жадное. Бык вздохнул — опять на начальника безопасности нашла волна следователя, нужно просто переждать.

— Заблудился в темноте, в переходах света нет, вот и свернул не туда. Сообразит и вернется.

Не дожидаясь ответа, Бык вышел из кабинета и подошел к Старухе.

— Славьтесь, повелители, — привычно прогудели кассины, не делая никаких попыток подняться, но Бык не обратил на это внимание.

— Зачем мальчишка выходил с тобой? — спросил он Старуху.

Подведенные глаза уставились на него снизу вверх со скрытой усмешкой.

— Скудова мне знат, — певуче отозвалась она, словно вопрос не застал ее врасплох, а она готовилась к нему. — Я ему грю — не ходь за мной, тя не велено брать, он и отстал. Мож, хотел ромульяни позмотреть, мож скушно стало, всеж пцан малой ущо.

Бык невольно усмехнулся — лицо Саммю, нарисовавшегося рядом послушать их разговор, свидетельствовало о том, что не такого ответа он ждал. Старуху это, казалось, насмешило, она замолчала, сложив рот в полуулыбку, которая не слишком подходила к маске равнодушия. Саммю не стал задавать никаких вопросов, напротив, протянул ей открытую банку с пивом — знак величайшего расположения со стороны хозяев, который оценили все сидевшие у стены. Кассинам спиртное не разрешалось, но до начала послеобеденной программы было еще много времени, и Бык решил, что одна банка некрепкого пива ей не повредит. Видимо, Саммю рассчитывал, что алкоголь развяжет ей язык, но Старуха опустошила жестянку несколькими глотками, бросила ее в ящик для мусора под своим локтем, а маска так и осталась маской.

В кабинете Саммю снова запрыгнул в свое кресло и защелкал переключателями, поочередно подавая на самый большой экран изображения всех камер, установленных в жилом коридоре. Каждая из них транслировала пустоту.

Бык рассеянно следил за его действиями, раздумывая, что бы он делал сам, заблудись в темных непонятных переходах, и пришел к выводу, что кричал бы и звал на помощь, пока кто-нибудь не услышит. Может быть, мальчишка тоже кричит, но без звука это не услышишь. Не заблудился бы он окончательно, Ромул с них головы снимет.

Неожиданно вспыхнул экран, на котором изображение было ярким и разноцветным. Бык подумал, что камера вышла из строя, до того привык к монохромным изображениям.

— Тепловизор, — коротко объяснил Саммю.

Бык поднялся и навис у него над плечом, уперев кулак в стол. Изображение на экране было расплывчатым и колеблющимся, напоминало какую-то игровую комнату для пряток, в которой ребенок находился в темноте в окружении слабо светящихся синих прямоугольников с яркой белой серединой. Прямоугольников было много, некоторые из них висели прямо над головой мальчишки, но он их не видел, зато они переливались, как игрушки на елке.

— Где это он?

Саммю усмехнулся.

— Мастерская по восстановлению андроидов, двумя этажами ниже от камеры, где ему положено быть. Пришел прямым ходом,

нигде не задерживаясь и не сворачивая.

— Думаете, у него есть карта? — удивился Бык.

— Либо карта, либо кто-то подсказал ему дорогу. Любопытный у нас малыш, оказывается.

— Какой толк в подсказках при кромешной темноте?

— А вот темнота ему почему-то не помеха, — задумчиво сказал Саммю. — Даже странно.

— Что ему нужно в этой мастерской? — Бык придвинулся к экрану поближе. — Так выглядят андроиды во время ремонта? Я думал, они холодные, если и нагреваются, то фрагментарно.

Саммю засмеялся.

— Не совсем андроиды, если быть откровенным. Это те самые восстановленные единицы, которыми занимаются Шаман и наш герр доктор, чтобы Колизей работал бесперебойно. Корпуса от испорченных ромульян, начинка — уже наша.

— Что это значит — наша? — не понял Бык. — Что у них внутри?

— Правильнее спросить — «кто».

Бык развернул его кресло лицом к себе.

— В каком смысле?

— Бросьте, — поморщился Саммю, отталкивая его обратно на стул. — Вы прекрасно слышали, что Ромул сказал в медотсеке Шаману, когда мы нашли мертвого андроида. Слышали ведь?

— Да, но я не думал… — Бык сбился, опять посмотрел на экран и понял, что его тошнит. — Там что, живые люди?

— Очень и очень условно. Когда андроиды убивают кассинов на арене, нервная система продолжает функционировать еще какое-то время, включая мозг. Это то, чего нам не хватает для безотходного производства андроидов. В какой-то мере тут и закон справедливости, зуб за зуб. Помните еще Библию?

Бык не нашел, что ответить, глаза невольно продолжали возвращаться к экрану, и теплые бруски обрели другой, тошнотворный смысл. Саммю достал сигареты и предложил Быку, тот жадно ухватился за предложенную пачку, свои остались на диване вместе с зажигалкой.

— Формально все эти штуки проделываются с трупами, — постарался исправить гнетущее впечатление Саммю. — Юридически мы не используем живых людей, сначала констатируется смерть. А потом уже идет спасение нужного и ампутация лишнего. Но адаптация у некоторых проходит тяжело, поэтому мы их и держим на отшибе, был тут случай, когда восстановленные единицы вырвались и напали на прохожих, к счастью, на таких же кассинов, как они сами. Как-нибудь покажу вам снимки, что они сделали со своими бывшими коллегами, вам

понравится.

Бык очень сомневался, что увиденное ему понравится, более того, в нем возникло чрезвычайно сильное желание сесть на первый попавший корабль и отбыть с Марахси в любом направлении. Саммю сочувственно похлопал его по плечу.

— Если иметь в перспективе такой кредит, о котором говорил Ромул, у нас просто нет другого выхода, изношенные оборотные фонды надо чем-то пополнять, желательно дешево, а что может быть дешевле человеческой жизни? Отнеситесь к этому как к трансплантации почки. В данном случае что почка, что мозг — просто органы от мертвого тела.

— Они помнят свое прошлое?

— Не долго, это все уходит из памяти очень быстро, мозг становится биологическим придатком машины, как протезы становятся механическими придатками человека. Программная оболочка берет его под свое управление, навязывает модели, а он сживается с новым телом, и дальше они ничем не отличаются от обычных ромульян на арене.

— То есть на арене кассины сражаются против кассинов?

— Иногда, — засмеялся Саммю.

Бык снова посмотрел на экран — после услышанного ему казалось, что мальчишка давно убежал в ужасе, но тот продолжал стоять на месте. Один из прямоугольников находился прямо у него перед глазами, периодически изменял свою окраску, и цвета тела у мальчишки тоже синхронно менялся. Но если прямоугольник светился довольно ровным светом, то человеческий спектр стремительно приближался к белому.

— Это страх, — с каким-то удовольствием пояснил Саммю. — Пульс учащается, в кровь поступает адреналин, повышающий давление. Ему чертовски страшно. Он уже понял, куда попал и что видит.

— Почему не уходит оттуда?

— Почему? — Саммю затушил окурок в старой тарелке, стоявшей на краю стола. — Это тоже очень интересный вопрос. Мне теперь даже любопытно, сколько он там простоит. В его возрасте я бежал бы оттуда, сверкая пятками и зовя маму. Худший кошмар любого триллера из моего детства. Но жизнь иногда выдает пенки пострашнее детских страхов.

— Уберите его оттуда сейчас же, — повысил голос Бык. — Немедленно, слышите? Нам ни к чему сломанная детская психика. Если у него появится страх перед андроидами, Ромул свернет нам шеи. Сейчас же пошлите кого-нибудь туда, чтобы его забрали и вернули в барак!

— Да, да, — рассеянно ответил Саммю, продолжая смотреть

на экран расширенными зрачками. — Непременно.

Вылетев из кабинета Саммю, Бык наткнулся на Язмина, бледного как смерть. Всю комментаторскую заняли униформисты, тянущие на полотне что-то большое и тяжелое. Бык растолкал толпу и остановился, глядя на венецианскую маску, залитую кровью. Ниже маски было одно сплошное кровавое месиво, пропитавшее тряпку насквозь и расползавшееся к краям.

Врач уже нагнулся над Старухой, разгонял толпу яростными воплями, но количество людей только нарастало включая кассинов, техников, служителей и простых зрителей, провожавших Старуху снизу до самой комментаторской.

— Это Нидзу, будь он проклят! — проорал кто-то совсем рядом с дверью со стороны букмекеров, где нарастала паника не хуже биржевой. — Забрал ее с собой, отродье железное, чтобы не одному подыхать. Гореть ему в аду, сатане!

— Как это случилось? — спросил Бык, приседая рядом с врачом. — Почему она оказалась на арене сейчас? Это был не ее бой!

— Изменения в сетке, — ответил вместо занятого оказанием помощи врача Язмин. — Согласовали с Саммю и Шаманом, ну и выпустили ее.

— Когда согласовали? — рявкнул Бык.

— Полчаса назад.

Бык оглянулся на кабинет Саммю — тот даже не вышел. Пришлось снова вломиться к нему в каморку и ударом кулака зажечь свет.

— Вы знали об изменениях сетки? — задыхающимся голосом спросил Бык.

— Конечно, — недоуменно отозвался Саммю. — Что вы так нервничаете?

— Вы угробили фаворитку, на которую у нас был покупатель! — заорал Бык, прекратив себя сдерживать. — Кто вам дал право лезть в мои дела? Администратор я, а не вы! Занимайтесь своей безопасностью! Или даже это вам не по зубам?

Саммю выпрямился пружиной, железной и острой, грозящей разрядиться прямо в горло тому, кто перейдет невидимую границу дозволенного.

— Я занимаюсь именно безопасностью, — сказал он. — Всего предприятия в целом. Старуха свое отработала, ставки на нее пиковые, при таком раскладе мы однозначно и зрелищно выводим кассина из игры, пока он не унес банк. Любого. Ее время пришло, только и всего.

— Что вы ей дали с пивом?

— Это не ваше дело, — серьезно ответил Саммю. —

Действительно не ваше, не нужно знать лишнее. От многих знаний многие печали.

Бык не нашел что ответить, рывком раскрывая тесный ворот администраторской униформы. Саммю подошел и сочувственно помог ему с застрявшей в прорези пуговицей.

— Знаете, — мирно сказал он, — когда мы только начинали заниматься этим бизнесом, я планировал тоже ставить на кого-нибудь, но Ромул сказал, что делать этого не нужно. Поставишь, начнешь болеть за него, привяжешься, и глазом моргнуть не успеешь, как тебя поимеют и в хвост, и гриву.

— Зачем вы мне это говорите?

— Зачем? — Саммю засмеялся. — Я не думаю, что вы симпатизировали Старухе. Переживаете так потому, что мальчишка расстроится из-за ее смерти. А вы к нему слишком нелояльно относитесь. Выгораживаете, защищаете, о психике его заботитесь. Что будет, когда придет его очередь выходить из игры? А такой момент настанет, и очень скоро, он тоже близок к пику ставок. Что будете делать тогда? Найдете следующего? Превратите свои нервы в руины? Мой вам совет — победите эту глупую привязанность. Если вам одиноко, ищите для союза равного или не ищите никого, из мезальянсов ничего хорошего не получается.

Он достал сотню, аккуратно вложил ее Быку в нагрудный карман и очень по-дружески прихлопнул ладонью.

Глава 16. Подозрения и перспективы

Вызванные на допрос в кабинет Саммю техники, вытащившие мальчишку из мастерской, показали, что при встрече тот не испугался, не понял, куда попал, просто заблудился и был рад помощи.

— Мы дали ему ходунка до камеры, он и утек, — словоохотливо поясняли они наперебой. — Взрослее даж блудются, а он ущо пцан, понятно дело, сбился. Отож в своем уме кто к ломаным ромульяни полезет. Тама и табличка на двери, шоб не влазить, а он читат не умет, ну и влез, а куды выйти, не знат...

Саммю слушал эту ахинею, кивая головой, и Бык уже решил, что объяснение его вполне устраивает, но тот вдруг спросил:

— К какой камере вы ему выписали провожатого?

— Дык к своей, домой, обратно, — хором заголосили техники, пока Саммю не рявкнул:

— Номер, скоты!

Тут и выяснилось, что мальчишка назвал своей семьсот тридцать пятую камеру. Туда техники на голубом глазу ходунка и отрядили, потом ходунок вернулся, тем дело и кончилось. Саммю велел им убираться вон.

— Почему семьсот тридцать пятая? — не удержался Бык, когда кабинет опустел. — Может, ошибся? Это же черт знает где на отшибе.

— Нет, не ошибся, — покачал головой Саммю. — Из семьсот тридцать пятой была девчонка Киршан. Помните такую? Вторая дебютантка, рыжая.

Рыжую девчонку Бык вспомнил, голое плечо, веснушки, а также то, что обещал Малому узнать о ее судьбе, но так и не узнал за всеми делами. Видимо, неизвестность толкнула мальчишку в бега.

— Простое любопытство, по-человечески вполне объяснимое.

— Да уж, — засмеялся Саммю. — Ошибся, заблудился, читать не умеет, камеру перепутал, про подружку хотел узнать… Тысяча и одна ночь.

— Мне все это не нравится, — покачал головой Ромул.

— А то, что он к бабе бегает, вам нравится? — ехидно уточнил врач. — Скоро ваши кассины беременными на поединки начнут выходить.

— Девчонка жива? — спросил Бык.

— Что ей сделается, — отозвался Саммю. — Толку из нее не вышло, пару боев продержалась на одном везении. Ставки ни о

чем, покупателей нет, следующий бой, скорее всего, последний.

Быку судьба Киршан была глубоко безразлична, гораздо больше его беспокоило выражение лица Ромула. Тот сдвинул брови и о чем-то напряженно раздумывал. Саммю покачивал ногой, упиравшейся в соседний стул, и, пока никто не видит, в шутку пристреливался скрепками в мусорное ведро.

— Мальчишку не трогайте, — наконец сказал Ромул. — Сообщение нам расшифровать не удалось, контакт по-прежнему неизвестен, так что он нам нужен живым, здоровым и ничего не подозревающим.

— Сейчас он в сто пятой, наверняка думает, что никто ничего не заметил, — ответил Саммю. — Пусть продолжает так думать.

— Где гарантия, что снова не удерет, когда дверь откроется?

— А ему кто-нибудь сказал, что Старуха в лазарете? — Саммю вопросительно посмотрел на Быка.

— Из их барака мы тогда кроме нее никого не вызывали, вряд ли.

— Вот и хорошо. Пусть узнает, тогда можно двери вообще не закрывать.

— Почему? — в голосе Быка так очевидно прозвучало недоумение, что Саммю расхохотался.

— Вы меня разочаровываете своей ненаблюдательностью. И неромантичностью. Даже наш герр доктор заметил.

— Как она себя чувствует? — неловко спросил Бык, глядя на врача.

Тот скривился.

— Я сделал что мог, остальное зависит не от меня, — сварливо сказал он. — Если жить захочет, выкрутится. Ну, а нет — значит нет. Пока говорить о чем-то рано. Впереди повторная операция, возможно, будет третья.

— Ясно, — кивнул Ромул. — Организуйте ему на завтра какой-нибудь простенький поединок, только заранее не объявляйте, выпустите как замену. Отработает, то, что нужно узнает — и назад в камеру. Шаман будет готов попробовать еще раз через пару дней, до этого момента вы за него отвечаете.

— Как скажете.

Меткий выстрел резинки для денег отправил следующую скрепку не в ведро, а в дырку на стене, где раньше крепился крючок для одежды. Отверстие было небольшим, около сантиметра в диаметре, но скрепка вбилась туда как пуля.

Сетку боев Бык просмотрел тем внимательнее, что его смена начиналась во второй половине дня, а мальчика должны были выпустить в первой. Приходилось положиться на Саммю, но последний поклялся вести себя как ни в чем не бывало, держаться

на расстоянии и быть ангелом дружелюбия. Объявлений для публики тоже никаких не давали, поэтому за возможный слив Бык был спокоен — ставок на Малого сегодня не открывалось. До смены Ромул попросил Быка придти в кабинет, и когда тот переступил порог, жестом указал ему на кресло, торопливо продолжая начатый разговор по телефону.

— Мы всегда так делали, Эйб, какого черта ты высказываешь мне все эти претензии?

Бык не слышал, что ответил Эйб, но по лицу Ромула понял, что ответ тому не понравился.

— Я порядок лучше тебя знаю, — раздраженно сказал он. — Забираю мусор, не трогаю никого из твоих, в чужие дела не лезу. Может быть и ты перестанешь совать нос в мои?

Телефон отрывисто заквакал, Ромул отодвинул его от уха и глазами попросил Быка налить себе виски. Бык выполнил его просьбу и подошел, чтобы отдать стакан. В шаге от динамика разговор стал слышен с обеих сторон.

— …сливать тебе всякую шваль, — сказал Эйб, — Это было хорошо для всех и мы достигли взаимопонимания. Но у меня информация, что сейчас ты прячешь человека, который мне серьезно должен. Очень серьезно. Хочешь сохранить хорошие отношения — верни мне его.

— О чем ты говоришь? — Ромул машинально поднес стакан ко рту и поморщился — виски не был разбавлен. — О ком?

— Парень по имени Улисс.

Ромул вопросительно посмотрел на Быка, тот развел руками и отрицательно покачал головой.

— Мы не знаем никого с таким именем, Эйб, — передал Ромул в трубку. — Первый раз слышим. Твой источник информации надежен? Есть какие-то доказательства того, что он на Марахси или это просто чье-то предположение?

— Не валяй дурака, — голос Эйба стал скучным. — Если я говорю, значит, знаю. Так что шевели яйцами.

Трубка запищала зуммером, Ромул швырнул ее в диван, и распустил на шее галстук.

— Вот же сукин сын, — злобно сказал он. — Мы с Мумбаев каждый год вывозим рабочее поголовье, имен не спрашиваем, если кто-то решил слинять от него, нас в известность уж точно не поставил. Ищи теперь ветра в поле.

— Хотя бы ориентиры какие-то назвал, — поддержал его Бык. — Когда это было, каким траншем забрали, откуда. У вербовщиков остаются списки, можно было бы поднять их.

— Да он сам понятия не имеет, — Ромул подобрал свой телефон и положил его в карман. — Лишь бы свои проблемы на

других повесить. Ублюдок мумбайский.

— Будем что-нибудь предпринимать? — осторожно спросил Бык.

— Обойдется. Я вас не за тем позвал, чтобы Эйба послушать. Хиотис провел переговоры с поручителем, получил предварительное согласие, и я планирую личную встречу в Новой Виктории послезавтра, мы сейчас удачно расположены относительно Виктор-Сити. Вы второй собственник, ваше присутствие будет логичным.

— А кто он? Хиотис назвал имя?

— Пока нет, сказал, что в этом не будет нужды, когда мы познакомимся, человек известный, а каналам связи он настолько не доверяет.

— Где будет проходить встреча?

— «Астория» в хэд-офисе «Клинт и Шенье». Это ресторан на последнем этаже с панорамными видами, но есть отдельные кабинеты с гарантией конфиденциальности.

Бык немного поколебался.

— Хиотис будет участвовать?

— Он не может сейчас пересечь границу. Готов ответить на все вопросы по холосвязи в любой момент.

Бык покачал головой.

— Что у него за дела в Урсуле, которые нельзя отложить на один день? Тем более ради такой встречи.

Ромул плюхнулся на диван и жестом позвал Быка присесть рядом.

— Об этом тоже хотел поговорить, пока мы без лишних ушей. Когда спасали завод, он сюда часто прилетал, уверял, что его работа требует исключительно личного общения, но вот уже сколько времени мы наблюдаем его только на экране. Урсула неподходящее место для такого рода специалистов, вести там дела опасно. Власть Шепарда такова, что он в любой момент может получить доступ ко всей информации, какую захочет. Собственно, сам Хиотис потому и выбрал Мумбаи для офиса. И вдруг почему-то срывается с насиженного места, возвращается в Урсулу, не может пересечь границу, когда этого требуют обстоятельства. Вам не кажется, что это напоминает арест?

От последнего предположения Бык поперхнулся.

— Думаете, Шепард его контролирует? И нас через него тоже?

— Это напрашивается.

— Зачем же тогда присылать сюда своего человека, если владеешь полной информацией?

— Хиотис знает о нас далеко не все, он бухгалтер и юрист,

техническая сторона вопроса ему неизвестна.

— Проще тогда купить кассина через подставное лицо и дома его разобрать по косточкам.

— Почему-то не проще.

Бык задумался. Генерала Шепарда он видел исключительно в новостных выпусках, личной информации о Белом Медведе, как называли генерала средства массовой информации, у него не было никакой, приходилось верить очевидцам, которые утверждали, что переходить дорогу Шепарду не стоит. Еще меньше можно было надеяться угадать его мысли. Как показал опыт внезапного отделения Урсулы от Виктории, эти мысли известны очень и очень немногим.

— Я думаю, наши кассины ему были неинтересны до момента, пока просто ломали меню андроидов, — высказал предположение Бык. — Сейчас мы продвинулись в этом смысле дальше, возможно, это причина, по которой человек Шепарда рассекретился. В других условиях может быть понаблюдал бы немного и уехал.

— Да, согласен, — отрывисто сказал Ромул. — Шаман говорит, что внутри андроида мальчишка орудует как специалист, при том, что необразован как любой марахсиец, с искинами дела никогда не имел. В его отсутствии отключки есть что-то ненормальное, но почему это происходит, Шаман не знает.

— Наверное, человек Шепарда тоже так считает, вот и пытается установить контакт. Кстати, что мы будем делать, когда его вычислим? Высылать кого-то с Марахси у нас нет полномочий, да и с точки зрения пиара это выглядит отрицательно.

Ромул усмехнулся.

— Я не идиот его высылать. Будущей школе нужны преподаватели, а что может быть лучше практика? Саммю обещал сделать так, что его сотрудничество с нами будет полным, абсолютным и почти добровольным. Забрать его у нас силой не сможет даже Шепард.

Бык поморщился.

— А мальчик?

Ромул допил виски и оставил стакан в сторону, крепкое спиртное подействовало на него расслабляющее.

— Пока он единственный экспериментальный образец, — сказал он. — Потом врач, Шаман и Саммю будут выяснять, чем таким он принципиально отличается от других кассинов и можно ли это воссоздать искусственно. Боюсь, у него мало что останется в смысле возможностей и перспектив.

— Я, пожалуй, откажусь от вашего предложения, —

решительно сказал Бык. — Переговоры с помощью Хиотиса вы проведете так же успешно, как и со мной, а вот пускать здесь дела на самотек не хочется. Саммю может быть и хороший начальник безопасности, но плохой администратор. Уедем, а вернемся к руинам Колизея, потому что он решит, что очередной фаворит вышел на пик ставок. Мы и тогда чудом избежали разрушений, букмекерскую просто разнесли по косточкам.

— Вы отличный партнер, Бык. Я вас очень ценю.

Ромул одобрительно похлопал Быка по груди, по иронии судьбы тем же жестом и по тому же карману, в котором лежала сотня, возвращенная Саммю.

На обратном пути мимо комментаторской Бык увидел, что мальчишку уже вызвали из барака, и он стоит возле стекла, разглядывая арену. Дикторская смена, ожидавшая своей очереди, болтала за пустым столом о всякой ерунде, диджей спал, положив голову на руки, врача на месте не было. Саммю один стоял с мальчиком рядом, периодически указывал ему на что-то внизу, после его ответа снова спрашивал, сам что-то рассказывал и улыбался, непринужденно положив руку ему по плечо.

В глубине души Бык надеялся, что когда он придет на смену, Саммю укатится по своим делам из кабинета, и о том, как все прошло он узнает от Вигго или Язмина, но Саммю не только был на месте, но и очевидно ждал его, распахнув двери кабинета. Пришлось зайти.

— Предполагаю, сгораете от любопытства, — громко заявил тот. — Для вас специально сделал запись, чтобы не было никаких подозрений на мой счет. Хотите посмотреть или поверите на слово?

— Посмотрю, — покорно ответил Бык. — Как прошел бой?

— Тихо и буднично, — ответил Саммю. — Никакого шоу, к сожалению.

Нельзя было сказать, что Быка это расстроило, напротив, у него отчасти отлегло от сердца. Больше всего он боялся, что из любви к психологическим вывертам Саммю скажет мальчишке правду перед боем, но видимо, слово Ромула для того значило больше, чем удовлетворение личных склонностей.

Бык сел на стул перед экраном, взял со стола скрепку, пока незнакомый кассин на экране сыпал скороговоркой исковерканных слов. Съемка происходила во время медосмотра, из нагрудного кармана робы у незнакомого кассина торчал кусок белой ромульянской пластмассы. Врач крутил пациента перед собой, но поток слов это не прерывало. Смысл фраз доходил до Быка только отчасти, приходилось ежеминутно брать себя в руки и сосредотачиваться.

Как он и предполагал, никто не связал поражение с банкой пива. По мнению кассина Старуха просто расслабилась от собственной удачливости, отвлеклась во время боя, замечталась о чем-то, а Нидзу, ее постоянный противник, этим воспользовался. Но были в его рассказе и другие подробности, которые заставили Быка присмотреться к говорившему. По его словам очевидца выходило так, что смертельно раненая Старуха сумела даже в этом положении опрокинуть и разломать андроида так, что тот уже не подлежал никакому ремонту. Бык знал, что такое в принципе невозможно, андроиды добивали свою жертву мгновенно и качественно, в отличие от людей они не расслаблялись и не задумывались. Но рассказчик упрямо настаивал на своем — Старуха одолела Нидзу уже с переломанными костями и вывороченными кишками, лежа на арене у его ног в луже крови. Что странного или неправильного в этом рассказе, Бык до конца так и не осознал.

Камера снимала всю сцену из кабинета Саммю, поэтому участники стояли к ней в профиль. Мальчишка выслушал рассказчика молча, не задал ни одного вопроса, и когда ему разрешили идти, ушел, не обернувшись. Возбужденного своим рассказом кассина выпроваживали всей сменой, тот долго не хотел уходить, цеплялся за косяки и все порывался заново пересказать события слушателям.

— Как видите, здесь тоже шоу не состоялось, — Саммю выключил запись. — На всякий случай я поставил камеру в лазарете.

— Всё? — Бык поднялся. — Других новостей нет?

— Есть кое-что, что вам может быть интересно, — Саммю развернулся вместе с креслом в его сторону и посмотрел снизу вверх смеющимся взглядом. — Чисто теоретически, конечно. Сегодня мы дали ему в противники восстановленного андроида.

— Зачем? — машинально спросил Бык.

Саммю сделал оборот на кресле.

— Нужно было как-то проверить, действительно ли он ничего не понял в мастерской, как внушил этим болванам. Так вот если раньше он довольно ловко откручивал андроидам головы, то с этим обошелся мягко и даже нежно. Ничего не ломал, просто остановил. Публика была разочарована.

— А вы? — гневно спросил Бык, останавливая его кресло. — Довольны?

— Более чем, — Саммю прыжком поднялся на ноги, по-кошачьи потягиваясь. — Меня ужасно развлекает вся эта история, будет жаль, когда она закончится. А вот вы, как я вижу, моим советом так и не воспользовались.

Он взял у Быка из пальцев разогнутую и помятую скрепку, разогретую до состояния нити накала, покрутил перед лицом и с явным сожалением бросил в мусорную корзину.

Глава 17. Шоу должно продолжаться

Поскольку Колизей работал круглосуточно, то и ловушки Шамана пришлось устанавливать при посетителях. Для этого выбрали время далеко за полночь, когда старожилы клюют носами, а вновь прибывшие ничего не замечают, кроме спецэффектов, стоивших Колизею приличных денег. Униформисты таскали по залу здоровенные ящики, у каждого из рабочих был в ухе крошечный динамик, и ставить правее или левее решал Шаман, находящийся на балконе. Ящики постепенно расходились по залу, не привлекая особенного внимания.

Смена Быка закончилась, новый администратор, крепкий и рослый бугай, занял его место на диване, и пришлось сделать вид, что захотелось с кем-то поболтать. Шаман удивился, когда Бык бесстрашно подошел к нему и взялся руками за перила в самом торце балкона. Несколько минут они просто стояли рядом, наблюдая за окончанием работы. Что было в ящиках, Бык не знал, но предполагал, что под видом динамиков начинка там самая продвинутая и мощная.

— Вы подозреваете весь зал сразу? — спросил он.

— Сначала нужно определить сектор, из которого исходит передача, — ответил Шаман. — Как только это узнаем, сосредоточимся всей аппаратурой на нем, это делается простой командой в настройках, таскать ничего не придется. Техника даст сетку с шагом в тридцать сантиметров. Это значит, что если объект стоит в обнимку с кем-то другим, мы все равно его выделим.

— С таким оборудованием должно повезти, — согласился Бык. — Главное, чтобы он не заметил вас раньше, чем вы его. В толпе очень просто улизнуть.

— Он будет занят, — усмехнулся тот. — Настолько, что не станет смотреть по сторонам. Да и никто в зале не станет.

— О чем вы говорите?

— Завтра в полночь открываем «Парад планет».

Бык почувствовал, что мельтешение зала под балконом начинает напоминать карусель, смазанную и размытую, людской шум перекрылся противным звоном в ушах. Он попятился и под пристальным взглядом Шамана виновато пояснил:

— Голова кружится, давление, наверное. Нужно похудеть, но черт его знает как, разве что сменить планету на какой-нибудь курорт. Вот разбогатеем, поеду на минеральные воды Карассы.

— Тотализатор опасная штука, не зря их запрещают, — согласился Шаман. — Адреналин только выглядит невинно, а это

такой же наркотик, как героин. Без новой дозы уже вялость, апатия и депрессия, своих гормонов не хватает, а внешние действуют все меньше и короче, и ты уже не человек, а развалина, зависимая от тюбика с химией или человека, который стимулирует в тебе их выработку. Обычную наркоту можно хотя бы отобрать.

— Да, пожалуй.

Бык торопливо вышел с балкона, постоял среди орущей дикторской смены, развлекавшей публику анекдотами и прибаутками в пересменок между боями, и решил, что сегодня будет спать, крепко и старательно, даже если придется для этого выпить все оставшееся снотворное. О том, что его почти не осталось за последнюю неделю, он старался не думать. Вигго проводил его равнодушным взглядом, слегка спустив наушники, но Бык вдруг остановился, повернулся к нему.

— Когда вы успели разлюбить классику? — спросил он. — Раньше ваши треки мне нравились больше, классика все-таки приподнимает над обыденностью, а эта поп-культура, рок-н-рольчики и прочее, это же потакание низменным вкусам. Марахси что, распространяет свою черную пыль на любые мозги? Под веселую музыку умирать приятнее? Или вы думаете, что это все понарошку?

— Не понимаю, о чем вы, — Вигго потер глаза. — Что не так?

— Все в порядке.

Проходя мимо кабинета Саммю, он дал себе слово не поворачивать голову и не смотреть на мониторы. Почему он оказался стоящим за спиной Саммю, объяснить бы решительно не смог. Но тот нисколько не удивился, подвинулся в сторону и дал ему место у экрана.

Лазарет был нарезкой узких боксов-пеналов с длинным проходом в середине. Аппаратура в них была громоздкой, старой и дышала на ладан. Откуда она появилась на Марахси, Бык не помнил, кажется, ее тоже привезли на утилизацию, техники в ней долго ковырялись, прежде чем она заработала. А вот кровати, меняющие наклон и высоту, они покупали сами, когда Колизей только начинал, каждый успешный кассин был на вес золота — фаворитов было мало. Это сейчас их целая когорта. Когда все успело так измениться?

Старухина кровать была в фокусе камеры, снималась сверху, видимо, оборудование прикрепили к стене под потолком. Сама Старуха в больничной робе уже не напоминала монументальную фигуру с маской. Покрытые бинтами руки безвольно лежали поверх тощего одеяла, оставшиеся в тени глаза напоминали черные провалы. Она почти не двигалась, повязки оставляли

возможности для маневра только шее и голове. Прикрепленный к ней монитор тихо попискивал, показывая цветные кривые и непонятные цифры. Сейчас Старуха не спала, смотрела в камеру, не зная о ее существовании, и без косметики выглядела призраком без единой кровинки в лице.

— Сколько ей лет на самом деле? — спросил Бык.

— Неизвестно, — помедлив, ответил Саммю. — В этом есть что-то философское. Когда не знаешь собственный возраст, то понятия не имеешь, старость у тебя или молодость, подходящ для тебя объект страсти или же ты совершаешь преступление по цивилизованным меркам.

Бык отошел в другой конец комнаты и достал сигареты. Пропади все пропадом. Прикуривая, он увидел, как лицо Саммю изменилось. Тот приподнялся в кресле и подался вперед, натягивая наушники. Из какого-то мазохизма Бык остался стоять там, где был, глядя в пол и ожесточенно затягиваясь. Трибуны привычно бесновались за стенами и под полом, никотин сжимал горло, оседая на языке грязью, а на легких — пеплом Марахси, черным и смертоносным.

«Парадом планет» называлась неделя боев фаворитов. Никаких новичков, только кассины-чемпионы и самые опасные ромульяне. Условия поединка тоже устанавливались самые жесткие. Ставки во время «парада» подпрыгивали до небес, многие даже спали в зале, чтобы не пропустить ничего и не потерять место. Выигрыши, если верить прогнозам букмекеров, сулили быть фантастическими.

Из-за растянутых там и тут спальников и тряпок зал начал походить на лагерь цыганских беженцев. Администрация со своей стороны делала все, чтобы пребывание зрителей было максимально комфортным и удобным — раздавала бесплатную воду, принимала ставки прямо в зале с передвижных терминалов. Семейные гости занимали сектор под балконом, у него был свой выход в Дартсаршери, без боязни, что тебя задавят или обчистят карманы. Остальной зал кипел и бурлил, иногда вспыхивали драки. Все конфликты улаживали униформисты, разводившие драчунов в стороны и от имени администрации выдававшие конфеты, в состав которых входил транквилизатор.

На арене до начала «парада» нанятые за несколько кредитов доморощенные фокусники и кривляки поддерживали в зале настроение праздника. Реклама фаворитов висела на каждом углу, желающие могли приобрести ее в бумажном виде. Даже не глядя в нее, Бык прекрасно знал, кто стоит в верхней строчке турнирной таблицы.

«Парад планет» всегда открывался в полночь, дикторские

смены были в состоянии полной готовности. В прошлый раз один из комментаторов упал в обморок прямо на микрофоны, и сменный диктор подхватил реплику на полуслове, продолжая ее и одновременно сталкивая несчастного со стула вниз и занимая его место — шоу должно продолжаться.

— Вы меня избегаете? — прямо спросил Саммю, встретившись с Быком на лестнице, ведущей в кабинет Ромула. — Не могу понять причину, кажется, ничем не портил вам настроения.

— Просто устал, — кратко ответил Бык. — Сколько времени уже тут пашем без отпусков. Сначала завод, потом Колизей. Вы не чувствуете себя выжатым?

— Если бы я вдумывался в то, что чувствую, давно бы спятил, — честно ответил Саммю. — Вот выгорит у Ромула дело со школой, брошу эту работу к чертовой матери.

— Чем займетесь? — Бык очень понадеялся, что Саммю скажет что-нибудь о длительном отдыхе, но тот раздул ноздри и на секунду провалился куда-то в глубину своих фантазий, после чего тряхнул головой.

— Школе понадобится охрана, — сказал он. — Не просто тупые униформисты, а собственная армия.

— Надеетесь ее возглавить? Зачем нам армия?

— А вы никогда не думали, насколько мы тут беззащитны?

Пустоватые глаза Саммю отразили блики от спота на потолке и показались Быку мертвыми.

— Несколько андроидов не в счет, а кроме них кто у нас есть? — продолжал тот свою мысль. — Вы, да я, тупой диджей и пара трепачей с микрофонами. Один лучевой пистолет на всех да пара шокеров. Нас можно брать голыми руками.

Бык с тревогой посмотрел на его расширившиеся зрачки, снова уловил тот давний страх, который видел в них однажды в медблоке.

— У вас паранойя. Никому мы не сдались, чтобы высаживать сюда десант. Да и международный скандал будет. Нужно больше отдыхать, а не просиживать сутками напролет перед мониторами.

Глаза Саммю приобрели обычный вид, а лицо стало хитрым.

— Неужели сейчас не спросите, как там Старуха поживает?

— Почему не спрошу? Могу спросить.

— Лучше, — отмахнулся Саммю. — Вторую операцию сделали, собрали на живую нитку, но она определенно идет на поправку, бабы живучие. Герр доктор клянется, что в последний день «Парада» мы сможем выпустить ее на арену.

— Зачем? — не понял Бык. — Опять ваши дикие фантазии? Она же почти инвалид! Чудом ее выходили, так отдайте

покупателю — и дело с концом.

— Цена, которую можно взять с покупателя, ничто по сравнению с тем, что будет твориться, когда мы объявим ее бой. Знаете, как они сейчас говорят, когда кто-то фантастически везуч и удачлив за гранью реальности? «Ты что, из сто пятой?»

— Что, действительно?

— Да. Старуха из сто пятой, Малой из сто пятой, Высокий тоже, Борода, да больше половины турнирной таблицы «парада» — это сто пятая. Фабрика звезд, мать их. Откуда только вызрели…

Последнее Саммю уже пробормотал, неловко покачнувшись, и Бык вдруг понял, что он смертельно пьян. Не хотелось думать, что в пустой кабинет Ромула тот шастает за бесплатными коньяком и виски, но ничего другого в голову не приходило. Он посторонился, чтобы дать ему пройти, попутно раздумывая о том, кто был покупателем Старухи. Он не слышал его имени, только недавно узнал о том, что тот существует. Турнирная таблица была наклеена через каждые два шага по всему коридору.

В кабинете Ромула Бык проверил сообщения в ящике, пароль и логин от которого знали только они с Ромулом. Письмо было одно — Ромул удачно сел в Виктор-Сити и занял номер в гостинице. Встречу назначили на завтра, в девять вечера. Других новостей не было.

На обратном пути Бык остановился под спотом тусклого освещения и поднял голову к афише. Глянцевая бумага, черная с красным, печаталась здесь, в Дартсаршери, на древнем как мир станке. В левом верхнем углу из-за таблицы выглядывала маска ромульянина, в правом нижнем углу скалился Горо, изображенный очень похожим. Почему именно он, вопросов не вызывало — сорок два боя, самый старый и самый сильный кассин Колизея. Бык поискал его место в таблице и удивился — далеко не первая треть и даже не вторая, ближе к концу, а потом догадался. Имена шли сверху вниз по убыванию суммы принятых за последнюю неделю ставок. Это было удобно для посетителей, не знаешь на кого ставить — ставь на того, на кого и большинство, не прогадаешь. Горо редко выходил на арену, полученные травмы позволяли ему собраться на один-два боя в месяц, слишком мало, чтобы подогревать народную любовь к себе, когда на слуху постоянно имена новых фаворитов.

Бык поднял руку, содрал одну из таблиц со стены, смял в кулаке и, не найдя куда выбросить, сунул себе в карман. Ее место осталось зиять на стене, выбитым зубом в ряду других, здоровых, крепких и бесчувственных.

Пройти сквозь букмекерскую во время приема ставок на

«парад планет» было задачей трудной. Бесконечные толпы народа давились в окошки и совали туда кредиты, о происхождении которых на Марахси никого не спрашивали. Разношерстные туристы со всем своим барахлом в руках делали зал подобием вокзала. Прибывающие и убывающие смешивались лицами в цветном калейдоскопе, где никому не было дела до того, кто снует за их спинами в направлении дверей на лестницу, уследить бы за кошельком и очередью, попутно сверяясь с цифрами на табло.

Уровнем ниже находилась квадратная площадка с тяжелой крышкой люка, которая была сейчас открыта. Несколько униформистов, стоя у провала в нижний коридор, сверялись со списком, отправляя ходунка за кассинами, назначенными на открытие «парада». Такой же список был у Быка, поэтому он постоял немного рядом и посмотрел, как служители вытягивают из темноты прибежавшего за ходунком молодого парня в войлочной робе. Парень был бледен и страшно нервничал.

— Следующий пошел, — крикнул ходунку униформист. — Пятьсот четвертая, Волк.

Ходунок с лязгом укатился в указанном направлении.

— Страшно? — спросил Бык у кассина, имя которого так и не вспомнил, а смотреть не стал.

— Дюже боязно, — с готовностью ответил тот, двигая лопатками по шершавой стене, у которой его поставили, чтобы вывести потом наверх со всеми вместе. — Кажись, как не вертайся, все едино схороняют.

— Может не тебя, а противника схороняют.

— Вот кабы циферь не забыть, кака положена для чиба.

— Не забудешь, — успокоил его Бык. — Ты же не первый раз на арене.

— Шестый, — расплылся в улыбке кассин. — А все едино как впервой.

Когда количество кассинов у стены выросло до пяти, Бык достал сигареты, зажигалку, потом посмотрел на униформистов и махнул рукой.

— И так дышать нечем, — объяснил он. — Внизу покурю.

Рабочие проводили его фигуру, взявшуюся за поручни железной лестницы, равнодушными взглядами, и вернулись к спискам.

Спускаться вниз было легко, а вот подниматься трудно — вместо ступеней были приваренные к боковинам прутья, лестница была длинной и практически отвесной. Поэтому ходунка не поднимали совсем, а только глушили и оставляли до следующих вызовов. Все это Бык подумал мельком, останавливаясь так, чтобы

униформисты его видели. В этом положении он выкурил первую сигарету. Потом вторую. Ходунок еще пару раз пробежал мимо него, причем один раз пришел порожняком, потеряв где-то кассина, и отправился за ним снова. Бык после этого отступил немного дальше, на самый угол первого поворота. Там было слепое пятно, которое не видел Саммю на своих камерах, там пошли в ход третья и четвертая сигареты. Ходунок неутомимо продолжал водить к лестнице смертников.

Ждать после девятого кассина пришлось недолго, лязг ходунка он услышал еще за несколько метров, а когда тот вынырнул из темноты, Бык мгновенным ударом кулака остановил его. Простейший механизм замер как вкопанный, потихоньку щелкая внутри корпуса какими-то пружинами, заточенными на дальнейший бег. Мальчишка догнал робота, вовремя затормозил и остановился как вкопанный, глядя на Быка. Поверх кассинской робы на его плечах болталась жилетка Старухи, глянцевая, похожая на кожаную, со множеством карманов, куда она обычно отправляла подарки с хозяйского стола. Эту жилетку знали все, носить ее так открыто было почти вызовом или каким-то символическим аутодафе, но Бык не стал говорить об этом. Презирая себя за слабость, сказал быстрой скороговоркой другое:

— Что бы тебе ни предлагали перед боем — не ешь. И не пей. Скажи, что тошнит от волнения и бери с собой, только не отказывайся. Понял меня?

Чувствуя себя жалким, он посмотрел мальчишке в глаза, где опять увидел не то, что ожидал. Не растерянность, не благодарность, не испуг, а что-то другое. Значит и в тот раз не показалось.

— Я понял, Бык. Ничего не есть и не пить.

— Хорошо.

Бык толчком запустил ходунка снова и кивком головы велел мальчику следовать за ним. Ему не хотелось, чтобы он заметил, как у него дрожат руки. А они дрожали, словно он тяжесть какую-то нес и вот, сбросил. Легче стало, но спокойнее — нет.

Глава 18. Белый медведь

В комнатушке Шамана было тесно даже для такого небольшого количества посетителей, какими были Бык и Саммю. Приходилось стоять за его спиной, щурясь от яркого света мониторов, которые располагались полукругом, давая обзор на сто восемьдесят градусов. Зал был представлен на каждом из них схематичным кругом, арена — вписанным квадратом. Тонкие линии, подчинявшиеся движению указателя в руке Шамана, скользили по схеме, разбивая ее на сектора и квадратики, возвращая нормальный масштаб и опять увеличивая карту до какого-нибудь одного места в размер экрана.

Бык смотрел на все это машинально, Саммю больше крутил головой по сторонам. Никогда раньше Шаман не приглашал их к себе, да и сами они не горели желанием спотыкаться среди непонятных устройств, часть из которых была наполовину разобрана. Свет в помещении давали по большей части тоже мониторы, но с потолка на витом проводе свисала тусклая лампочка.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Саммю. — Есть что-нибудь?

— Пока нет, — процедил Шаман.

— Может быть, он догадался, что мы за ним следим?

— Откуда?

Шаман уставился на Быка узким и острым взглядом, от него стало не по себе, но Бык неопределенно повел плечом.

— Мало ли какие у дрифтеров возможности.

— Они не боги, — Шаман снова отвернулся. — Все это дело техники, а мы по всему залу установили перехватчики. Начало передачи зафиксируем стопроцентно.

— А мы так и не знаем, о чем была первая? — Саммю взглянул на Быка в поисках поддержки. — Хотя бы приблизительно?

— Понятия не имеем, — сквозь зубы ответил Шаман. — Абракадабра какая-то.

— С чего он тогда взял, что полуграмотный кассин его поймет? Вы же сказали, что это от устройства к устройству? А наши чипы не несут в себе никаких встроенных сложных дешифраторов, они просты как яйцо.

Шаман отъехал на кресле от мониторов и потер глаза.

— Да, — сказал он. — Вот именно. Они просты. Поэтому наш чип я исключил. И стал наводить справки о полуграмотном кассине.

— Где наводить?

— Сначала здесь, в наших базах, которые остались со времен завода, когда мы фотографировали входящих на территорию завода для системы контроля. Исходил из того, что если он оказался в бараке кассинов, то наверняка был в числе рабочих, которых мы загнали туда после всей этой истории с восстанием. Потом мы уже не брали такой молодняк с улицы.

Лицо Саммю ясно выразило все, что он думает о такой логике, но перебивать не стал.

— Системе контроля его лицо не знакомо, — продолжал Шаман. — Он абсолютно точно не был рабочим на заводе и ни разу не проходил через проходную. Тогда вопрос — как он попал в барак?

— Тоже мне, вопрос, — засмеялся Саммю. — Любой мог прибиться во время работы к нашим овечкам и вместе с ними проскользнуть туда, где кормят.

— Чужака заметили бы.

— Я вас умоляю, они соседей-то не дифференцируют, а уж приблудного мальчишку и подавно. Одним больше, одним меньше.

— Они — да, но тогда их на работы водили андроиды, — напомнил Шаман. — Ромульяне поголовье считать умеют, да и лица запоминают. Окажись он лишним в числе возвращающихся в барак рабочих, андроид вышвырнул бы его и дело с концом. Значит, он должен был попасть туда иначе, чтобы не входить, а выходить из него.

Лицо Саммю стало заинтересованным.

— Допустим, — задумчиво сказал он. — Но в сто пятый нельзя пролезть снаружи, он у нас один из наиболее благополучных в смысле безопасности.

— Сто пятый — да. Но в других бараках, особенно дальних, в потолке встречаются эти дыры, которые местные считают ходами войлочного червя. Заделывали их только в стенах, а в потолке не стали просто потому, что снизу туда никто не достанет, а лишняя вентиляция не помешает. Но спрыгнуть вниз из дыры вполне возможно.

Бык вспомнил отверстие с гладкими черными краями, прикинул, пролез бы туда ребенок, и был вынужден признать, что вполне мог. Саммю задумчиво почесал переносицу:

— Ну, как вариант. Если снаружи тебя ничего не ждет, кроме смерти от голода, еще и не так рискнешь. Там высота метров восемь-девять, можно ноги переломать.

— Получается, это было до перетасовки, которую проводили Бык вместе с врачом. Потому что потом их заново рассортировали

по камерам, и вот тогда он уже оказался запертым в сто пятой вместе с другими. Кстати, именно поэтому туда пошел Вигго — там детей больше всего, в других камерах один или два, а в сто пятой целых шестеро оказалось.

— Там санитарные условия получше, — пробормотал Бык.

— Очень интересно, — прокомментировал Саммю. — А вы не спрашивали у Вигго, как он выбирал себе помощника из этих шестерых?

— Спросил ради интереса. Он сказал, что включал им на телефоне кусочек трека прослушать, а потом велел повторить мотив. Простой, несколько нот, но из шестерых справился только один, остальные смотрели как бараны.

— Хороший слух?

— Видимо, да. Вигго притащил его наверх, а дальше мы знаем. Поэтому возвращаемся назад. Если он не рабочий завода, то может быть либо местным урожденцем, либо взят с Мумбаев при очередной вербовке. На местного он никак не похож, я его хорошо тогда рассмотрел перед первым боем, их тогда как раз отмыли. У коренных марахсийцев черная пыль в порах лица, у завербованных через год-другой она тоже уже не смывается. У него ничего такого не было. Исходя из слов про отца и мать, которых он похоронил, я решил, что они втроем прилетели сюда не больше, чем полгода назад, а осиротел он где-то месяца три-четыре как.

— Вы обратились к спискам вербовщикам, — предположил Саммю. — И никакой семьи из трех человек не нашли, верно?

— Да. Тем более христианской. Такое бы запомнили, на Мумбаях религия исключительная редкость. Но все, кого забирали оттуда в этот промежуток, были одиночки. Вербовщики обычно коротко записывают свой улов, примерный возраст, пол и место, откуда взяли. Потом грузят в трюм и сдают уже приемщикам на Марахси, а те распределяют по запросам. Если эмигрант никому не нужен, то его просто отпускают на все четыре стороны, и больше им никто не интересуется, сам выживает как умеет. За последние полгода привозили всего троих подростков в возрасте до четырнадцати лет, и всех отпустили на подножный корм ввиду отсутствия надобности.

— Забавно, — протянул Саммю. — Говорит он как коренной марахсиец, а сам, получается, без году неделя на планетоиде.

— Имитировать речь коренных жителей Марахси не так уж трудно, но в целом да, это говорит о некоторых лингвистических способностях.

— Даже если он мумбаец, — деланно равнодушно подвел итог Бык. — Что из того? Как это объясняет возможность

расшифровывать сложные послания?

— Никак, — ответил Шаман. — Разве что у него есть какой-то другой чип, о котором мы не знаем. Плюс хороший слух, хорошие языковые навыки и способность лгать уверенно и артистично. Детей обычно поймать на вранье легко, но нас он сумел провести.

— Занятный мальчонка, — медленно сказал Саммю. — Мне все больше хочется с ним поболтать наедине в медблоке. Потому что у меня уже давно большие подозрения, что украденные препараты и убитый андроид тоже его рук дело.

— А это каким образом вытекает из сказанного? — Бык постарался, чтобы его голос звучал насмешливо.

— Помните, когда пропали препараты, техник сказал, что на чипировании у него были только дети? Потом этот дурак пошел провожать свою пассию, а мальчишка мог вернуться и взять то, что успел увидеть.

— Техник сказал, что закрыл замок.

— Сказал. Но если даже и в самом деле закрыл, открыть замок, имея новенький чип и подсмотрев, каким кодом его закрывают — раз плюнуть. У техника чипа нет, он делал это руками. Горо с замком тоже справился с первой попытки.

— Но гормональные препараты не аспирин, — напомнил Бык. — Не всякий врач возьмется вот так, на глаз, колоть себе химию неизвестной дозировки и концентрации, а тут ребенок без образования. Чушь какая-то.

— Гормоны не яд, — Саммю покачался на носках по своей привычке. — Экспериментальным путем можно на себе проверить каждый, и дальше использовать по результатам. Если учесть, что на тот момент он не выступал, то мог сделать это для кого-то из сокамерников, кто слишком боялся или страдал от боли. А насчет андроида я сразу предполагал, что преступник знаком со Старухой, ее приемчики. Мальчишка все это время жил с ней в одной камере, болтал с ней ночами, ходил смотреть бои по ее просьбе, которую вы, Бык, легкомысленно удовлетворили. Так что еще до первого боя мог узнать теоретически очень многое. А потом решил перейти к практике.

Бык потер шею, на которой выступили капли пота, едкие и жгучие, спохватился и вопросительно взглянул на Шамана.

— Вы в это верите? Чтобы ребенок так себя вел в незнакомом месте в окружении враждебно настроенных взрослых? Лазил по подземным ходам, ставил на себе медицинские эксперименты, бродил в абсолютной темноте по незнакомым коридорам, играл с роботом-убийцей?

Тот пожал плечами.

— Проще спросить у него самого, как все было. И осмотреть

его хорошенько, возможно, у него есть еще один имплант.

При последних словах он взглянул на Саммю, и получил молчаливый кивок в качестве одобрения. Бык хотел сказать, что без разрешения Ромула сделать этого не даст, но Шаман вдруг придвинул кресло к столу и схватился за манипуляторы.

— Есть, — сказал он, глядя в экран. — Передача пошла.

На мониторе прыгала и дергалась кривая, которая тут же дробилась на фрагменты, растягивалась и превращалась в какие-то цифры. Красные точки, окружавшие зал по периметру, выпустили по лучу и заскользили ими по залу, охватывая различные сектора и пересекая арену. Иногда они пересекались между собой и снова расходились, шаря по залу, не останавливаясь. Через пару секунд на экране вспыхнула яркая точка, линии собрались к ней, как рыбы к приманке, но она погасла и возникла снова, но уже дальше и левее.

— Он перемещается, — сказал Шаман, скидывая со стола мешающее ему барахло в виде каких-то обрезков провода и микросхем. — Передает кусок, отключается и перемещается на новое место молча. Мерзавец.

— И нельзя понять его траекторию? — встревоженно спросил Бык.

Следы точки соединились ломаной линией, и Шаман покачал головой. Новое появление точки сделало из линии кривую петлю.

— Делайте одновременно с определением снимок зала, — предложил Саммю. — На потолке есть камеры. Посмотрим, кто из людей был там в этот момент, может быть, кто-то будет повторяться или приметы какие-то будут.

Шаман исподлобья взглянул на него, ничего не возразил, напротив, развернул какую-то программу, до то этого момента спавшую в трее, и начал щелкать указателем. Сделанный снимок появился на другом экране, туда Бык и развернулся — изображение арены и зала было ему понятно. На экран выпала еще одна фотография. Недостаток фронтальной камеры был очевиден — вид сверху мало что мог сказать о лице человека, разве что определить приблизительный цвет волос и одежды. Однако снимки продолжали появляться с периодичностью в десять-пятнадцать секунд, но из-за количества людей в зале выделить там кого-то одного и повторяющегося было невозможно. На всех изображениях кишело невнятное месиво — поднятые руки, запрокинутые перекошенные лица, открытые в возбуждении рты.

— Сукин сын, — прошипел Шаман. — Как только аппаратура калибруется на его сигнал, уже след простыл. У меня радаров нет, только эта рухлядь.

— Устанет бегать, остановится передохнуть, — сузил глаза Саммю. — Расталкивать такую толпу в самый пик шоу та еще работенка, где-то он сдохнет.

Бык внезапно осознал, что начало передачи означало, что мальчишка вышел на бой. Кто у него противник? Какие условия? Выйти и посмотреть было невозможно, пришлось остаться на месте. Шаман и Саммю нависли над столом, загораживая экран, снимки продолжали падать, и вдруг Шаман издал вопль радости.

— Всё! — гаркнул он. — Стоит на месте.

Красные линии пришли в движение, кинулись к одному месту, как акулы к раненому, сосредоточилось в точке на краю арены и замерли. Камера щелкнула, на экран выпал снимок куска арены и нескольких скамеек вдоль ограждения. Из-за нахождения объектива в центре зала снимок был сделан немного под углом. Скамейки были до отказа забиты людьми, но их вовсе не было бессчетно, это уже было кое-что.

— Еще! — попросил Саммю. — Ближе!

Камера продолжала выдавать снимки, приближаясь к человеческим спинам и головам.

Пятеро людей.

Три человека.

По представлениям Быка в фокусе должен был остаться один человек, но камера прошла в просвет между ними, сняла кусок ограждения и угол арены, где издевательской шуткой лежал белый плюшевый медведь.

Саммю и Шаман переглянулись и одновременно бросились к выходу. Бык последовал за ними, выскочил в комментаторскую и прижался к стеклу биноклем. Именно в этот момент игрушку поднял мальчишка, демонстрируя ее ревущему залу, словно свою добычу. Истинная добыча исходила искрами и судорогами за его спиной, выгнутая, словно в эпилептическом приступе. Красный квадрат был усеян белыми осколками пластмассы и тем, что лавиной летело из зала. Униформисты сгребали очередной слой с арены, но шквал подарков не останавливался, как и овация — редкий случай для Колизея.

Саммю и Шаман встали по бокам от врача, к которому после боя мальчишка должен был явиться на осмотр. Тот покосился на почетный караул с явным неодобрением, но ничего не сказал, разложил свой саквояж на столе, перебирая инструменты. Прошло несколько минут, прежде чем на лестнице раздались шаги униформиста, провожающего кассина с арены в комментаторскую. Рабочий сдал его, просто подтолкнув в спину, и Бык заметил, как при виде Старухиной жилетки врача перекосило.

— Раздевайся, — прошипел тот мальчику. — До пояса.

Жилетка вместе с медведем легли на скамью. Не дав себе труда изобрести какой-то предлог, Саммю вместе с Шаманом подхватили игрушку и мгновенно распотрошили. Мальчишка смотрел на это вскрытие с отсутствующим выражением лица, словно ему было не привыкать к странностям администрации. Кроме синтетических обрезков, в медведе ничего не нашлось. Даже глаза не были стекляшками, в которые можно было вложить электронику, их вышили прямо на медвежьей морде обычными нитками. Потом пришла очередь жилетки, но и там кроме пары шоколадок, коробки с леденцами в войлочной вате и какого-то пластмассового человечка ничего не было.

— Он нас нагнул, — тихо шепнул Саммю Шаману. — Ваши самодельные радары этому дрифтеру как семечки. Зато мы рассекретились. Теперь он знает, что мы о нем знаем, и вряд ли еще раз подставится.

— Придется пользоваться тем, что у нас осталось, — так же тихо ответил Шаман. — Может быть, он его видел.

Осмотр закончился, медвежьи обрезки мальчик сам собрал с пола и втиснул обратно в оболочку, потом застегнул молнию на спине игрушки. Из-за неумелой набивки жизнерадостный до этого медведь теперь криво ухмылялся и косил глазом куда-то в сторону двери.

По условному знаку Саммю врач порылся в саквояже и протянул Малому небольшой серый брусок в оболочке. Это лакомство знали многие кассины, пористый состав давал только видимый объем, при надкусывании мягкая структура плющилась во рту и превращалась в жалкое подобие себя прежней, усохшее в размерах, как войлок.

— Бери, — подбодрил мальчишку Саммю. — Ты сегодня заслужил. Такое шоу долго не забудут.

Брусок тоже отправился в карман после короткой благодарности. Выглядел мальчишка уставшим и выжатым, но медведя прижимал к себе крепко, как делают дети с любимыми игрушками перед сном. Кассины, ожидавшие своей очереди на выступление, радостно кудахтали в адрес уходящего победителя.

Саммю побарабанил пальцами по стене, бросил взгляд на врача, потом на Шамана, и только после этого на Быка.

— Как думаете, он сразу ее съест? Или прибережет для лучших времен?

— Вы себя помните в детстве? — ядовито спросил врач. — Сладкое долго не хранится. Скорее всего, съест если не по дороге, то потом, под одеялом.

— Предлагаю выждать парочку часов, чтобы подействовало

наверняка. Двигаться все равно сможет, а вот что будет видеть — сказать не берусь, это индивидуально. Потом пошлем за ним ходунка, чтобы в камере думали, что его опять вызывают на арену, и пусть приводит его в медблок. Герр доктор, вы мне тоже будете нужны. Со всеми инструментами.

— Что вы собираетесь делать?

Саммю подошел к Быку и снял невидимую пылинку с его костюма.

— У вас глаза красные, — мягко сказал он. — Нужно больше спать, иначе вы так долго не протянете, впереди целая неделя боев. Возьмите снотворное, выпейте и не просыпайтесь сутки, а лучше двое. Мы договорились?

Бык хотел сказать «нет», но вместо этого позорно кивнул.

Глава 19. Сны и видения

Снотворного в саквояже врача не оказалось. Тот старательно покопался во внутренностях потрепанного чемоданчика и нерешительно посмотрел на Быка.

— На медосмотрах оно не нужно, поэтому с собой не беру, — объяснил он. — Насколько критично нарушение сна?

— Сильное, — Бык непроизвольно бросил взгляд в стеклянную ленту кабинета Саммю. — Свою пачку таблеток уже прикончил. Почти не сплю последнее время, слишком много всего навалилось, а психика… Иногда хочется заснуть и не проснуться.

— Тогда легкие транквилизаторы вам будут бесполезны, — врач снова перебрал в саквояже содержимое. — Если подождете перерыва между боями, я принесу. Или сами найдете? Я скажу — где.

— До перерыва еще долго, я, признаться, на ногах едва стою. Да и зачем вас затруднять. Сам справлюсь.

— Пойдемте, дам вам ключ.

Бык покорно двинулся следом за врачом в кабинет Саммю, где находился дополнительный медицинский скарб, не нужный на медосмотрах. Входить не стал, остановился на пороге, чтобы никто не подумал, что ему очень интересно посмотреть на экраны, но врач возился в кривой тумбочке что-то очень долго. Мальчишка дошел до камеры, свалился на свою лежанку, развернул полученное угощение и начал меланхолично жевать.

— Пару часов, — с удовлетворением повторил Саммю, разворачиваясь к Шаману, но краем глаза зацепив и Быка. — Там доза на взрослого, ему с головой хватит.

Другой экран, стоявший рядом, отразил какую-то громкую возню в камере, и Бык перестал притворяться, подошел ближе. Причиной свалки оказался медведь, которого дети в камере практически вырвали у победителя из рук — игрушек в бараках не водилось, разве что какой-нибудь умелец вырезал из войлочного корня нечто похожее на человечка.

— Моё! — верещал зайцем самый младший, которого подростки постарше пинками отгоняли от дележа игрушки. — Я перший зловил!

— У тя ущо нос не срос, — презрительно отозвался один из обидчиков.

Из-за роста младший мог только подпрыгивать за спинами старших, те же уцепились за лапы медведя и перетягивали его каждый в свою сторону, злобно пыхтя и лягая противников

черными пятками. Младший догадался пролезть между ногами и дернуть яблоко раздора на себя вниз. Противники столкнулись лбами и зашипели как разъяренные гуси. Назревала уже настоящая драка, но хозяин игрушки внезапно издал такой резкий и повелительный свист, что медведь плюхнулся на пол и сиротливо остался там лежать.

— Вот, держите, — врач оторвал Быка от монитора, сунул в руку простой железный ключ с кольцом на конце. — Вернете потом лично мне. Лазарет знаете?

— Примерно.

— В самом конце прохода есть тумбочка, в верхнем запертом ящике — снотворное.

— Андроиды там нигде не прячутся? — неловко пошутил Бык, чувствуя на себе взгляд Саммю, от которого начинали гореть уши.

Врач поморщился.

— В лазарете только лежачие. Одной таблетки на восемь часов хорошего сна хватит. Можете взять целый блистер, если такое дело, но принимать аккуратно.

Бык зажал в кулаке ключ и поспешно ретировался, чтобы не идти рядом с Саммю и Шаманом, которые дружно покинули насиженные места. Он прошел мимо униформистов, поднимающих наверх следующую партию кассинов, ускорил шаги и первым свернул в тот отсек, который вел к лазарету. Саммю и Шаман, не обратив на него внимания, проследовали дальше к медблоку.

Входной двери в лазарете не было, а боксы отделялись от прохода занавесками, наподобие тех, что вешают в ванных комнатах — дешевая синтетика, которую легко отмывать от любых брызг и грязи. Стенами боксов были перегородки из фанеры, покрашенной в серый цвет, Бык помнил эту краску, которую покупали еще при заводе, а потом остатки использовали на дверях в бараки. Перегородки не доставали до потолка, тот представлял собой природную поверхность и потому ровным не был, между ним и стенами оставались зазоры, где-то больше, где-то меньше.

При его движении волна стоячего воздуха шевельнулась, занавески зашуршали, наэлектризованные составом его одежды, одна из них приподнялась и прилипла к рукаву, как верная жена, открывая неприглядное нутро бокса из каких-то трубок и проводов, в середине которых угадывался человек. Бык брезгливо стряхнул ее с себя, прибавил скорости, нашел тумбочку, воткнул ключ в скважину словно нож, и замер, глядя на содержимое ящика. Снотворное оказалось довольно известным

сильнодействующим препаратом, который обожали стареющие кинозвезды.

Он решительно сгреб горсть упаковок, сколько смог захватить. В его пальцы поместилось не то шесть, не то восемь блистеров, острые края кололи ладони и торчали между пальцами. Постояв так над ящиком несколько секунд, он выдохнул, медленно разжал кулак и позволил лишнему упасть обратно.

Ближайший бокс был пустым: лежанка стояла без постельного белья, тумбочка была голой, мониторы отключены. Бык сел на кровать, вытряхнул на ладонь пару таблеток, закинул их в рот и только после этого сообразил, что нужно чем-то запить. Но никакой воды в боксе не было. Кривясь от горечи, он заглянул еще в пару пустых отсеков, но только в одном нашел небольшой кулер с полупустой бутылкой. Лежанка здесь была поприличнее первой, но точно такой же голой.

Нацедив в стаканчик ледяной жидкости, он проглотил крошево во рту, поставил остаток воды на тумбочку и, недолго думая, вытянулся на кровати. Какая разница, в сущности, где спать, если собираешься проспать сутки? Слева за перегородкой кто-то тяжело дышал, буквально исходил хрипами, справа мерно попискивали аппараты. Бык закрыл глаза, но тут же открыл их — занавески в его боксе издали волнообразное движение и легли обратно.

— … попрощаться, — услышал он.

Бык вытянул шею вперед, стараясь не дышать и не шевелиться. Расстояние и полотнища глушили прямой звук, в бокс долетали только обрывки фраз.

— … когда поправишься… покупатель тебя заберет… безопасно… обезболивающее… по одной штуке из коробки… на арену больше нельзя…. оставлю в кармане жилетки… публика не захочет такого поединка…

Ответов Старухи Бык не слышал, не то она была слишком слаба, не то слушала молча.

— … больше не увидимся, Тарси.

Некоторое время Бык продолжал лежать без дыхания и с колотящимся сердцем, но не слышал больше ничего. Как не было ни шагов, не колыхания занавесок. Не выдержав, он поднялся, пересек проход и застыл невидимкой, скосив глаза в прорезь чужой ткани, вовремя вспомнив о камере. Предосторожности были излишни, Старуха лежала, глядя в потолок сухими глазами, ее рука сжимала коробку с леденцами. В ногах лежанки притулилась знакомая жилетка, из кармана которой торчало надкушенное угощение Саммю. Бык тихо отступил, вернулся на

свою кровать и сел. Снотворное начало действовать, стены дрожали и двоились, он торопливо вытянулся во весь рост и закрыл глаза.

Сон ему приснился странный. Начался как самый обычный кошмар, в котором переплетение черных коридоров уводило его далеко от безопасного места, но он упрямо двигался вперед, потому что знал, то где-то там его ждет такая добыча, ради которой нельзя сдаваться. И он тянулся, лез по наклонным ходам, отполированным сверлом давно сгинувшего проходчика Дэвида Марахси, пачкая брюки и ладони, и, наконец, вывалился на свободное пространство, круглое, как мячик для пинг-понга. Откуда-то в этом круге был свет, Бык задрал голову, чтобы понять, что его может давать — прибор или звезда вроде Солнца, но отверстие сверху не позволяло себя разглядеть. Оно жарило лучами и слепило таким сиянием, что Бык зажмурился от слез. А когда смог разлепить глаза, увидел, что в пещере он уже не один. Вокруг антрацитовыми кольцами, выходящими из стен, уходящими в полированные дыры, свивался огромный змей, чья шкура отражала свет и казалась мерцающей. Голова змея была плоской и острой одновременно, а из пасти свисал язык. Мокрый, влажный, язык казалась отдельным от змея органом — он выстреливал вперед, втягивался назад, опускался вниз и облизывал морду, загибаясь наверх.

— Войлочный червь, — прошептал Бык с каким-то странным удовлетворением.

Страха не было, было осознание того, что легенды не врали, теперь можно уже ничего не делать, потому что делать нечего.

— Ящер, — ответил ему исполин, и почему-то не было ничего странного в том, что Бык его понял, хотя язык зверя продолжал жить своей жизнью. — Черви здесь вы.

— Кто? — зачем-то переспросил Бык, хотя прекрасно понял, о ком говорит хтоническое чудовище.

— Паразиты, — просвистел ящер, моргнув глазами. — Прах Марахси.

— У нас тут бизнес, — Бык знал, что для древнего чудовища это оправдание выглядит жалко и непонятно, древние чудовища ничего не знают о бизнесе и кредитах, но ничего лучше не придумал. — Мы вложили большие деньги. Планетоид принадлежит нам.

— Я сотру вас в порошок, — равнодушно пообещал ящер, — в мелкую черную пыль, по которой всю жизнь будут ходить ноги тех, кого вы сами считаете грязью.

Бык закашлялся — упомянутая пыль поднялась вверх от движения хвоста, окутала его облаком и осела на гортани как

корица, безобидная при добавлении в жидкость, но смертельная в сухом виде.

— Тебя не существует, — прокашлял он, пытаясь победить адскую сушь во рту. — Ты миф! Пустая выдумка!

Вместо ответа зверь развернул к нему свою голову, приблизился и уставился немигающими глазами в переносицу. Язык ящера вытянулся, коснулся лица и прошелся по нему липкой ощупывающей паутиной, оставляя еле влажные следы в местах касания. Бык знал, что если он сейчас сделает резкое движение, змей стянет свои кольца и схватит его в захват и сломает гости, оставив череп напоследок, поэтому стоял неподвижно, зажмурив глаза, ожидая, пока кошмар закончится. Когда все и вправду закончилось, Бык рискнул посмотреть, что делает червь, но в этот момент следы языка на его лице вдруг начали гореть как огнем. Яд! Жгучую слизь было невозможно стереть руками, он только покрывал ею еще большую поверхность кожи, которая уже грозила начать дымиться и отваливаться кусками.

— Помоги мне! — отчаянно крикнул он змею.

— Помоги себе сам, — ответил тот. — Если угадаешь как.

Единственное, что пришло Быку в голову — это собрать ту самую черную пыль с земли и засыпать ею больные места. Это неожиданно помогло, слизь утратила едкость. Жжение отступило, но он не мог остановиться, в панике хватал с земли, зачерпывал и посыпал себе лицо этой грязью под тихий смех, в котором было что-то знакомое.

— Да проснитесь же вы!

Кто-то настолько сильно тряс Быка за лацканы пиджака, что пришлось продрать глаза через страх, что яд снова начнет плавить роговицу. А потом пришло понимание того, где он находится. Он узнал сейф, систему холосвязи и самого хозяина, бледного как полотно, с галстуком набекрень. Костюм на Ромуле был самый парадный.

— Дали бы хоть пару часов поспать, — вялым языком произнес Бык. — Я снотворное выпил.

Ромул ругнулся, отступил назад и вытер лоб, на котором выступила испарина.

— Вы в своем уме? — скандально спросил он. — Мы черт знает что уже думали!

— Я не знал, что понадоблюсь, — Бык сделал попытку встать, но окружающие стены пришли в движение и свалили его обратно.

Врач протянул ему стакан с резко пахнущей жидкостью.

— До дна, — приказал он.

Жидкость принесла с собой ясность, он узнал на заднем

плане Саммю, Шамана, Язмина и даже Вигго, топтавшегося на пороге кабинета с видом растерянной собаки.

— Что случилось? — спросил он, опуская голову на диванную подушку.

— Вы нам объясните, — сварливо отозвался врач. — Мы подняли на уши всех, кого могли, прежде чем догадались заглянуть в ту щель, где нашли вас. Перенесли сюда, но и тут добудиться не можем третьи сутки. Что произошло в лазарете?

— Трое суток? — бешено колотящееся сердце успокаивалось, окружающее становилось знакомым и привычным. — Ничего не происходило, я просто выпил пару таблеток, хотел вздремнуть в тишине, и не рассчитал, видимо, дозу.

— Вы сумасшедший, — врач бросил пустой стакан в ведро у стены. — Могли к праотцам отправиться.

— Если вам сейчас лучше, то вставайте, — велел Ромул. — У нас каждый человек теперь на счету.

Бык поднялся, насколько позволяли ватные ноги. Язмин и Шаман расступились, давая ему пройти вперед самостоятельно, а вот Саммю даже не подумал посторониться. Он смотрел в упор, и по его лицу Бык догадывался, что его в чем-то подозревают. Ромул вытолкал лишних за дверь, запер тяжелейший засов, который раньше не использовался, и только после этого налил виски в стакан. Бык подумал, что это для него, но виски Ромул выхлебнул сам. Только потом разлил еще раз уже на всех и кивком головы велел брать — ему было не до церемоний. Бык увидел у него на поясе лучевой пистолет, бластер военного образца.

— Что это значит? — спросил он, глазами указывая на оружие.

— Это значит, что в Колизее введено военное положение, — вместо Ромула ответил Саммю. — Пока вы спали, у нас тут кое-что изменилось.

Бык взял стакан, сел в кресло и сделал маленький глоток виски, обжигающая жидкость неприятно напомнила сон, но он заставил себя допить до дна, и ему стало немного лучше.

— Если вкратце, — вдруг раздраженно сказал Ромул, — кассины бунтуют.

Бык посмотрел на Саммю, тот хранил насмешливое выражение лица, но теперь оно было каким-то неуверенным по сравнению с тем, что он видел раньше.

— Эти скоты, которым мы раздали чипы, вообразили, что могут устанавливать свои порядки на боях, — Ромул плюхнулся в кресло напротив Быка. — И мы даже не можем послать андроидов успокоить их, они попросту бесполезны.

— В каком смысле?

— В прямом. Помните слова Шамана про приоритет команд? Вот это и есть то, что они с ними делают. За трое суток ни один бой не закончился в пользу ромульян. Публика на грани истерики, ставки упали.

— Подождите, — Бык опять посмотрел на Саммю. — Это умел делать один человек, кто — «они»?

— Вся сто пятая, — злобно ответил тот. — Семьсот тридцать пятая, пятьсот третья, двести шестая, черта в ступе двадцатая… Причем мы подозреваем, кто их научил, сукин сын… А все ваша идея, Ромул — раздать чипы всем желающим, не трогать мальчишку!

Ромул тоже психанул.

— А вы лучше? Втроем без меня не справились с сопляком, понадеялись на камеры в коридорах. Теперь эти скоты все ваши следилки снесли камнями, и хрен его поймаешь в этих катакомбах вслепую.

— Вы упустили мальчишку? — словно не поверив своим ушам, спросил Бык. — Как это могло случиться? Доза не подействовала?

— Герр доктор клянется, что дал именно то, что я велел, — хмуро ответил Саммю. — Я сам видел, как он это ел. Мы послали за ним ходунка через час, и он вышел из камеры, только в медблок не пришел. Снял с ходунка фонарь и растворился. Как мы ни пытались засечь его на камерах, пока они еще работали, не вышло. Один раз вроде кинули людей в нужное место, но половина заблудилась в этих переходах, половина надышалась каким-то дерьмом и вернулась в слюнях до колен. А потом и камеры сдохли.

— Ясно, — Бык постарался остаться расстроенным. — Почему бы просто не закрыть бараки на пару дней и не прекратить снабжение? Они проголодаются и пойдут на соглашение. Бои только придется отменить на это время.

— Не можем, — Ромул вскочил и снова потянулся к виски, но Саммю быстрым движением убрал бутылку из зоны досягаемости и поставил в шкаф. — Остановить «Кассинову» сейчас смерти подобно.

— Вы подписали кредитный договор? — догадался Бык.

— Да, — поджав губы, произнес Ромул. — И договор на долгосрочную аренду тоже. И ведь ни одна скотина не поставила меня в известность, что тут творится!

Саммю сложил губы трубочкой и символически посвистел, потом изобразил молчание.

Глава 20. Плацц

Вызвать на связь Хиотиса, чтобы получить его совет и консультацию, не удалось. Космические помехи, вызванные прохождением границы от Новой Виктории к Урсуле, делали направление недоступным. Ромул прекратил попытки после часа непрерывного дозвона и переполненной пепельницы, махнул рукой.

— Обойдемся без него, — решительно сказал он. — В конце концов, не первый раз кредит беру, знаю, как это делается. Главное для нас сейчас — деньги, деньги — это возможности. Бык, мне понадобится ваше участие, вы у нас главный по строительству. Согласуйте фиктивного генподрядчика, готовьте подставной счет, я запрошу первый транш. По договору мы имеем право забрать до семидесяти процентов на строительство. Это очень приличная сумма, от нее можно уже плясать.

— Семьдесят процентов от ста сорока миллионов — это девяносто восемь миллионов кредитов, — Бык неуверенно посмотрел на Ромула. — Всю сумму будем выводить на строительство? Не слишком много?

— Я в бизнес-плане заявил полностью благоустроенный жилой район, — отмахнулся тот. — Пусть в договоре будет не только школа, но и больница, детский сад, что там еще может входить в инфраструктуру?

Бык подумал.

— Оздоровительные комплексы, бассейны, сауны, ресторан, спортивные залы…

— Вот-вот, — Ромул кивнул. — Масштабное строительство, полный апгрейт жилой части планетоида. А как только деньги будут у меня в кармане, я прижму этих скотов так, что они будут молиться на каждый вдох, который им разрешат сделать. Мы им покажем, кто на Марахси хозяин.

И опять Быку некстати вспомнился войлочный червь, но возражать он не стал, пересел к компьютеру и начал писать письмо проверенной конторе, которая его еще ни разу не подводила. Фиктивные подрядчики у него имелись в изобилии, давние и проверенные деловые связи, но это была мелочь, а разом принять такую сумму и обналичить через субподрядчиков могла только очень крупная организация, с ней приходилось действовать через доверенное лицо, а не напрямую.

Ромул наблюдал за его перепиской, нетерпеливо постукивая носком ноги в основание стола. Это раздражало, но Бык терпеливо продолжал свое дело, благо, оно было привычным, и

даже успокаивало, поскольку не требовало физических движений. Состояние покоя имело обратную сторону, после снотворного голова иногда странным образом плыла и что-то вроде обрывков сна или фрагментарных галлюцинаций на секунду появлялись перед глазами, стоило остановить взгляд на чем-то неподвижном. Приходилось заставлять себя не фокусироваться и постоянно двигать глазами.

— Мой человек говорит, что они не возражают, но деньги будут возвращать по частям в течение недели или двух, слишком большая сумма, — сказал он Ромулу, который, судя по нетерпению, ждал их прямо сейчас. — Процент за обнал прежний плюс полпроцента за срочность. С закрывающими документами будет дольше, проектная документация, сметы, расценки, акты…

— Пока нужны только договор и счет, — отмахнулся Ромул. — Мы отправляем их менеджеру, говорим, что готовы начать работы, деньги всей суммой ложатся нам на счет, и мы гоним их дальше сами, банк только за назначением платежа следит, потому что кредит целевой. Если хотя бы кусок вернут сразу, остальное спокойно подождем.

— А сейчас деньги где? — не понял Бык.

— На нашем ссудном счете у банка, — Ромул отбросил ненужный галстук в угол дивана. — С момента, когда они упадут нам на расчетный счет — будут наши, но с этого дня начнется отсчет кредитного долга и начисление процентов. Так что чем скорее получим обратно — тем быстрее наймем армию.

— Чем нам поможет армия? — осторожно спросил Бык.

— Террором, — вместо Ромула отозвался Саммю. — Мы сделали ошибку, раздав нашим лягушачьим лапкам чипы и позволив всяким проходимцам забивать им головы лишними кодами. Наводним охраной коридоры и подступы к камерам, поставим по наряду в каждый барак, запретим им разговаривать между собой. Спать, есть и ходить в нужник тоже будут по команде. Если кто-то начнет выступать, определим его в карцер, а потом вернем на место для назидания остальным. Плюс средства контроля, слежения и дистанционного наказания, вроде ошейников с электрошоком. Конвойные не андроиды, к ним в меню не влезешь. Через месяц такой жизни наши овечки Долли впадут в положенное им природой уныние и фатализм, станет безразлично, где умирать — в бараке или на арене, и они опять превратятся в послушное стадо.

Пискнул принтер на углу стола, выплюнул бумагу в лоток — пришли договор и счет от генерального подрядчика с красивым логотипом в виде буквы «эпсилон». Ромул выхватил их и пробежал глазами.

— «Кассинова-люкс», прекрасное название, — одобрительно сказал он, водя пальцем по строчкам. — Проектирование многофункционального жилого комплекса, включающего образовательные, оздоровительные и развлекательные учреждения, геодезические и подготовительные изыскания, черновые работы по подготовке строительной площадки, аренда техники, аренда специализированного персонала, отвал грунта и засыпка… Тут можно сколько угодно списать, структура планетоида такова, что рушить и расчищать можно бесконечно, как и засыпать неровности. Ну и остальное выглядит вменяемо. Думаю, пройдет.

Он пересел на место Быка, открыл банковскую программу и начал заполнять форму на выдачу транша. Остальные директора молча наблюдали за тем, как уходят в банк полученные документы.

— Нужно пока хотя бы временно закрыть вопрос с боями, — напомнил Саммю, наблюдая за сменой статуса заявки на транш с красной на оранжевую. — Если сорвется «парад планет», в деньгах сильно просядем.

— Да, это сейчас не в жилу, — с досадой отозвался Ромул. — Всю наличность я заплатил в качестве комиссии поручителю, нужен новый запас кэша.

Заявка опять поменяла цвет, стала зеленой, а цифры их счета превратились в восьмизначный показатель — банк выдал деньги. Ромул поднялся, победным ударом кулака ткнул кнопку на селекторе, связывающего его с дежурным администратором.

— Так, давайте сюда кого-нибудь из кассинов, только пограмотнее, — приказал он в треск разрядов и далекий вой трибун. — Пусть придут вдвоем или втроем. Скажите, администрация хочет поговорить. Они знают, о чем.

Рядом с ним было легко поверить в выполнение любого плана, его монументальная фигура на крепких ногах одним своим видом внушала уверенность. Деньги, доступные в такой огромной сумме и так легко доставшиеся, кружили голову не только Ромулу, но и Саммю, погруженному в видения карцеров и дубинок.

Бык тоже честно попытался себе представить до зубов вооруженного наемника в сто пятой камере. Стала бы тихой и покладистой Старуха? Ее лицо, полное презрения, встало у него перед глазами. А Малой позволил бы себя нацепить на себя ошейник с электрошокером? Вместо ответа Бык как наяву увидел охранника с войлочной веревкой на шее. Картина будущего благоденствия чудовищно не складывалась, и он не понимал, как этого не видят другие. В каком-то стихотворении была такая

строчка: «Тем, кто слышал зов свободы, мать-отчизна не мила»? Или речь шла не о свободе, а чем-то другом? Может быть, это была песня?

Стук в дверь прервал его мысли, они с Саммю подпрыгнули и очнулись одновременно.

— Кто? — гаркнул Ромул.

— Делегация, — пискнул из-за двери голос Язмина. — Вы сами сказали…

Ромул отодвинул засов, отступил назад и раскрыл пиджак так, что стало видно бластер. В дверном проеме Бык узнал кассинов Горо, Новенького и еще какого-то странного старика, которого он никогда не видел на боях. Судя по войлочной робе, тот тоже был кассином, но вот был ли марахсийцем — этот вопрос оставался открытым, слишком уж нетипичным было у него лицо, белое и с белесыми ресницами, словно у альбиноса.

— Догадываетесь, зачем позвал? — громко спросил Ромул.

Седой старичок сощурил свои глазки и выступил вперед.

— Как не знать, коли ужо все про энто говорят, — мягко сказал он.

— Прекрасно, — ответил Ромул. — Здесь и будем разговаривать, у меня от друзей секретов нет.

— А коли нет, так и хорошо, — напевно повторил старичок, не теряя самообладания, — коли друзья, так оно и лучше. Про дела можно и с друзьями, чтобы никаких секретов.

— Вы сорвали расписание боев, — Ромул обвел всех по очереди обвиняющим взглядом. — Люди пришли посмотреть шоу, а его нет. Скоро публика разбежится, есть будет нечего. Не только мне, но и вам. Больше на Марахси ничего нет и заработать нечем. Зачем вы это делаете? Чего добиваетесь?

— Школа нам нужна, человек хороший.

— Какая школа? — не понял Ромул.

— Такая, как раньше бывала, — словоохотливо объяснил старичок. — Деток учить, ну и нас уму-разуму, знач, тоже. Алгебру там или географию, а то еще есть, грят, хвизика. Знанья, они свет для темной головы, ровно как фонарь на ходунке в забое. Вот и мы решили, что школа нам оченно надобна. Первей первого.

Ромул набрал воздуха в грудь, словно собрался кричать, но неожиданно передумал, запахнул пиджак и сделал шаг назад, словно приглашая делегацию войти. Те двинулись было, но остановились на краю ковра, лежавшего на полу.

— Школа, значит? — переспросил Ромул, оглядываясь на Быка и Саммю многозначительным взглядом. — Я тоже так думаю. То, что вы темные, это правда. От темноты и невежества

вам головы дурят все, кому не лень, врагами нас выставляют. А кто вам крышу над головой дает, кто кормит? Могли бы придти и сказать без этих глупых демонстраций. Что же мы, против школы? Нет. Нужна — построим. Ты грамотный? Как тебя звать?

— Читать умею, — солидно ответил старик, и стало ясно, зачем его привели. — Коли есть что читать, разберу. А звать меня Плацц.

— На, читай, — Бык протянул ему полученные только что договор и счет. — Видишь, сколько всего нужно для школы? Учителей еще нанять, квартиры им дать, не в бараки же их селить, эдак они все разбегутся. Надо им строить дом, значит. Потом вам тоже нехорошо в этих темных дырах жить, да и спать, небось, хочется на кровати, а не на ящиках с матрасом. Верно?

Напряженное лицо Горо обернулось к старику, пока тот внимательно просматривал бумаги.

— Эт верно, — согласился Плацц, мелко кивая головой в знак согласия. — Дюже дорогое удовольствие образованность, но мы согласные потерпеть.

Горо почему-то после этих слов расслабился.

— Тогда вот что, Плацц, — вдохновенно продолжал Ромул, — кроме публики, которая ходит на ваши бои, никто денег на школу нам не даст, а за что они будут платить, если вы всех андроидов поломаете? Нужно, чтобы в Колизее все шло как обычно. Вы к нам хорошо, и мы к вам хорошо, сколько уже работаем вместе, и не сосчитать. Сейчас цель у нас будет общая. Думаете, у меня сердце не болит от того, что вы живете в таких скотских условиях? А другие где взять? Надо заработать.

Саммю отвернулся от двери, подошел к столу с бутылкой воды, начал наливать себе в стакан, но горлышко дрожало так, что Бык услышал звон, понял, что Саммю душит смех, который он пытается замаскировать кашлем.

— Пусть «парад планет» идет как объявлено, — закончил тем временем свою речь Ромул. — Это всего несколько дней, потом Колизей закроем, дадим вам отдохнуть, ну и про школу все обговорим. Всех выслушаю, обещаю, найдем компромисс. Что скажешь, Плацц? Договорились?

Принтер очень некстати разродился целым потоком новых счетов, уже не фиктивных, а реальных, где значилось оружие и системы контроля. Кассины посмотрели на принтер с суеверным ужасом, а Плацц — с нечитаемым выражением узких глазок, вытянув вперед тощую шею.

— Это можно, — солидно сказал он, когда принтер закончил оглушительно клацать лотком подачи. — Отчего бы не подождать, если договорились.

— Вот и славно, — Ромул вернулся в свое кресло и сел так, как будто продолжает начатую переписку. — Тогда выступайте как обычно, а мы пока учителей вам наберем. Не обману, раз уж слово дал. Так остальным и передайте.

Делегация переглянулась, нестройно попятилась и сгинула в недрах коридора, Язмин еще раз мелькнул в дверях, закрывая их за собой, и только после того, как кабинет снова стал герметичен, Ромул и Саммю дали себе волю. Их хохот был бы слышен на весь Колизей, если бы зрители не бесновались больше и громче любого шума.

— Ну вот, вопрос с боями подвинули, — отсмеявшись, сказал Ромул. — Теперь нужно разыграть последнюю карту, которая у нас осталась на руках. Саммю, что вы сделали, чтобы поймать мальчишку?

— Перенесли выступление Старухи на сегодняшний вечер, — с готовностью отозвался тот. — Ее бой он точно не пропустит. А если дрифтер еще здесь и по-прежнему им интересуется, то и его попробуем подсечь на интерес, точнее, обоих разом.

— Как Старуха себя чувствует? — спросил Бык, радуясь, что сейчас его вопрос подозрений не вызовет.

— Слабовато, — Саммю пожал плечами. — Но встает и двигается без опоры. Выйти на своих двоих сможет.

— Раздайте униформистам оружие на время ее боя, — приказал Ромул. — Возьмите архив записей и сделайте увеличенную фотографию, вручите охране, а так же раскидайте по камерам. Может быть, кто-то и поведется, захочет денег или смены положения, может личные счеты, неважно. Любая наводка будет в тему, осечек больше быть не должно. Не в этот раз.

Он посмотрел на Быка и кивком головы предложил озвучить сомнения, которые читались у того на лице.

— Меня как администратора больше волнует поединок, — честно сказал Бык. — На ее бой придет огромное количество народу, будет столпотворение. Не найдется ни одного человека, который не слышал о ней, так что ставки будут огромные. Поединок будет настоящим или подставным? Только честно? В прошлый раз недовольство зрителей обошлось нам в кругленькую сумму, сейчас они нас просто растерзают.

— Будет настоящим, — подтвердил Саммю. — Физически она вроде в норме, даже удивительно, что так быстро поднялась. Но несет какую-то ахинею, словно мозги путаются. Видимо, наркоз так подействовал, у кассинов и без того голова слабовата, а тут два подряд, да и средства у герр доктора дешевые, с побочкой. Мы, конечно, ее накачаем стимуляторами и обезболивающим, но как она будет себя вести на публике, предсказать не берусь.

— Вытолкаете обоих на арену, сделаете музыку погромче, никто ее не услышит, — отмахнулся Ромул. — Даже если она начнет болтать лишнее.

— А покупатель? — вдруг вспомнил Бык. — Что он скажет?

— Ничего, — фыркнул Саммю. — Мы условия не оговаривали, что ее нельзя эксплуатировать до отгрузки.

— А кто-нибудь его видел? Знаете имя?

— Ничего не знаем. Он заявку через терминал подал, сумму тоже оттуда внес, а адрес прислал только вчера. Скажем, поздно увидели письмо, извините.

— Черт с ним, — решительно ответил Ромул. — Он меня сейчас волнует меньше всего. Если этот Плацц убедит остальных, то до конца «парада» доживем спокойно. А там и первые поставки подойдут.

— Кстати, а кто такой этот Плацц? — спросил Бык. — Я его раньше никогда не видел. Даже не знал, что у нас есть такие пожилые кассины.

— Наверное, из того отребья, которое живет в дальних бараках, мы туда слили весь неликвид, камер даже не ставили, смотреть там не на что, — ответил Саммю. — Старики, инвалиды и прочий шлак, на черный день, когда убыль кассинов станет критической и некем будет дыру заткнуть в сетке.

— Погоди, я его помню, — вдруг сказал Ромул. — Когда завод работал, он что-то вроде уроков давал, читать учил этот сброд, который надписи на станке разобрать не мог. Тогда и велели учить их целиком словам, чтобы они не путались. Он ходил по цехам и буквы показывал.

— Учитель? — удивился Бык. — Я думал, этой профессии на Марахси давно не существует.

— Скоро опять появится, — хохотнул Ромул. — Правда, не в том виде, в котором это хочется нашим кассинам, ну да у них выбора не будет. Бык, последите за порядком в Колизее, и дайте знать, если что-то опять пойдет не по плану, я сейчас отправлю деньги вашей конторе, а вот следить за возвратами и удержанием комиссий придется вам. Хиотис так и недоступен, черт знает почему, хотя вроде бы уже границу прошли.

Бык покинул кабинет с двоякими чувствами. С одной стороны, все выходило предсказуемо и обычно, с другой — очень уж старательно вытягивал шею в направлении принтера Плацц. Если он был учителем, то наверняка мог понять, что написано в счетах, сделать какие-то выводы.

Саммю, шедший рядом, толкнул Быка локтем.

— Не думайте о плохом, — посоветовал он. — Я тоже поверю в счастливый конец только когда деньги будут у нас в кармане.

До той поры мы ходим по краю, и даже сбежать нам некуда, так что самое лучшее — зажмуриться.

— Почему некуда сбежать?

— Да так, — неопределенно ответил Саммю, сделав кислое лицо. — На слухи в суд не подашь, рты не зашьешь, но репутацию здорово портят. Так что если мы где и можем рассчитывать на достойную жизнь, то только здесь, за высоким забором и под охраной. И скорее бы уже они появились.

Глава 21. Крах Марахси

Плацц сдержал свое слово. Колизей продолжил работу, бои пошли с переменным успехом, пусть и не таким кровавым, как раньше. Публика отчасти успокоилась и опять понесла деньги букмекерам, не заметив разницы. Зато ее чувствовали все остальные. В комментаторской по-прежнему менялись смены, но в их голосах больше не слышалось того энтузиазма и залихватских ноток, которые подогревались собственным превосходством и безнаказанностью. На всех невидимой липкой паутиной лег страх.

Язмин отказался от выступлений, сорвал голос, и это не было ложью, он действительно «давал петуха» время от времени, и было принято решение отпустить его домой лечиться. Язмин собрался моментально и даже не пришел попрощаться с Саммю. Глядя на его фигуру, пересекающую с чемоданом зал в направлении выхода к космопорту, тот пожал плечами.

— Он свободный человек, — сказал он. — А то, что трусоват, так не его вина, тут даже герр доктор в штаны наделал, когда понял, что мы управлять боями не можем, а вот кассины ромульянами — очень даже. Неприятное чувство, откровенно говоря.

— Могли бы натравить на нас андроидов публично, — заметил Бык. — При такой ненависти…

— Вот именно, что ненависти, — вдруг яростно перебил Саммю, разворачиваясь к нему — Вы тоже это поняли? А откуда она взялась? Раньше у них таких чувств не водилось, мы были хозяевами и повелителями, посланными небом. Что, внезапно глаза открылись? Гипноз?

— Раньше они не знали, что может быть по-другому.

— Вот именно, не знали, — остывая, согласился Саммю. — Я тоже раньше не знал, что «одна паршивая овца все стадо портит» — правда. Но мы пустили эту паршивую овцу к нашим овечкам Долли, и теперь, даже если рассадить всех по одиночкам, мозги им в прежнее состояние не вернешь. Это бабе девственность можно восстановить хирургическим путем, девственность мозга утрачивается раз и навсегда. Единственное, что немного поправит дело — это вздернуть мерзавца у них на глазах, чтобы знали, чем заканчиваются все революции.

Бык не нашел, что ответить, подумав про себя, что вряд ли это поможет, разве что наоборот сработает. Сам же Саммю всегда говорил, что особенность сознания кассинов такова, что если они что-то себе брали в голову, то уже с этим не расставались, и

любые насильственные методы забвения вели к тому, что те еще больше укреплялись в своих подозрениях. К тому же «паршивую овцу» для начала нужно еще поймать.

Появление Шамана отвлекло обоих директоров от разговора — тот держал в руках пачку распечатанных снимков, которые раздавал охране и баракам. Бык из любопытства жестом попросил один — кадр был сделан в сто пятой камере, в момент, когда кто-то из кассинов обратился к мальчику и тот повернул голову.

— Иногда форма уха определяющий фактор, — пояснил Шаман выбор кадра. — Лицо можно закрыть, но уши обычно остаются на виду. Возможно, это поможет. На его месте, реши я посмотреть бой Старухи, лицо бы спрятал.

— У нас половина зала покупает сувенирные маски ромульян, — напомнил Бык. — И носят их как короны из Бургер-Кинга. Не станем же мы их сдергивать с людей?

— Придется. Они под подозрением в первую очередь.

Снимок так и остался у Быка в руке, когда Шаман ушел. Догонять и возвращать его при наличии сотни таких же было бессмысленно, поэтому он сунул его в карман администраторской униформы и присмотрелся к охране в зале.

Оружие, которое тем раздали, заключалось в дубинках с разрядом на конце. Раньше такими снабжали только охранников букмекерской, теперь весь периметр зала патрулировали пары униформистов с шокерами. Толку от них было мало — народ тек с разных направлений и эти потоки перемешивались, некоторые зрители в поисках свободного места попадались патрульным не раз и не два. По данным космопорта, подававшимся на табло рядом со ставочным, еще два корабля привезли желающих взглянуть на бой Железной Старухи из Сто Пятой, как услышал Бык от кого-то из кассинов, ожидающих своего боя в комментаторской. Они теперь не стеснялись разговаривать громко, смотрели вызывающе, заткнуть их не рисковал даже Саммю. Викторианский «Эдуардо» и урсулийская «Европа» мирно стояли рядом, пока немыслимое для их размеров количество народу текло по шлюзам в Дартсаршери.

— Капсульные корабли, — объяснил Саммю. — Возят людей штабелями в спальниках. Там можно сотни две провезти.

Взгляд Быка переместился вниз, потому что на арену с ромульянской стороны вывезли на всеобщее обозрение Нидзу. Тело андроида было прикручено к платформе железными скобками и стояло под наклоном, так что он не мог видеть людей, а смотрел в потолок, зато люди его обозревали со всех сторон. Кто-то посмелее тыкал в андроида флажком на длинном древке, мальчишки кидали в него разные фантики и шарики из жвачек,

на каждый такой выпад со стороны зрителей Нидзу издавал рев из-под маски и скреб пальцами полипласт под хохот подростков. Взрослые подходить близко не решались.

— Зачем это? — не понял Бык.

— Чтобы каждый мог убедиться, что поединок будет всерьез, — ответил Саммю. — Шаман следит за всеми, кто крутится рядом с ним. Старуха сама сейчас Нидзу не одолеет, значит, верный рыцарь должен помочь. Вымыться и переодеться ему в катакомбах было негде, росту он себе тоже не прибавит.

Саммю сделал многозначительную паузу. Бык снова посмотрел в толпу, пытаясь угадать, сможет ли издалека разглядеть мальчишку в такой толпе, но отвлекся на толкающегося возле андроида уже знакомого тощего длинного парня с набитым рюкзаком, который висел у него на груди вместо спины.

— Давненько его не было, — сказал он, указывая в полипластовое стекло на оборванца. — Думал, умер с голоду.

— Сталкеры живучие, — Саммю взял у него бинокль и тоже всмотрелся в оборванца. — Наверное, сочинил новую систему ставок и приперся ее попробовать. Хотя мне кажется, он ждал смерти Малого, таскался на все его бои. Ничего, скоро порадуется.

Парень переместился на бесплатную боковую скамейку вдоль ограждения прохода и обхватил рюкзак руками, положив на него подбородок, и закрыл глаза. Очевидно, зал был единственным местом, где он мог поспать в тепле.

Комментаторы дружно заорали в микрофоны, возвещая начало боев нон-стоп, и Бык перешел на балкон. Там тоже было шумно, но все-таки не так, как в дикторской. Ведущий, заменивший Язмина, через каждые несколько минут напоминал зрителям о грядущем выступлении Старухи, используя в отношении нее такие восхваляющие эпитеты, что Быку было неловко их слушать, особенно после того, что он видел в лазарете. Народу прибывало и прибывало, проходы забились людьми, тощего сталкера с его бесплатного места выжили ялмундец в боевой раскраске и его «скво» с примотанным тряпками к груди ребенком. Внезапно Бык увидел, что рядом с ними боковым проходом к дикторской рубке продирается Хиотис, держа пальто на руке. Бык попятился предупредить Ромула, пока тот поднимается, но опоздал — с Хиотисом они столкнулись в комментаторской. По выражению лица Бык понял, что тот в бешенстве. В кабинет Ромула они вошли одновременно.

— Мне казалось, — подрагивающим от злости голосом начал Хиотис, бросив пальто на диван, — что мы доверяем друг другу.

Если наше соглашение расторгнуто, то об этом тоже было бы неплохо поставить меня в известность.

Ромул тоже поднялся на ноги, заложил руки в карманы и широко расставил ноги.

— Может быть, для начала скажете, где вы были все это время? — неприятным голосом предложил он. — Люди не пропадают из зоны доступа, когда заинтересованы в сотрудничестве.

— Недоступны были вы, а не я, — ответил Хиотис, доставая свой дорогой пад и проверяя исправность. — Я ждал от вас информации о встрече с поручителем и не дождался, вы мои звонки не принимаете, пришлось лететь самому.

— Да я все пальцы стер, набирая ваш номер, — возмутился Ромул. — И наше соглашение никто не отменял, вы нам нужны сейчас даже больше, чем раньше. У нас тут кредит в «Клинт и Шенье».

— Вижу, — Хиотис многозначительно взглянул на горевший зеленым логотип банковской оболочки на экране. — Покажите кредитное соглашение.

Ромул достал из ящика свой экземпляр договора, бросил на столик перед диваном. Хиотис схватил его и перелистнул несколько страниц. Бык внимательно следил за ним, но тот уже вполне овладел ситуацией, и сказать, хорош или плох договор, по его лицу было нельзя. Читал его Хиотис очень внимательно.

— Он подписан три дня назад, — вдруг сказал он, поднимая договор в руке. — Это что, было в день вашей встречи с поручителем?

— По-хорошему я думал взять тайм-аут, — смягчившись, ответил Ромул. — Но внезапно сам мистер Клинт предложил не терять времени, если всех все устраивает, время, мол, деньги. Когда глава кредитного департамента такого банка лично предлагает тебе индивидуальные условия, как крупному заемщику и вип-персоне, трудно отказаться.

— Клинт присутствовал на вашей встрече? — Хиотис даже приподнялся, словно гончая на дичь. — Как он там оказался?

— Встреча же проходила в ресторане наверху хэд-офиса банка, он увидел поручителя и заглянул поздороваться с ним, а тот меня представил. Сам поручитель прилетел только для встречи и в следующий раз мог быть через две недели. Поэтому нам и офис открыли вечером, когда уже рабочий день закончился, и персонального менеджера вызвали, и заявление на открытие ссудного счета приняли — и все из-за него.

— Вас ничего не смутило? — повысил голос Хиотис. — Что вам ночью открывают счет?

Ромул пожал плечами.

— Крупный контракт, в банке все на цыпочках бегали.

— Вы не подумали, что надо позвонить мне? Хотя бы уточнить личность поручителя, потому что я не называл фамилии?

— Поначалу да, — огрызнулся Ромул. — Я просто обалдел, когда его увидел в этом ресторанном кабинете. Но было как-то неудобно — пришел Клинт, поздоровался с ним, предложил быть как дома, совместную поездку вспомнил, я и успокоился. Вы сами говорили, что этот бизнес у крупных чиновников тайный, а то, что он урсулиец — так и вы тоже. К тому же они оба вас хорошо знают, так что тут чисто.

— К кредитному договору не приложен договор поручительства, — сказал Хиотис. — Зато есть залог «Кассиновы».

Ромул снисходительно усмехнулся такой наивности.

— Клинт сказал, что залог «Кассиновы» формальный, она все равно столько не стоит, а настоящее поручительство из-за личности поручителя будет сейфовым, незачем Шепарду знать, чем зарабатывают его чинуши. Если я вдруг не смогу платить, они заменят залог на поручительство, и тогда он погасит долг за меня.

— Кто — он? — рявкнул Хиотис.

— Гелбрейт.

— Не трогайте кредитные деньги, — яростным шепотом приказал Хиотис. — Немедленно направьте письмо в банк о расторжении договора!

— Мы только что взяли первый транш и вывели его…

— Отзовите платеж немедленно!

Ромул свалился на кресло перед экраном и лихорадочно защелкал указателем, периодически испуская проклятья. Судя по ним, отозвать платеж возможным не представлялось.

— Я позвоню Клинту, — пробормотал Ромул, дергая ртом. — Попрошу его лично, он сказал… обещал…

Бык холодными руками свернул контракт в трубочку и машинально продолжал его сворачивать, добиваясь сигарной толщины для непослушной пачки листов, пока на экране холосвязи не отразился человек, в котором было бы трудно угадать банкира, до того он казался молодым. Только табличка с именем на его столе говорила о том, что перед ними Роджер Клинт, совладелец банка.

— Я слушаю, — Клинт переложил несколько бумаг на своем столе, прежде чем взглянуть на экран. — Какая-то проблема?

— Мне нужно вернуть платеж, — быстро сказал Ромул. — Я знаю, банк может это сделать, если время еще не упущено. Мы его

отправили совсем недавно.

— Только если в платежном документе есть ошибки, — Клинт выглядел дружелюбным и спокойным.

— Там указана слишком большая сумма.

— Весьма сожалею. Нужно быть внимательнее при заполнении документов. Платеж, как я вижу, заверен вашей личной подписью и технически верен, поэтому помочь ничем не могу.

— Это тупой формализм! — рявкнул Ромул. — Если я говорю, что там ошибка, значит, так и есть. И вы все можете, если захотите. Вы же мне обещали индивидуальный подход, где он?

— Это как раз индивидуальный подход, раз я с вами разговариваю, — засмеялся Клинт. — Не вижу ни одной причины, по которой наш банк должен отказаться от исполнения платежа, составленного по всей форме. Если произошла ошибка, обратитесь к получателю денежных средств и напишите ему официальное письмо с просьбой о возврате. Уверен, они пойдут вам навстречу.

— А вы — нет? — угрожающе сощурился Ромул.

— Я? — Клинт ясно взглянул ему в глаза. — Рабовладельцу, который эксплуатирует детей? Так, что они просят у зрителей обезболивающее?

Быку показалось, что от последних слов Клинта у него зазвенело в ушах, хотя произнес их тот тихо, и тем страшнее это прозвучало, чем более безжалостной и неприглядной правдой они были.

— Мой вам совет, мистер Ромул, — холодно сказал Клинт при всеобщем молчании. — Совершайте платежи по кредиту без просрочек. Это единственное, что вы можете сделать в своих интересах.

Экран погас, оставив всех зрителей в звенящей тишине.

— Сука! — рявкнул Ромул. — Я этого так не оставлю! Завтра же верну деньги и брошу их ему в морду, пусть подавится своим кредитом, а выставить меня с Марахси он не может, у меня долгосрочная аренда подписана. Я единоличный владелец Марахси на ближайшие пятьдесят лет!

— Вы не освободитесь от платежей по кредиту, даже если найдете нужную сумму сейчас же, — сухо сказал Хиотис, вынимая из руки Быка мятый контракт и раскрывая его на нужной странице. — У вас пятилетний мораторий на досрочное погашение. Платить придется со всей взятой суммы пять лет по графику, даже если она целиком будет у вас в кармане.

Дрожащими руками Ромул попытался налить себе виски, но промахнулся и вылил его прямо на стол.

— Куда выгнали деньги? — деловито спросил Хиотис.

— Реальная контора, крупные строители, — поспешно ответил за Ромула Бык. — У меня договоренность через нужного человека с их собственником.

— Звоните ему сейчас, — приказал Хиотис. — Пусть подтвердит лично. Хотя бы с этой стороны не будем ждать беды и потеряем только проценты на обнале и банке.

Бык пересел к экрану связи и набрал знакомый номер. После случая с поручительством предчувствия у него были самые нехорошие, давление зашкаливало и в ушах шумело. Ответили ему не сразу, но время ожидания не превышало приличный минимум, поэтому надежда оставалась еще жива некоторое время, но ровно до того момента, как человек на экране радостно сообщил:

— Проект «Кассинова-люкс»? Деньги пришли, уже направляем корабль со специалистами и оборудованием.

— Каким оборудованием? — прошептал Бык, оглядываясь на Хиотиса. — Какие специалисты?

— Геодезисты и проектировщики, — недоуменно ответил тот. — У нас договор на жилой комплекс со всей инфраструктурой, там одной геодезии как минимум на два месяца, энергетика, снабжение, но вы не беспокойтесь, у нас ребята надежные, строили даже в сейсмически опасной зоне и на астероидах...

— Вы должны были вернуть нам деньги, — Бык потер онемевшую переносицу ледяной рукой. — Мы же договорились… Нам не нужны никакие работы. Это фиктивный договор!

— В каком смысле? — не понял человек. — Что значит фиктивный? Боб, ты это слышал? Да, на девяносто восемь миллионов. Никакого дополнительного соглашения об аннулировании, наоборот, от них только что деньги пришли, стопроцентная предоплата. Да я его первый раз вижу, может, позвоним в полицию?

Бык беспомощно посмотрел на Хиотиса, тот пожал плечами.

— Отключайтесь, остальное все бесполезно. Ваша договоренность тоже фикция. Держу пари, никто в этой конторе о ней и не слышал.

— Мы переписывались с нужным человеком, — пробормотал Бык, глядя на свое письмо и полученный ответ. — Он подтвердил, мы всегда так делали. Что за чертовщина? Как это возможно?

— Нужно расторгнуть договор, пока они не начали работы, — поднял голову Ромул. — Заплатим за первый этап, от остального откажемся. Имеем право.

— Расторжение будет по вашей инициативе, помните викторианскую франшизу? Это всегда не только покрытие

издержек, но и неустойка, размер которой в случае непримиримых противоречий определяет суд, — ответил Хиотис. — Если они не идиоты, то ваша переписка и этот диалог всплывут на суде и быстро переквалифицируют дело в попытку мошенничества с кредитами и незаконный наличный оборот. Вам выпишут ордер на арест, а деньги так и останутся у них, пока банк за просрочку первого платежа не заберет себе «Кассинову» и сам не решит, что ему там строить или не строить. Вам, впрочем, это будет уже безразлично.

— Что же нам делать? — рявкнул Ромул. — Подарить им девяносто восемь миллионов?

— Они готовы исполнять договор, — заметил Хиотис. — Заказчиком выступает юридическое лицо «Кассинова», которое, как я понимаю, принадлежит вам двоим. Собственно, неудачу потерпела только цель кредитования, а в остальном планы сохранились. Девяносто восемь миллионов не стоят свободы, поверьте. Пусть пока начнут, а тут на месте разберемся, к кому подъехать и что предложить. Благоустроенный жилой квартал тоже еще никому не мешал, его можно будет сдать в аренду и вернуть часть вложений. Вы все равно собирались повесить на Колизей все расходы по кредиту, ну так потерпите пять лет моратория, потом разом расплатитесь и снимите обременение с «Кассиновы».

— Каким образом я заработаю на этом булыжнике за пять лет такую сумму? — простонал Ромул. — Кредит планировался на пятнадцать лет с учетом прибыли от вложений в научные разработки, а теперь нужно выплачивать втрое больше, чем мы могли в самый лучший свой период — и никаких дополнительных источников дохода. И еще аренда.

— Сократите расходы на содержание персонала, заставьте их работать тройную норму, примените все рычаги давления, запугайте, в конце концов, у вас же есть для этого андроиды.

Вместо ответа Ромул издал звук, похожий на рычание зверя, попавшего в капкан.

Глава 22. Кубик Рубика

Донести информацию до Саммю, как до третьего собственника, выпало Быку, сам Ромул был не в том состоянии, чтобы сделать это адекватно. Явившийся на зов Саммю сначала усмехался, а потом побледнел, когда понял, что денег не будет в обозримом будущем. Он взял из предложенной пачки сигарету, но его рука то и дело проскальзывала мимо кнопки зажигалки, и Бык из сострадания сам дал ему прикурить.

Свои собственные чувства Бык затруднялся определить. С одной стороны, ему тоже следовало расстроиться, но вместо этого он ощущал только полное безразличие, как будто та часть тела, которая отвечает за эмоции, перегорела, как предохранитель, оставив после себя обугленное место и черную пыль.

Черная пыль…

— Герр доктор просится в отпуск, — зачем-то сказал Саммю вместо того, чтобы дать оценку ситуации.

— Побежали крысы с корабля, — с ненавистью отозвался Ромул, глядя перед собой.

Этого делать, конечно, не следовало, Саммю немедленно прорвало.

— А что вы хотели? — рявкнул он в сторону бывшего патрона. — Чтобы мы сидели и ждали, пока кассины придут поменяться с нами местами? Или вообще сошлют в сто пятую у параши ночевать, пока вы воплощаете свои идиотские грандиозные планы? Которыми вы оба не сочли нужным поделиться со мной, хотя я такой же собственник Кассиновы? Отлично, можете выкупить мою долю, она, как я понимаю, теперь и гроша ломаного не стоит. И справляйтесь с этими скотами сами как знаете.

— Кассины пока ничего не знают, — огрызнулся тот. — И еще некоторое время не узнают.

— А что потом? Когда узнают? Кофе им по утрам подавать в постель, чтобы они оставались в хорошем настроении? Или что они там захотят после школы, стриптизерш? Может… — Саммю употребил непечатный вульгаризм с сексуальным значением, — …им, чтобы они продолжали оплачивать ваш кредит?

Бык бросил взгляд на Хиотиса, тот поднялся и встал так, чтобы противники не видели друг друга.

— Господа, спокойнее, держите себя в руках, у вас есть еще тридцать процентов кредита, которые вы имеете право забрать на благоустройство квартала, — напомнил он, глядя по очереди то на одного, то на другого. — Если не сваляете такого же дурака, то

сможете пустить их в дело, которое планировали из первого транша. Сорок два миллиона неплохой кусок, если доверите вывести их мне, то я гарантирую, что они к вам вернутся в целости и сохранности.

— Вы уже нам посоветовали поручителя, — повысил голос Ромул. — Который нас обул по самые гланды вместе с этим банкиром!

— Пока вы сами прятались в Урсуле, — мстительно добавил Саммю, сменив тактическую цель на более безобидную. — Я видел у вас на столе наш сувенир, где вы его взяли? У вас тут тоже шпионы? Или сам Шепард подарил?

— Шепард? — не понял Хиотис.

— У него тоже в зале свой человек, — ответил Ромул. — Дрифтер, который следит за нами, и которого мы никак не можем вычислить. Что, не Шепард был первым покупателем, имя которого вы не хотели назвать? Может, сейчас назовете, раз уж раскрываем все карты?

Хиотис изумленно взглянул на него.

— Боже упаси меня иметь дело с Шепардом, — ответил он, и прозвучало это так, словно это было хуже смерти. — По поводу сделки ко мне тогда обратился Эйб, он искал новые площадки для бизнеса, но вы отказались от нее, и больше этот вопрос не поднимался, клянусь. Шепард здесь совершенно не причем, ему для своих махинаций проще использовать Гелбрейта.

— Гелбрейт — друг Шепарда? — разинул рот Ромул.

— Если у Шепарда вообще могут быть друзья, — кивнул Хиотис. — С Клинтом Гелбрейт знаком по совместному расследованию на Мумбаях. Видимо, от него и появилась информация о детях на арене, никому другому Клинт не поверил бы. И Шепард использовал его отвращение, сугубо личную реакцию, чтобы подсадить вас на непосильный кредит.

— Нет денег — нет школы дрифта, — понимающе процедил Саммю. — Остроумно. Каждый грош у нас теперь будет идти на восстановление финансовой независимости, тут не до жиру. И еще всю наличку отдали.

— Вы не первые, кто кончает противостояние с Шепардом в долговой яме, — успокаивающе сказал Хиотис. — Кстати, сувенир, о котором вы говорили, пришел мне по почте от вас, Ромул. Мне он показалось забавным, только и всего. Даже в голову не пришло, что это какая-то подстава.

— Я его не отправлял, — подавленно отозвался тот. — Наверняка в нем прослушка. Или генератор помех.

— Потому и связи не было? — догадался Бык.

— Не исключено, — Хиотис прикрыл глаза и задумчиво

выпустил дым в потолок. — Но даже без этого сочетание всех фактов выглядит довольно странно. Допустим, вопрос дрифта действительно для Шепарда первостепенный, это единственное, что защищает Урсулу от Новой Виктории. Но ваши чипы, представляй они опасность, Шепард мог получить для рассмотрения давным-давно, купив любого кассина через подставное лицо. И наверняка уже сделал это, потому что у вас закрытых сделок больше полусотни, кассинов вы продаете кому угодно, и любой из этих чипов может сейчас находиться у него. Но он держит здесь своего человека, и даже выкатил против вас тяжелую артиллерию, потому что Гелбрейт ерундой не занимается.

Хиотис прищурился в сторону Ромула, который всей пятерней скреб красную шею, которая уже имела апоплексический вид. Саммю, напротив, подошел ближе и, взяв стул, оседлал его так, чтобы смотреть на Хиотиса. Бык подумал, что у них много общего, полуприкрытые веками холодные глаза, маскирующие жадный интерес, настолько одинаковые, что сейчас он принял бы их за родственников.

— Транзитный ход? — деловито предположил Саммю, кивая в сторону карты с нанесенной на нее орбитой Марахси. — Мы рассматривали такую возможность, что кому-то нужно обосноваться на нашей каменюге для беспрепятственного пересечения всех границ.

— Нет, только не Шепарду, — отмел предположение Хиотис. — Стоит ему осесть на Марахси, как все викторианские спецслужбы тут же сосредоточатся на этом куске пемзы, он и шагу незаметно не сделает, не говоря о том, чтобы куда-то высунуть нос на территорию Виктории.

— Не чипы, не планетоид, так может ему наш бизнес приглянулся? — вставил свою версию Бык.

Хиотис искренне засмеялся, но делал он это одними губами, глаза продолжали оставаться сосредоточенными.

— Еще более невероятно. Состояние Шепардов сложено несколькими поколениями, начиная с Николаса Шепарда, так что доход от вашего аттракциона ему на один поход в ресторан. Не та маржа.

— Но раз его человек здесь, значит, все-таки что-то нужно, — не удержался Ромул. — И то, что ему нужно, тоже до сих пор здесь.

— Угадай вы его интерес, были бы шансы отыграться.

Директора переглянулись, взаимные претензии отступили на второй план. Несколько минут прошли в молчании, во время которых Хиотис рассматривал карту, сиявшую различными

цветами границ, изгибающихся, как прибрежные отмели.

— До сих пор его дрифтера определенно интересовала только одна вещь, — вдруг задумчиво сказал Саммю. — Наш кассин, с которым они обменивались данными прямо на арене. Может быть то, что нужно Шепарду, есть не у нас, а у него?

Он вопросительно посмотрел на Ромула.

— Голодранец, у которого одежда и та наша, — фыркнул Ромул. — Ты же его осматривал тогда при нас, один балахон на голое тело, даже обуви нет.

— Шаман тоже не нашел у него ничего, кроме гвоздя и родительской побрякушки, — напомнил Бык. — А в бараке дорогие вещи не оставляют.

Саммю медленно развернулся к Быку.

— Черт, а вы правы! Он носит на шее крест, но мы выяснили, что он не христианин, и никогда им не был, да и родителей тоже не знает. А ведь это уже после осмотра Шаман предположил тогда у мальчишки второе устройство.

— Второе устройство? — выпучил глаза Ромул. — Почему я об этом не знаю?

— Какой мальчишка? — насторожился Хиотис.

— Вот этот, — Бык вытащил из кармана фотографию, которую оставил у себя, положил ее на стол. — С ним дрифтер вступал в контакт на арене, и не подавал признаков жизни на других боях. Только мальчик сейчас в бегах, и мы не знаем, где он.

Хиотис взглянул на фотографию и мгновенно достал свой пад, на котором набрал номер, подождал ответа и включил громкую связь.

— Эйб, один вопрос, — торопливо сказал он, поглядывая на притихших собственников Кассиновы. — Скажи-ка мне, маленькая вещь, похожая на крестик, до сих пор у тебя? Та, которая нам досталась в Аркаиме?

— Ноги сделала моя вещь, — громко и злобно отозвался Эйб, добавив нецензурное ругательство. — И я очень подозреваю, что она сейчас на Марахси вместе с Улиссом. Этот говнюк Ромул обещал мне вернуть ее вместе с ним, да только ни хрена не шевелится. Если он сейчас рядом с тобой, дай ему от меня пинка и скажи, что я пока еще жду, но мое терпение не безгранично. И так, на всякий случай, чтобы не было недопонимания — он мне нужен только живым. Я сам его убью. Причем медленно.

— Понял тебя.

Хиотис отключил звук, опустил пад, и в комнате наступила гробовая тишина. Слова Эйба, в другое время вызвавшие бы у Ромула приступ ярости, сейчас остались пустым звуком, потому

что на фотографии поверх мальчишеской войлочной робы на тонком шнурке болтался самодельный металлический крестик.

— Вот это? — спросил Ромул, постучав пальцем по изображению. — Какое там может быть устройство?

— Дрифт-имплант, — ответил Хиотис. — Настоящий урсулийский чип, который вырезали у дрифтера, в тот момент находившегося без сознания. Эйб собирался вшить его кому-нибудь для того же, для чего вы собрались строить школу и привлекать специалистов. Дрифт нужен всем. Тот, кто откроет его первым после Шепарда, будет есть на платине.

При мысли, что настоящий дрифт был от него на расстоянии вытянутой руки, Ромул скрипнул зубами.

— Так вот почему мы не могли расшифровать их диалог, — Саммю тоже взял фотографию и поднес поближе к глазам. — И Шаман его не определил в нерабочем режиме, железяка и железяка. Но если мальчишка знал, что это такое, раз уж украл, почему не продал до сих пор? Наверняка Шепард купил бы его за любую цену.

Взгляды директората опять переместились на Хиотиса.

— Похоже, деньги ему не нужны. Хотел бы продать, сделал бы это на Мумбаях, кроме Эйба там полно желающих, да и место знакомое, он там все ходы и выходы знает. Но он прилетел с чипом сюда, в гнилую дыру, славную только тем, что ваши кассины сражаются с андроидами. И не просто пришел посмотреть из зала, а влез в их число, добился получения еще и вашего чипа, узнал коды. Это подразумевает только одну цель.

— Учиться?

— Да, и не чему-нибудь, а именно дрифту.

— Откуда он вообще о нем знает? — удивился Ромул. — Если он мумбаец? Их в Урсуле даже к границе не подпускают.

— Так, стечение обстоятельств, — уклончиво ответил Хиотис, чье лицо передернулось от каких-то воспоминаний. — Он видел, как дрифтует сам Шепард, это, скажу честно, производит впечатление. Два чипа вместе могут давать дополнительные возможности, о которых мы не знаем. Может быть, усиливают друг друга, может быть и еще что-то делают.

Многие вопросы начали обретать ответы и вставать на место, как разноцветные грани кубика Рубика. И вскрытый только что поставленным чипом электронный замок, и ночное нападение андроида, и перенятые от Старухи приемы.

— Он и у нас многому научился, — с некоторой гордостью заметил Бык. — Хотя, возможно, не в последнюю очередь от этого парня в зале.

— И научил этому наших скотов, — вдруг сказал Саммю,

сжимая кулак, потому что у него головоломка тоже сложилась.

— Почему Шепард до сих пор не прислал сюда людей выкрасть его? Это же проще, чем уговаривать или покупать? — наивно спросил Бык. — Здесь полно народу в зале, никто не заметит чужаков.

— Для этого нужно забраться в барак, — Саммю снова достал сигарету, но на этот раз руки его не дрожали. — Выкрасть кассина, защищенного многотонной механической дверью без всякой электроники, трудновато, проследить за ним в подземельях тоже невозможно, нужно знать все ходы и повороты, а их никто здесь не знает, они появляются и исчезают по геологическим причинам каждые сутки. Произвести захват в таких условиях, да еще на глазах у остальных жителей барака, тихо не удастся, наша пещерная техника оказалась лучшей защитой. Выволочь чемпиона через полный зал, который его знает в лицо, и протащить в шлюзы затруднительно. И никто не сказал, что цель не будет сопротивляться или не ждет нападения. Дешевле договориться.

— Неужели Шепарду нечего предложить нищему ребенку?

— Это кто угодно, только не ребенок, — засмеялся Хиотис. — Не смотрите на него сквозь призму возраста и внешности, большая ошибка. Если Эйб акула, то это сирена Мумбаев. Безжалостная и хладнокровная.

— Есть еще что-то, о чем вы нам забыли рассказать? — в наступившей тишине вопрос Саммю прозвучал резко и почти обвиняюще.

— Я сказал все, что знал, — ответил тот. — Была, впрочем, версия, что он слышит намного больше, чем стандартный человеческий диапазон, но проверить это возможным не представилось.

— Мы разговаривали при нем о школе дрифта, — вдруг вспомнил Ромул. — Он сидел у меня в кабинете и все слышал, когда рисовал заявление и подписывал контракт на бои. Наверняка слил это дрифтеру в зале, и тогда Шепард точно знал, зачем нам кредит, и что при наличии на нашей территории его чипа мы вполне могли бы эту тему поднять. Поэтому и главный калибр.

— Он написал вам заявление? — вдруг проявил интерес к теме Хиотис. — Оно сейчас здесь, у вас? Можно взглянуть?

Ромул поднялся, подошел к сейфу, повозился со сложной дверцей, открыл ее и замер. Хиотис подошел и заглянул в оранжевое нутро сейфа, потом посмотрел на Ромула. Шея у того приобрела такой цвет, что Бык всерьез испугался, что придется бежать за врачом.

— Сейф, как я понимаю, вы тоже открывали при нем? — насмешливо уточнил Хиотис.

— Да, — сдавленно ответил Ромул.

— Никогда не верьте мумбайцам и не поворачивайтесь к ним спиной, — похлопал его по плечу тот. — К Улиссу — особенно.

— Все контракты, все заявления… — судя по звукам, Ромул был близок к истерике. — Как он это сделал, сукин сын? Когда?

— Вы же разрешили ему гулять по подземельям, — Саммю тоже встал рядом перед квадратом пустоты. — В ваш кабинет можно попасть не только снизу вверх, но и сверху вниз. У вас тоже есть отверстия войлочного червя.

Он кивком головы указал на дыру, находившуюся в стене под потолком. Бык прикинул, что если ход не вертикальный, а идет под наклоном, то войти и выйти в кабинет можно довольно просто, прямо под ним стоит шкаф. А сброшенные в старую шахту документы никто никогда не найдет.

— На фоне всего остального мелочь, — успокоил его Хиотис. — Но если вдруг кого-то заинтересует, на каком основании вы удерживаете своих кассинов под замком, я помочь вам не смогу, имейте в виду. По крайней мере до тех пор, пока вы не восстановите архив документов. И насчет Улисса… Его трудовой договор с «Кассиновой» было бы очень неплохо иметь собственноручный, раз уж он у нас теперь краеугольный камень будущего благосостояния. А то как бы тут не появился его внезапный законный опекун со свидетельством о рождении и обвинением в киднеппинге.

— Я его убью, — прошептал Ромул. — И тоже медленно.

— Кстати, об убийстве, — вдруг подозрительно обернулся Саммю к Хиотису. — Откуда Эйб узнал, что Улисс на Марахси? Это как-то связано с той записью, которую вы у меня попросили? Вы переслали ему информацию за нашей спиной?

Хиотис и бровью не повел на такое прямое обвинение.

— У Эйба свои источники информации. Он не единственный, кому нужна голова Улисса. Есть еще кое-кто, кто хорошо заплатит за информацию о его местонахождении. Более чем хорошо.

— Кто? — Ромул сфокусировался на слове «заплатит», которое на секунду отвлекло его от переживаний по поводу сейфа. — Кто это?

Хиотис тихонько засмеялся, заложив руки в карманы.

— Пенелопа, — абсолютно серьезно ответил он.

Глава 23. Richard of York gave Battle in vain…

Бои нон-стоп вызвали огромный прилив зрителей в Колизей и огромное же оживление. Яблоку упасть действительно было негде, оно застряло бы на уровне человеческих плеч, сомкнутых так тесно, что даже махать флажками посетителям было затруднительно. Зато глоток своих они не жалели, некоторые даже сцеплялись локтями, как футбольные болельщики, чтобы образовать линию обороны от давящих в спину соседей, жаждущих выжить их с места.

Мокрый от только что проведенного боя ведущий, сменивший на этом посту Язмина, ввалился в комментаторскую, жадными глотками опустошил графин с водой, вылил остатки себе на шею и снова убежал, чтобы подняться над беснующимся залом, как практикующий чудотворец.

Ромул вызвал с балкона Шамана, тот появился и открыл было рот, но Ромул шикнул на него и велел говорить тише, оглянувшись на кассинов у стены.

— Что у тебя?

— Пока ничего, — признался Шаман. — В такой давке найти его нереально. Разве что случайно. Но если засечем, я подам его изображение на все экраны, какие у нас есть, чтобы ваши люди легче сориентировались с местом. Остальное на вашей совести.

— Когда бой Старухи?

— Через два поединка, это где-то еще минут двадцать.

— Она готова к нему?

— Лучше узнать у врача, он в кабинете Саммю. Старуха тоже там.

Все головы непроизвольно повернулись в сторону стеклянной ленты, но там не наблюдалось никакого движения. Ромул прошел туда уверенным размашистым шагом, который вернулся к нему после разговора с Хиотисом, как и деловое настроение. Бык и Саммю последовали за ним. Хиотис тоже из любопытства остановился в дверях.

Бык отметил, что с лазарета Старуха не сильно изменилась, осталась такой же бледной и почти прозрачной без своей косметики. Кучи войлочных тряпок на ней сейчас не было, жилетка была накинута просто на нижнюю рубашку без рукавов, открывавшую исколотые вены на сгибах худых рук. Врач выпрямился от дивана с пустым шприцем, с досадой бросил его и остатки ампулы в ведро.

— Это все пустая трата времени, — сварливо сказал он. — Посмотрите на ее зрачки.

Ромул нагнулся над Старухой, раскрыл ей веко пальцами и ругнулся.

— Вы же мне обещали, что она выйдет на арену сама! Какого черта?

— Что вы от меня хотите? — ответил врач. — Даже если я добавлю ей еще стимуляторов, адекватнее она не станет.

— Под кайфом? — спросил Хиотис, тоже наклоняясь над Старухой. — По виду очень похоже.

— Ей негде взять наркотики, она только что из лазарета, там только если снотворное украсть.

Саммю растолкал их обоих, по-хозяйски запустил руки в карманы жилетки, порылся в одном, потом в другом, вытянул на свет скомканную обертку серебристого цвета. Расправив ее, он внимательно рассмотрел маркировку, чертыхнулся, смял в кулаке и швырнул в то же самое мусорное ведро, куда до этого полетел шприц.

— Сукин, мать его, сын! — процедил он сквозь зубы. — Они успели встретиться, пока она была в лазарете, и он отдал ей жилетку вместе с нашим препаратом. А мы-то головы ломали…

— Что будем делать? — перебил его Ромул. — Как ей объяснить, что нужно выйти на бой? Без нее мальчишку не поймаем, другого шанса не будет.

— Стерха-то? Не зловите, — вдруг улыбнулась Старуха, открывая черные, как две пропасти, глаза. — Он ужо далеко сбег. К самым звездам…

— Стерх? Почему Стерх?

Ромул и Саммю переглянулись, Старуха загадочно улыбалась и не произнесла больше ни слова. Бык увидел, что жилы на шее Ромула вздулись, словно он собрался ее ударить, и сам сделал шаг вперед, но его опередил Хиотис.

— Оставьте меня с ней, — попросил он. — На пять минут.

Ромул поколебался, но жестом велел всем выйти. Врач последовал за остальными, хотя было понятно, что он против. Хиотис сел так, что ни его лица, ни лица Старухи снаруживидно не было. К большому изумлению всех наблюдателей, он взял ее за руку и погладил. Так прошло около десяти минут, в которые ничего не изменилось, а потом Старуха рывком села на диване и обняла своего собеседника за шею. Вместе они поднялись и вместе же осторожно дошли до дверей кабинета, где Хиотис передал ее в руки ожидающих униформистов. Те аккуратно повели ее к лестнице вниз, к кассинскому выходу на арену. Все, кто был в кабинете, смотрели вслед с открытыми ртами, пока

Старуха не скрылась за ступенями.

— Что вы ей сказали? — не удержался Саммю.

— Да так, — уклончиво ответил Хиотис. — Сыграл на том, что она меня никогда не видела, сказал, что я тут по просьбе Стерха. Обещал, что сразу после боя заберу ее с собой, и чем скорее будет бой, тем быстрее я ее увезу. Она, как ни странно, не удивилась. Правда, я не уверен, что все поняла из сказанного.

— У нее был покупатель, — вспомнил Бык. — Наверное, приняла вас за него. Однако, Ромул, в таком состоянии выпускать ее на бой — безумие. Перенесите хотя бы на конец дня, она же его не переживет.

— И прекрасно, — заявил Ромул. — Мальчишка наверняка выдаст себя, если Нидзу начнет потрошить ее прямо у него на глазах, и вот тогда уже всем придется постараться, Шаман следит за залом. Бык, вы с Саммю контролируйте выход к корабельным шлюзам. Если он собирается сбежать, то попробует забраться на «Европу», это единственное урсулийское судно. Униформисты мною предупреждены, увидите его — немедленно включайте пожарную тревогу, там кнопки на стене, в щитке. Они прибегут к вам на помощь.

— А вы? — вкрадчиво спросил Саммю.

— Я? — Ромул снял с пояса лучевой пистолет и проверил аккумулятор. — Посмотрю на бой от арены.

Хиотис не стал задавать никаких вопросов, отошел к дивану и устроился на нем, о чем-то напряженно раздумывая. Ромул прогрохотал ботинками по лестнице вниз, и Быку с Саммю тоже ничего не оставалось, как пойти к шлюзам, ведущим в космопорт.

Коридор у шлюзов был пустым и белым, выложенным квадратной плиткой, которую было легко мыть из шланга, потому что там то и дело появлялись неприличные надписи. Обычно в нем болтались только что прилетевшие или отбывающие пассажиры, но сейчас не было ни души, и только огромные экраны, закрепленные через каждые двадцать-тридцать метров, транслировали изображения арены и зала, параллельно надрываясь голосами дикторов из встроенных динамиков: «Она восстала из мертвых! Восстала из лазарета! Фантастически сильная, фантастически удачливая! Явление чуда в наш век науки! Человек, переживший три операции, и плюнувший им в лицо! Фтарзи Варнан! Железная Старуха из Сто Пятой!»

— Зачем Ромулу пистолет? — не выдержал Бык. — Да еще и с полным зарядом?

— Может, ему так спокойнее, — туманно ответил Саммю. — Я бы тоже не отказался, знаете ли.

— А вам-то кого бояться?

— Например, вас, — Саммю произнес это шутливо, но его глаза не улыбались. — Вы ведь были в лазарете, когда Улисс приходил к Старухе, правда? Я посчитал, что другого момента просто не могло быть. Мальчишка зашел с ходунком в свой барак, мы с Шаманом пошли в медблок, а вы в лазарет. В тот промежуток из его камеры вызывали еще троих кассинов, дверь открывалась трижды. И вуаля — на Старухе опять ее жилетка, в которой он выступал последний раз. Что скажете?

— Чушь вы несете, — равнодушно отозвался Бык. — Я от снотворного свалился как убитый, и мне, говоря откровенно, было глубоко плевать на всех старух в мире. Если уж вам охота поцапаться, так и говорите.

Они прошли еще несколько шагов молча под новую лавину дикторских воплей и визжащих трибун. Камера крупным планом демонстрировала Нидзу, который ломал свои оковы, яростно крутя кулачищами к ужасу зрителей первого ряда. Пару раз камера мазнула объективом и по выходам, а потом сосредоточилась на арене, куда выпустили Старуху. Зал словно сошел с ума, завывая стоголосым чудовищем: «Тарси! Тарси! Тарси!».

Бык остановился, Саммю тоже замер за его плечом. Старуха прошла и остановилась у разделяющей их с Нидзу формальной перегородки. Ее заметно качнуло, но она справилась, помахала рукой наугад куда-то в зал, отошла назад и встала в центре своей половины, уперев кулаки в бока и крутолобо наклонив голову вперед.

Железная Старуха из Сто Пятой.

Униформисты сняли блокировку с креплений Нидзу и поспешно отскочили в сторону, потому что Нидзу схватил свое узилище, поднял над головой и разнес в щепки об ограждение арены. Зал прошел волной, каждый хотел получше рассмотреть, что сделал андроид, но видно было не всем. Противники развернулись друг к другу лицом, и Нидзу издал рев, похожий на раненого Годзиллу. После этого он двинулся на нее, как танк, сминая на своем пути разделяющую их преграду. Старуха никак не проявила обеспокоенности этим фактом, взялась за края своей юбки и сделала шутливый реверанс.

— Она с ума сошла? — осведомился Саммю у Быка. — Или решила умереть?

— Похоже, последнее, — пробормотал Бык, наблюдая за тем, как Нидзу поднимает ручищи и растопыривает пальцы, чтобы взять ее за горло.

Полипластовые руки легли ей на шею и там внезапно остановились.

— Ну же, — крикнула Старуха, сама сжимая его руки на себе, а потом и ударяя их по тыльной стороне, чтобы завершить начатое. — Давай, дурня, умрун безмозговый, давай!

Но свести руки андроида ей не удавалось, она выкрутилась из них, со злостью отскочила в сторону и повернулась к залу.

— Нравится? — задорно крикнула она.

— Разорви его! — проревел ей в ответ зал. — Разорви его!

Старуха сузила глаза, камера крупным планом показывала сейчас ее лицо, в котором не было ни кровинки. Повернувшись к андроиду, она ударом кулака в центр развела мертвые защитные панели на его груди, вырвала оттуда связку проводов, какой-то прозрачный контейнер, и по белому полипласту на арену вдруг хлынула кровь, густая и багровая.

Быку показалось, что звук на экранах пропал, настолько оглушительной стала тишина в зале. Нидзу сложился вдвое, упал на колени и ткнулся головой ей в живот, это выглядело так, как если бы он был блудным сыном, испрашивающим благословения у родителя. После этого он сполз на арену и затих у ее ног.

— Откуда кровь? — вдруг истерично выкрикнул кто-то в зале. — У андроидов ее не бывает! Это поддельный Нидзу! Мы ставили на настоящего!

— Бой недействительный! — гаркнул еще кто-то. — Они внутрь человека упихали! Ах, подлецы! Нидзу, поди, еще с того раза коньки отбросил, а нам не говорят! Лишь бы деньги несли!

— Жулики! — заорал третий голос. — Подстава!

Ромул выскочил на арену с перекошенным лицом, развернул Старуху к себе лицом.

— Ты что несешь! — рявкнул он. — Совсем спятила?

Та оттолкнула его от себя с презрительным выражением лица, а потом размахнулась и бросила ему в лицо какой-то предмет, небольшой, но красный от крови, он на секунду прилип Ромулу к лицу и отвалился, оставив у него на щеке квадратный след.

— И чиб свой забери, — сказала Старуха. — Он ужо мне без надобности, я драться с поддельными ромульяни не нанималась. Сама его вытащила из себя, и я тебе боле не кассин.

Трясущейся от бешенства рукой Ромул сорвал с пояса лучевой пистолет, поднял на уровень лица Старухи, но курок спустить не успел — со стороны зала в его запястье с размаху вошел медицинский скальпель. Ромул выронил пистолет, кровь залила ему рукав, униформисты бросились на помощь под оглушительный хохот Старухи. Камеры немедленно развернулись в сторону, откуда прилетел нож, проплыли по рядам и замерли на боковой скамейке. Юная «скво» раскрашенного ялмундца стояла

ногами на сиденье, отбросив в сторону «ребенка», который оказался просто кульком тряпок.

— Умно, — с уважением сказал Саммю. — В сидячем положении рост не разберешь, тем более в бабских тряпках. Опять нас нагнул, сопляк. Надеюсь, охрана не подведет.

Охрана действительно рванула к боковому входу со всех сторон зала, ялмундец стащил мальчишку за руку со скамейки и поволок за собой.

— Беги, Стерх! — перекрыл шум зала голос невидимой Старухи. — Ты должен увидеть звезды! Ты обещал мне!

— Да это Малой! — пробасил кто-то усатым ртом прямо в камеру. — Двести кредитов, не хрен собачий. Беги, Счастливчик!

Здоровенный мужик с багровым лицом схватил своих соседей под локти и перекрыл путь охранникам с дубинками, порывавшимся последовать за беглецами. Один из преследователей ткнул его шокером, мужик обмяк и выпал из ряда. Его соседи сомкнули линию, кто-то со спины охранника опустил тому на голову рекламный щит на длинной ноге. Дальше объектив камеры съехал в сторону, и только по звукам было понятно, что в зале началась драка.

Саммю взглянул на Быка, тот тоже ответил длинным многозначительным взглядом. В коридоре показались люди, спешно покидающие поле боя, чтобы отсидеться в безопасности на кораблях. Сначала их было несколько, но уже через некоторое время коридор к шлюзу стал напоминать метро в час пик.

Саммю отчаянно крутил по сторонам головой, даже подпрыгивал, пока кто-то из истерично продирающихся к выходу людей не врезался ему лбом в лицо. Хлынула кровь, Бык воспользовался этим и силой оттеснил Саммю к стене, прижал к его носу платок, одновременно запрокидывая ему голову назад.

— Вон там, — скосив глаза из-за платка прогнусавил Саммю, цепляясь за пальцы Быка в попытке их оторвать от себя, — у стены!

Бык, не разжимая рук, посмотрел в указанную сторону. Двое подростков действительно пробирались к выходу, один из них выглядел тощим и бесцветным оборванцем в нищенской одежде, на втором был дорогой кожаный костюм и сапоги для верховой езды. Лицо его закрывала ромульянская маска, поверх которой свисали длинные светлые волосы.

— Нет, это наш сталкер, похоже, сегодня окончательно разорился, — отмахнулся Бык. — Подцепил сынка того викторианца, который скандалил из-за места, наверное, решил продать ему свою систему ставок. Дерьмец тоже весь в папашу, лучше не связываться.

— А там? — не унимался Саммю, которому приходилось держать голову запрокинутой, чтобы кровь не хлестала на одежду.

— А вот там очень похоже.

Бык взял Саммю под локоть и поволок в противоположную сторону, где еще двое парней в ромульянских масках, заляпанных кровью, выскочили со стороны зала. На ходу Бык обернулся назад, и увидел, что сын викторианского бизнесмена тоже обернулся в его сторону, сверкнув глазами сквозь прорези маски. А потом их разделил новый поток людей, который выплеснулся из зала.

Когда Быку удалось затащить Саммю обратно в комментаторскую, там царил полнейший хаос. Ромул здоровой рукой и ногами крушил все, что ему попадалось на пути, дикторская смена давно улизнула, в зале выключили свет, и последние посетители выбирались наощупь, костеря администрацию на чем свет стоит. Вид окровавленного Саммю не остановил Ромула, который сгреб его за рубашку и подтянул к себе.

— Упустили? Один лицо раскрасил, а другой бабой нарядился, и вы ни черта не заметили?

— Хватит искать виноватых, — вяло посоветовал Бык, вклиниваясь между ними. — У шлюзов сейчас черт ногу сломит, надо же было так весь зал завести.

— Что нам делать? — Ромул посмотрел на Хиотиса. — Может быть, обратиться к командирам кораблей? Скажем, что человек проник туда без билета, пусть найдут и выкинут.

— Попробуйте, — не стал возражать Хиотис, но в его голосе не было ни капли заинтересованности.

— Саммю, вы… — Ромул посмотрел в его сторону и махнул рукой. — Бык, тогда вы, идите со мной.

Бык уселся на диван и достал сигареты.

— Не вижу смысла, — устало сказал он. — Если у них был запланирован сегодня побег, то наверняка и билеты есть. А если билетов нет, их и так высадят. Кроме того, это уже не моя работа. Тут в Колизее порядок наводить неделю придется. На корабле своего персонала достаточно.

Ромул сверкнул глазами и выскочил за дверь, в которую через несколько минут вошли кассины во главе с Плаццем. По их лицам было ясно, что настроены они серьезно, и Бык был единственным, кто поднялся им навстречу.

— Вы не хотите купить мою долю в предприятии? — прошептал Саммю, наклоняясь к его уху и прикрывая рот платком, который продолжал держать у лица. — Недорого

возьму.

Глава 24. «Европа» отправляется по маршруту

Капитан «Европы» выслушал Ромула вежливо, но без особенного энтузиазма.

— У нас старт через час, — сказал он. — А в Колизее какое-то побоище устроили, у меня полный отсек травмированных, с ними бы справится. Времени вас провожать нет совсем.

Он многозначительно посмотрел на Ромула, тот сунул было руку в карман, но вспомнил, что наличных денег нет. Капитан тоже это понял, и лицо его моментально утратило всяческий интерес.

— Можете поискать сами своего беглеца, — махнул он рукой, — капсулы с торца прозрачные, если, конечно, пассажир не улегся спать. Тогда стекла теряют прозрачность, и вы ничего не увидите. Проверка билетов будет за полчаса до старта, но вообще ячейки просто не открываются тем, чьего имени нет в реестре пассажиров.

Ромул едва сдержался, чтобы не сказать ему все, что он думает о таком методе безопасности при наличии на борту дрифтеров, но спросил только, в какую сторону идти к лифту.

Капсульные корабли он видел много раз, особенность их заключалась в том, что не было палуб и коридоров между каютами. Весь жилой отсек корабля представлял собой единый огромный массив спальных мест, уходящий под самый потолок, и если к верхним местам пассажиров доставляли лифты, то обитателям нижних ярусов приходилось карабкаться по простой железной лестнице. Вдоль торцов капсул шел неширокий мостик, по которому можно было перемещаться вдоль ряда в поисках своего места, но уже двоим там было не разойтись, кому-то приходилось пятиться назад. Рассмотреть пассажира внутри капсулы даже при нормальной видимости торцевого стекла было нереально, часто для обозрения торчали только ноги в носках или без.

Ромул взял себя в руки и немного подумал. Если оба беглеца прибыли на «Европу» в том же виде, в каком удирали из зала, то у ялмундца на лице остались следы краски, тот самый геометрический узор. Мальчишка тоже гримировался под женщину. Наверняка они захотят смыть все это, прежде чем ложиться в капсулу с чистым бельем.

— Где у вас туалет? — схватил он за рукав стюарда, тащившего в руках стопку подушек-блинов. — С душем?

— В конце трюма, — охотно ответил тот. — Он общий, мужской и женский.

Ромул не стал терять время на благодарности, ощупью проверил наличие с ним пистолета, и поспешно направился в указанную сторону. Дверь в туалет была одна, а вот дальше он разделялся на кабинки, над которыми нависали душевые сопла. В целях экономии пространства унитазы находились там же, где принимался душ, только несколько в стороне, слив в наклонном полу был обычным сантехническим трапом, позволявшим воде не застаиваться и не накапливаться.

Несколько дальних кабинок были заняты, но Ромул не торопился, торопиться больше было некуда. Он сел на откидной стул у стены и стал ждать.

После всего случившегося он ясно понимал одно — проект «Кассинова» закончил свое существование. Деньги у него были, небольшие накопления, которые он откладывал в мумбайском банке на черный день, но как показаться на глаза Эйбу без мальчишки и без чипа? А ведь тот непременно узнает, придет задать свои вопросы и посмеяться над его неудачами. Плевать, смех пережить можно, а что делать с долгами? Нет, это тоже не его проблема, он не дурак, и кредит брал не лично, а на юридическое лицо, в котором он только один из собственников. Оно и заложено в качестве обеспечения, раз уж проклятый Гелбрейт выкрутился из поручительства. Кстати, откуда он-то узнал о встрече в ресторане, чтобы так убедительно сыграть свою роль? Ах, да, Хиотис, прослушка… Черт с ними со всеми. Пускай кассины платят по кредиту, а не захотят, так банк заберет «Кассинову» за долги. Интересно, что Клинт сделает с таким залогом? Уничтожит? Сдаст в аренду? Тоже плевать теперь. Пусть кассины возвращаются назад в свои дыры до прихода новых владельцев Марахси, и пусть у тех уже голова болит, что делать с такими подлыми скотами, которые добра не помнят. Кормил, поил, одевал на свои деньги, и никакой отдачи. Так им и надо. На него могут обратить взыскание только в пределах его уставного вклада в «Кассинову», а это сущие мелочи, пусть забирают. И аренду пусть сами себе платят. Он уедет на Мумбаи и там договорится с Эйбом, начнет что-нибудь новое, забудет Марахси как страшный сон. Вот только мальчишку нужно непременно убить. Какая там была Пенелопа? Кто она? Зачем ей голодранец, у которого всего имущества только чип на шее? За что Эйб собрался убивать его медленно? Почему он не спросил об этом Хиотиса? И чем расплатиться с ним? Это все ерунда, полная ерунда, пусть Бык думает, чем расплатиться, тоже подлый предатель, все они предатели, а ему теперь нет никакой разницы,

одним долгом больше, одним меньше. Когда он дождется здесь мальчишку, то убьет его, заберет у него чип, а потом улетит на Мумбаи. С Эйбом тоже можно будет начать совместный проект, деньги у того есть, но тогда все равно нужен чип. Без него будет не партнерство, а приживание из милости. Или вообще ничего не будет. Опять нужно за будущее бороться, а он-то думал, что все уже позади. И почему так болит голова?

Ромул посмотрел на часы, потом на вышедшего из кабинки мужчину в банном халате и тапочках, и внезапно подумал, что сидеть на виду глупость. Лучше всего спрятаться в кабинке и оттуда уже следить за дверью, это не вызовет никаких подозрений, даже если мальчишка и вправду слышит каждый шорох. Мало ли кто решил принять душ перед дорогой. А потом неожиданно выскочить, и лучше всего, если подонок будет стоять к нему спиной и умываться, тогда можно оглушить его ударом по голове и вытащить под видом пьяного или эпилептика. Стоп! Если тот, второй, тоже дрифтер, чип и у него есть! Из двух чипов один можно отдать Эйбу, а второй взять себе. Тогда Улисса можно просто убить, а второго оглушить и вытащить. Пожалуй, так даже лучше.

С этими мыслями он вошел в распаренную освободившуюся кабинку и включил душ на малую мощность для маскировки. Дверь ему была видна хорошо, душевые плотно не запирались, оставляли небольшую щель. Часть сопел душевой лейки засорилась, вода капала ему на рубашку, мочила повязку на руке. Боли в запястье не было, врач ему что-то вколол, поэтому удержать ею пистолет, чтобы ударить, будет вполне реально.

Чтобы не промокнуть окончательно, Ромул сел на крышку унитаза и подтянул ноги. В таком положении он провел около пятнадцати минут, прежде чем он увидел то, что хотел увидеть. Высокий и тощий парень с бесцветным лицом вошел первым, бросил на пол свой рюкзак, и туда же сбросил стянутую через голову войлочную рубашку.

— Ну и мерзость, — сказал он, от души почесывая спину между лопаток. — Как вы в них ходите? В первый день думал, раздеру все до крови.

— Привыкаешь.

Улисс вошел следом, прислонился плечом к стене возле зеркала, внимательно осмотрел занятые кабинки, потом перевел взгляд на голого по пояс подельника.

— У тебя есть имя? — спросил он.

— Я Тень, — засмеялся сталкер, вытаскивая из рюкзака белую майку с рукавами. — На работе мы не пользуемся именами, только кличками.

— А ты на работе?

— Практика. Учебу я уже закончил. А тебя как зовут?

— Никак, — равнодушно ответил Улисс. — У меня нет имени.

— А лет сколько?

— Двенадцать.

Тень проглотил вранье, не поперхнувшись, согнулся над раковиной, ожесточенно намылился гелем из дозатора, а потом смыл его под огромным напором воды, подставив туда и голову. Оказалось, что волосы у него рыжеватые, а брови и ресницы гораздо темнее, серая краска слиняла с него, как пыль с картины под рукой реставратора. Он вытер лицо, намотал на шею полотенце, чтобы не текло с волос, и уступил место у раковины Улиссу. Тот рубашку снимать не стал, только рукава задрал повыше.

— Фтарзи Варнан отправят по тому адресу, который ты дал, — сказал парень ему в спину, энергично и с видимым наслаждением расправляя на себе чистую майку. — Техник мне подтвердил, что отгрузка планировалась на сегодня. Еще вопросы есть?

— Киршан.

— Я же сказал, она погибла. Дня два или три назад.

— Врешь, — уверенно ответил Улисс, глядя в зеркало на его отражение.

Тень досадливо вздохнул.

— Ладно, вру, — неохотно подтвердил он, упираясь руками в соседнюю раковину и слегка отжимаясь от нее на руках. — Жива твоя Киршан. Но больше ничего не скажу. Даже не спрашивай.

— Почему?

— Вывозить нелегалов с планетоида подсудное дело. А я тебе сейчас служебную тайну выдал. Не положено, чтобы вы друг о друге вообще знали.

— Кто это «вы»?

— Шепард велел всех несовершеннолетних кассинов снять с Марахси, — быстрым шепотом признался Тень. — Рассовать по разным планетам, но Марахси никак не упоминать. Тех двух мальчишек, тебя и Киршан.

— Зачем?

Тень с не меньшим недоумением взглянул на отражение своего безымянного напарника.

— Что значит зачем? У него внук такого же возраста, как ты. Знаешь поговорку, что чужих детей не бывает?

— Не слышал, — Улисс снял со своей шеи веревку с крестиком и протянул Тени. — На, держи.

Пока он смывал мыло, Тень надломил ножку у крестика, раскрошил остальные части, сделанные из какого-то мягкого металла, и приложил оставшийся в пальцах фрагмент к своему плечу — тот совпал размером с крестовым шрамом на плече.

— Ну и напугал ты меня тогда внутри андроида, — признался он, пряча чип в маленький нагрудный карман майки. — Я-то думал незаметно тебе помочь, чтобы вашего борова провести, а ты меня засек. Но вообще ты молодец, не растерялся. У тебя талант к дрифту.

Улыбка делала его еще моложе, чем он был. Зубы у Тени были с расщелиной посередине, небольшой, но заметной при улыбке, нос украшала россыпь веснушек. Улисс вытерся бумажным полотенцем из настенного держателя, посмотрел на следы от собственного лица, выбросил комок в урну и сунул руки в карманы.

— Перевалимся через таможню — я выйду, — решительно сказал он. — И расходимся.

— В смысле? — искренне изумился Тень. — Куда расходимся?

— В разные стороны. Я дальше сам как-нибудь.

— А с меня потом голову снимут? — в голосе Тени было искреннее возмущение. — Нет, парень, так не пойдет. Я тебя должен на какую-нибудь планету подальше от границы отвезти и сдать в школу. А там уже не моя проблема, хочешь быть нелегалом всю жизнь — на здоровье, только беги уже оттуда. Мне, знаешь, на практике первое взыскание получать неохота.

— На какую еще планету?

— Да какую сам выберешь, там пробелы специально оставлены. Выберешь — и впишем, а если не знаешь, можешь полистать атлас Урсулы. Кстати, если выберешь мою планету, я тебе подскажу, где там хорошие места. На других не знаю, надо в сети искать отзывы. И насчет имени тоже подумай, в школе спросят, запишут, и жить тебе потом с ним всю жизнь.

Ромул рывком распахнул дверь и вышел на свет, взяв Тень на мушку.

— Иди на выход, — тихо приказал он. — Быстро.

Тень удивленно приоткрыл рот, но с места не сдвинулся. Улисс тоже остался стоять там, где был, впервые глядя на Ромула без того дурашливого вида, который у него был в комментаторской. Оценивающе как-то смотрел и даже пренебрежительно. Такая реакция не входила в планы Ромула, он рассчитывал, что хотя бы один испугается. Времени было в обрез, поэтому он направил ствол в голову Улисса и просто нажал на гашетку. Но проклятый пистолет не издал ни вспышки. Ромул

взглянул на управляющую панель бластера — аккумулятор показал полную разрядку прямо на его глазах, пискнул и погас. Он лихорадочно нажал кнопку активации режима, бластер мигнул и снова выключился как свет.

В кино герои в такие моменты отбрасывают оружие и переходят к рукопашной, происходит драка, иногда даже красочная, с битьем стекол и визгами женщин, но Ромул не мог себя заставить даже сделать шаг в направлении любого из них. Переводил взгляд с одного на другого, и прекрасно понимал, что какую бы цель он не выбрал, второй не даст ему воплотить эти планы в жизнь. Улисс просто подойдет сзади и свернет ему шею, как андроиду, а Тень… Тот больше не казался нелепым оборванцем, руки у него были мускулистыми, а глаза — сузившимися и нечитаемыми. Ромул шумно сглотнул и вытер мокрый лоб рукой.

Позорная и нелепая ситуация усугубилась пришествием в туалет целой семьи — двух взрослых и двоих детей, один из которых надрывался оглушительным плачем в коляске с антигравами.

— Простите, — сказал отец семейства, протискиваясь с люлькой мимо Ромула к дальней раковине. — Извините ради бога, вы не могли бы не стоять столбом посередине? Мне нужно переодеть ребенка.

Ромул опять торопливо вытер лицо рукавом, отступил в открытую кабину и перехватил пистолет двумя руками. Отреагировав на движение, сверху брызнула вода. Улисс засмеялся, Тень присоединился к нему с каким-то веселейшим и глупейшим хохотом, и Ромул почувствовал, что у него кружится голова и не хватает воздуха. Он вцепился рукой в крепление душа, почти повис на нем, чувствуя, как тяжело толкается в ушах кровь. Мать семейства неодобрительно посмотрела на смеющихся, на секунду прикрыла дверь кабины, чтобы подтащить к раковине табуретку и водрузить на нее девочку, перемазанную мороженым.

Ромул опомнился, оттолкнул ее в сторону, выскочил из туалета, но не увидел никого карабкающимся по лестнице или бегущим к лифту. И Улисс, и Тень испарились, словно их тут и не было. Зато сигнализация корабля издала резкую трель — предстартовый режим.

— Пассажирам просьба занять капсулы, — сказал механический голос бортпроводника. — Посторонних и провожающих просим покинуть корабль. До старта тридцать минут. Приготовьте, пожалуйста, документы для проверки, отсканируйте отпечаток пальца, если вы этого еще не сделали,

уберите потенциально опасные предметы в камеру хранения, находящуюся в изголовье капсулы. Пристегните ремни безопасности и не отстегивайте их до появления на табло соответствующего символа. «Европа» отправляется по маршруту…

Капсулы начали терять прозрачность одна за другой, как будто задраивался на ночь огромный муравейник.

В шлюзовом коридоре было грязно и холодно, но Ромул сел на пол у стены и тупо смотрел на экран, пока «Европа» не взлетела. Непонятный приступ прошел, оставив за грудиной давящее чувство. После пережитого унижения ему хотелось напиться, но для этого нужно было подняться наверх и рассказать о том, что произошло. Хотя он знал, что уже не найдет там никого и ничего, кроме разоренного Колизея за треснувшим стеклом из полипласта. Проверять это не было моральных сил, поэтому он продолжал сидеть, глядя на выписанное поверх кафеля метровое нецензурное ругательство, вполне отражавшее текущее положение дел.

Он поискал сигареты, но они оказались мокрыми, и он отбросил раскисшую коробку в сторону, вспомнив о пистолете, который так и держал в руке. Он ожесточенно нажал предавшую его кнопку, желая вдавить ее туда совсем, раз уж это нельзя сделать с горлом противника — но устройство неожиданно ожило, дисплей засветился и показал все технические данные бластера, включая модель, мощность и батарею с полным зарядом. Ромул несколько секунд смотрел на него, а потом со звериным рыком швырнул в стену так, что несколько плохо закрепленных плиток с куском неприличного слова упали вниз.

— Старуху ты не получишь, так и знай, — проорал он в гулкую пустоту коридора в направлении выхода на взлетное поле. — Кому угодно ее продам, с кашей съем, но ты ее не получишь, ублюдок мумбайский! Найдешь ее — я тебя тоже найду. Я тебя убью, сукин ты сын! Убью…

Глухонемой уборщик, вышедший на свою смену, мерно шаркал метлой из войлока по обрывкам разноцветных афиш и блесткам, сметая их в одну большую кучу.

Вместо эпилога

В пальто нараспашку, Аглая влетела в здание космопорта и, запыхавшись, добежала до гранитного постамента с символической фигуркой белого медведя. Она перекинула сумку на другое плечо и наклонилась вперед, в институте им говорили, что дети меньше испытывают проблем в общении с незнакомыми людьми, если те одного с ними роста.

— Привет, — как можно дружелюбнее сказала она мальчику. — Прости, что опоздала. Я думала, что пробок не будет, но не рассчитала, хотя выехала за час. Я твой куратор, меня зовут Аглая. Давно ждешь?

— Не очень, — мальчик поднялся. — Что значит куратор?

Аглая мельком отметила, что у него нет с собой чемодана или даже рюкзака, наверное, украли, пока она добиралась сюда. Вот как можно было оставить ребенка одного в незнакомом месте? Она обязательно выскажет все, что думает по этому поводу социальной службе, причем в письменном виде.

— Человек, который помогает адаптироваться на новом месте к незнакомой обстановке, — охотно пояснила она, в глубине души гордясь своей специальностью. — Ты на нашей планете раньше не бывал?

— Нет, мэм.

— Ну, не бойся, я помогу тебе освоиться, — она положила ему руки на плечи и слегка сжала в знак поддержки. — Учебный год уже начался, но мы с тобой быстро все наверстаем, подберем тебе хорошую программу, скучно не будет. У нас на самом деле много интересного, есть музыкальный класс, телескоп, бассейн, даже зал виртуальных игр с роботами и монстрами.

Последнее она добавила нарочно, мальчишки всегда оживлялись, когда слышали о виртуальных играх, но этот просто вежливо кивнул головой.

— Я, по правде сказать, ничего о тебе не знаю, потому что твое дело прислали только что, — призналась она. — Не успела ничего прочесть, кроме того, что ты до сих пор был на домашнем обучении. Наверное, первое время в коллективе тебе будет сложно, но если начнут обижать, не молчи, договорились?

— Хорошо. А что такое дело?

— Сопроводительное письмо, с которым мы принимаем учеников в нашу школу. Она для тех, у кого нет родителей, поэтому вот такие письма пишут учителя друг другу. Что ты любишь делать в свободное время? Чем увлекаешься?

Мальчик задумчиво посмотрел на нее.

— У вас есть книги? Или компьютеры с выходом в сеть?

Вопрос был таким наивным, что Аглая засмеялась.

— Конечно, — ответила она. — Любишь читать? У нас есть даже бумажные книги, представляешь? У нас такая библиотека, которая всем нравится, в виде замка, я тебе ее покажу. Но сначала надо тебя устроить и покормить с дороги.

Она выпрямилась, покрутила головой вокруг в поисках вывески со словом такси, нашла ее, после чего протянула ему ладонь и несколько раз сложила ее. Рука сиротливо повисла в воздухе, и на секунду ей показалось, что мальчик не понял этого жеста или понял как-то по-своему.

— Дай мне руку, пожалуйста, — попросила она. — Космопорт большой, тут много народу, можно потеряться по дороге. Ты не думай, я и маму беру за руку на вокзалах, она у меня часто отвлекается, и я потом ее ищу по громкой связи, представляешь? Ты, небось, и без того страху натерпелся, пока сидел тут один, а если еще и заблудишься?

Помедлив, мальчик вложил свою ладонь в ее пальцы, и Аглая заметила, что другой рукой он незаметно скинул с запястья браслет из черного пористого камня и бросил его возле медведя, как оставляют ненужные больше игрушки, когда начинается другая жизнь.

Совсем другая.